Государственный комитет Российской Федерации
по высшему образованию
Петрозаводский государственный университет

З.К. Тарланов

Агулы: их язык и история

Петрозаводск
Издательство Петрозаводского университета
1994

Государственный комитет Российской Федерации
по высшему образованию
Петрозаводский государственный университет

З.К. Тарланов

Агулы: их язык и история

Петрозаводск
Издательство Петрозаводского университета
1994

ББК 81.60
Т 20

Монография посвящена этнолингвистическому описанию агулов - одной из малоизученных народностей лезгинской группы Дагестана.

Помимо исследования собственно структуры языка на всех уровнях, в ней обобщаются и факты по древней истории в плане этногенеза, предлагается обзор с историко-этнографическими комментариями наиболее характерных реликтовых традиций, суеверий, форм магии и т.д. На основе данных языка высказываются некоторые соображения относительно происхождения агулов, их первоначального расселения, историко-культурных связей с другими народами, форм хозяйственной деятельности.

Монография представляет интерес не только для лингвистов-кавказоведов, но и для историков, этнографов, специалистов в области этнолингвистики, а также для широкого читателя.

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Петрозаводского государственного университета

Рецензенты:

доктор филологических наук
Г.М. Керт
доктор филологических наук
В.В. Колесов

Т $\frac{4602010000}{Д\ 26(03)-94}$ 59 – 94

ISBN 5-230-09004-9

Предисловие

Предлагаемая вниманию читателей книга посвящена этнолингвистическому описанию агулов - одной из народностей Дагестана, история, культура и язык которой изучены пока очень мало. Одна из причин недостаточной изученности этой народности, как, впрочем, и других народностей Дагестана,- отсутствие необходимых письменных и других памятников, которые позволяли бы воссоздать ее историю. Сведения же о ней, содержащиеся в исторических документах других народов, географических описаниях древних и поздних путешественников и хроникеров (арабских, армянских, грузинских и др.), чрезвычайно скудны. Поэтому основным материалом для книги послужили данные языка, анализируемые и интерпретируемые в соответствии с основополагающим принципом о тесной связи между историей народа и историей языка, с учетом методологии, установок и достижений исторической лингвистики и этнолингвистики. При обсуждении вопросов, связанных с этногенезом агулов, с их первоначальным расселением, хозяйственной жизнью, социальной организацией, реконструкцией истории контактов с другими народами, активно привлекаются показания топонимики, дифференциации и специализации лексики, народной терминологии, объема и генетической принадлежности лексических заимствований; для определения относительной хронологии процесса распада восточнолезгинской этнической общности используется метод глоттохронологии М.Сводеша. Полученные таким образом сведения дополняют и расширяют наши представления о древних этапах истории Южного Дагестана в целом.

Этнолингвистические наблюдения сопровождаются описанием наиболее характерных народных традиций, суеверий,

форм магии, которые также играют важную роль при решении соответствующих вопросов истории.

Большую часть книги занимает описание собственно языка, охватывающее всю его структуру, начиная от фонетики и фонологии кончая синтаксисом. При этом ряд разделов морфологии, лексики и синтаксис в книге представлены впервые. Во всех имеющихся исследованиях по агульскому языку эти разделы полностью отсутствуют.Впервые дается также и словарь заимствований, относящихся в основном к древней истории языка. Таким образом, собственно лингвистическая часть работы стоит не особняком, а составляет органическую принадлежность целого - этнолингвистического описания народа.

Фактической базой исследования послужили материалы, собранные автором более чем за 10 лет.За рамками исследования остались, однако, фольклорные записи (песни, сказки, пословицы, предания и легенды), которые заслуживают отдельного рассмотрения.

Книга адресуется историкам, этнографам, лингвистам - всем, кто интересуется историей Дагестана, а также проблемами этнолингвистики в целом. В транскрипции ради удобства и обеспечения единства в чтении иллюстративного материала по традиции используются знаки на латинской основе с добавлением недостающих из них.

Глава первая

ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГЕНЕЗА АГУЛОВ

Агулы - это одна из народностей Дагестана, населяющая южную его часть (Махачкала, Каспийск, Дербентский район), а также некоторые районы и населенные пункты на севере Азербайджана (Сумгаит) и Киргизии и относящаяся этнически, по языку и культуре к народностям лезгинской группы. Традиционно агулы жили довольно компактно, расселившись высоко в горах, занимая по современному административному делению территорию Агульского района и примыкающую к нему часть бывшего Курахского района, в долинах рек Большая (Чираг-чай), Гехкун (Буркиханская), Кушан и Курах (Курах-чай), называвшихся Агулдере (Агульское ущелье, территория), Кушандере и Курахдере[1]. Общая численность агулов - более 30 тыс. человек.

Происхождение, этническая история, история культуры и социально-экономического развития, а также история контактов их с другими народами не были еще предметом специальных научных исследований. Первые опыты этнографического описания агулов, принадлежащие Б.А.Калоеву, относятся лишь к 50-м годам нашего столетия. С этого времени и начинается изучение истории агулов. Сейчас мы имеем уже довольно ясное представление об экономическом и социальном устройстве агульского общества главным образом в 18-19 вв., о традиционной одежде, архитектуре, кухне, о некото-

[1]См.подробнее: *Калоев Б.А.* Агулы (Историко-этнографический очерк) // Кавказский этнографический сборник. Вып.3. М.; Л.,1962. С. 67-72.

рых памятниках материальной культуры 12-13 вв. и т.д. Этими сведениями мы обязаны прежде всего работам Б.А.Калоева, а также А.Р.Шихсаидова[2], Х.Х.Рамазанова[3], Ш.М.Ахмедова др.[4] Сведения эти в основном все же - о ближайшей истории. Что же касается истории более отдаленных периодов до 18 в., не говоря о древних и древнейших, то она по-прежнему остается малоисследованной. Изучение древней истории осложняется тем, что народ не имел своей письменности, следовательно, и памятники ее отсутствуют. Археологические и этнографические исследования проведены еще не на всех территориях расселения этого народа. Отдельные древнейшие датированные памятники - куфические надписи, найденные в агульских селах, относятся к 12-13 вв.[5] Свидетельства, представленные письменными памятниками других народов, также скудны. В частности, примечательное упоминание об агулах ("агутакани") имеется в Армянской географии 7 в.[6] Оно дает основание предположить, что агулы составляли самостоятельную этническую единицу уже к 7 в. и, судя по куфическим надписям в Рича, Буркихане, Тпиге, Кураге и Буршаге[7], были расселены еще тогда на тех территориях, которые занимают поныне. Но на этом сведения об этногенезе агулов исчерпываются. Ясно, что источником изучения в данном случае должен стать язык, который способен в достаточной мере быть информативным, если методологически правильно его "читать" как универсальный памятник истории народа. Образцы использования языка в целях реконструкции исторического прошлого народов оставлены, как известно, Ф.Энгельсом, широко внедрявшим приемы сравнительно-ис-

---

[2]*Шихсаидов А.Р.* О пребывании монголов в Рича и Кумухе //Уч.зап. Института истории, языка и литературы. Махачкала, 1956. Т.4. С.6-7.

[3]*Рамазанов Х.Х.*, *Шихсаидов А.Р.* Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала, 1964.

[4]*Ахмедов Ш.М.*, *Исламмагомедов А.И.*, *Булатова А.* Агулы. Махачкала,1975.

[5]*Калоев Б.А.* Указ. соч., с. 73-74.

[6]Армянская география 7 в. : Пер. К.П.Патканова. СПб,1877.

[7]*Калоев Б.А.* Указ. соч., с. 73

торического метода в исторические исследования[8]. В советской истории также известен опыт, когда история народа была воссоздана по данным его языка[9]. И вообще современная историческая наука часто и охотно прибегает к помощи языкознания[10]. Следует отметить, что начало научному изучению истории агулов было положено лингвистами, первым среди которых был Р.Эрккерт[11], представивший в 1895 г. самые общие сведения об агульском языке. К 1907 г. относится подробное описание агульского языка на базе буркиханского говора А.М.Дирром[12]. В 1941 г. Р. Шаумян опубликовал свой "Грамматический очерк агульского языка", написанный на основе кошанского диалекта[13]. С 50-х гг. 20 в. описанием агульского языка занимается А.А.Магометов, опубликовавший ряд работ, среди которых и монография "Агульский язык", учитывающая данные всех основных диалектов[14]. О фонологической системе агульского языка писал Н.С.Трубецкой[15]. Результатом этих и ряда других исследований является то, что мы уже довольно хорошо пополнили свои знания о фонетике и морфологии современного агульского языка. Однако для исторической науки важны прежде всего выводы сравнительно-исторического и исторического языкознания, а исторически агульский язык, как и другие лезгинские яаыки, почти не изучался. С этим обстоятельством связаны дополнительные трудности по использованию языка в качестве исторического источника, но это не исклю-

---

[8]См. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21.

[9]*Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор. М.; Л., 1949. Т. 1.

[10]См. подробнее: *Тарланов З.К.* Язык и культура. Петрозаводск, 1984. С. 880-90.

[11]*Erckert R.Die* Sprachen des kaukasischen Stammes. Wien, 1895.

[12]*Дирр А.М.* Агульский язык // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 37. Тифлис, 1907.

[13]*Шаумян Р.* Грамматический очерк агульского языка. С текстами и словарем. М.; Л., 1941.

[14]*Магометов А.А.* Агульский язык (Исследование и тексты). Тбилиси, 1970.

[15]*Trubetzkoj N.* Die Konsonantensysteme der ostkaukasischen Sprachen. Caucasica, fasc. 8. Leipzig, 1931.

чает его возможности как живого памятника истории народа. Итак, какие же исторические сведения об агулах могут быть почерпнуты из их языка?

Самоназвание агулов - aɣ ular (aɣ ulšujar) - означает "жители Агула, живушие в Агуле". Первая, корневая, часть выступает и как компонент географического наименования Агулдере - территория Агул, уже - ущелье Агул. Этимологический смысл его неясен, но он вполне может быть соотнесен с другими названиями, в первую очередь географическими, которые в медиальной и финальной частях звучат примерно так же, отличаясь по инициальной части, ср.: Магудере - ущелье Магу (Мугу), примыкающее к агульской территории с юга; ɣ uriħ - ущелье перед селом Рича; мугурар (муярар) - так называли агулы представителей даргинской этнической группы, пригонявших стада на летние агульские пастбища. Из сказанного можно заключить, что "Агул" первоначально было названием географическим, топонимическим, лишь в производной форме, т.е. позже ставшим этнонимом - aɣ ular (aɣ ul-šujar, aɣ ul insanar).

Традиционно агулы жили в 21 населенном пункте, каждый из которых имел самобытное название. О чем говорят эти названия? Прежде всего нужно обратить внимание на то, что некоторые населенные пункты имеют более чем одно название, например: а) Буркихан - таково официальное название селения, расположенного в 6 км северо-восточнее от современного районного центра Тпиг; представители иных этнических групп, например даргинцы, именуют его Буркахан, Бурхихан, Мулькахан; сами же буркиханцы и все агулы в своей среде употребляют исключительно Gexün (Dexün); б) Тпиг самими тпигцами и большинством агулов называется Tupaɣ , буркиханцами -Tiwiɣ , а даргинцами, ближайшими северными соседями агулов, - Tulmuɣ a; в) Хутхул, населенный пункт, расположенный в 3 км юго-восточнее Тпига, самими его жителями и большинством агулов так и называется, но существуют еще варианты ɣ udɣ ul, Xulxul; г) селение Рича, которое находится на 6-7 км северо-западнее Тпига, сами агулы, включая и ричинцев, именуют č̣a', в отличие от принятого официального наименования.

Если попытаться проанализировать названия населенных пунктов с точки зрения их внешнезвуковой и грамматической структуры, то получится довольно сложная картина: те из них, которые расположены в Кошандере (территория распространения кошанского диалекта), оканчиваются на - uɣ (-aɣ), ср.: Jar`uȟ (Яркуг), Kuraɣ (Кураг), Arsuɣ (Арсуг) и Buršaɣ (Буршаг), также Dulduɣ (Дулдуг), что предположительно может быть истолковано как падежный аффикс, выражающий локативное (diffusivus) значение. Но если даже окончание не увязывается с грамматическими показателями, то его одинаковое оформление в указанных топонимах нельзя не рассматривать как свидетельство синхронности возникновения соответствующих населенных пунктов. Другие названия, например ç̌a' (Рича), ɣ wa' (Гоа), Misi' (Миси), имеют окончание на - ' апостроф ('), напоминающее формант другого локатива - Inessivus; у третьих, например Usuh (Усуг), окончание внешне совпадает с adessivus (-h); у четвертых, например Дуруштал (Дуруштул), с - superessivus (-l) и т.д.

При всем том, что история окончаний приведенных названий требует дальнейшего осмысления и объяснения на основе применения сравнительно-исторического метода, есть основания считать их застывшими локативами. Гораздо сложнее обстоит дело с этимологизацией тех частей соответствующих топонимов, которые предшествуют предполагаемым локативным аффиксам: лишь отдельные из них пока позволяют строить догадки о первоначальных значениях их корневых элементов. Например Usuh (Усуг) можно представить себе состоящим из частей *us+su+h >ussuh - "место у горы, перед горой"; ç̌a'(Рича) - из *eç̌+'a "в овраге". Довольно ясна этимология нынешнего официального названия Gexün (Бурхихан), которое утвердилось, по-видимому, в 17-18 вв., когда Gexün оказался в руках казикумухских ханов. Интересно, что в военных рапортах русского майора Рябина на имя генерал-майора Хатунцова, относящихся к 1813-1815 гг., Буркихан, остававшийся в руках ханов до 1820 г., именуется Бурхайхан и Бурхайкенд[16]. Так же называли его, как уже гово-

[16]См.: *Калоев Б.А.* Указ. соч., с. 75.

рилось, даргинцы и лакцы. Ясно, что топоним Буркихан - это имя одного из казикумухских ханов, Бурхай-хана, во владение которого Gexün перешел в 17-18 вв.

Абсолютное же большинство корней топонимов вообще не поддается каким бы то ни было толкованиям, ср.: Дуруштул, Тупаɣ (Тпиг) Хутхул, Арс-уɣ, Кур-аɣ и т.д., А такие наименования, как Gexün, Fit (Фите) и некоторые другие, оказываются малопонятными даже по их структурной организации.

Исторически выявляемое разнообразие структуры топонимов существенно в плане построения гипотез об относительной хронологии возникновения соответствующих населенных пунктов. Очевидно, расселение агулов по их нынешним местам происходило постепенно. Раньше других были заселены, по-видимому, территории по собственно Агулдере, начиная от Гоа и выше - Хутхул, Тпиг, и далее по Гехкундере, в котором, кроме Буркихана, существовало еще семь населенных пунктов, скорее всего появившихся до него, о чем свидетельствуют топонимика и подтверждения в виде остатков древних строений к северу и югу от Буркихана[17]. Вероятно, позже происходило заселение Кушандере, включая и Дулдуг, расположенный в самом его начале[18]: в пользу правильности такого предположения говорит и то, что Кушандере до сих пор относительно труднодоступно по его географическим условиям. Наконец, в последнюю очередь возникли населенные пункты Дуруштул, Рича, Бидюк и те, которые входили в состав бывшего Курахского района. Поэтому они, естественно, занимают периферию территории, заселенной агулами. Важно и то, что дуруштульский говор по ряду существенных грамматических показателей стоит совершенно особняком, а говоры Рича, Бидюка, Усуга и других образуют один из трех диалектов агульского языка, по ряду грамматических особенностей противостоящий остальным диалектам и по тем же особенностям, являющимся вторичными, при-

---

[17]Остатки аналогичных строений имеются и на других агульских территориях. См.: *Калоев Б.А.* Указ. соч., с. 87.

[18]См.: *Калоев Б.А.* Указ. соч., с. 70.

ближающийся к собственно лезгинскому (например, по формам эргатива личных местоимений). Жители Агулдере называют ричинцев üx'ün warttal xal aquttar - поставившие дом прямо на снег (Рича стоит под Алахвансу, у основания отрогов Кавказского хребта, вечно покрытых снегом). "Дразнилки" эти, несомненно, несут информацию о хронологическом разрыве в формировании населенных пунктов в Агулдере и Ричадере.

Трудность этимологизации названий почти всех агульских населенных пунктов - свидетельство их глубокой древности. Не исключено, что многие из них являются субстратными. Правомерность такого вывода вытекает, в частности, и из того, что лишь единицы из рассматриваемых топонимов включают в себя компонент hur, xür, обозначающий по-агульски "село, "селение", как это имеет место, например, в названии Хуредж < xür + edž(er).Зато топонимы, называющие погибшие населенные пункты, обязательно содержат этот компонент, что естественно: после гибели населенных пунктов названия их лишились смысла, слова потеряли реальную внутреннюю связь с их значениями, а это вызвало необходимость "оживить" внутреннюю форму топонимов посредством прибавления к первичным именам второго корня - xür. Так складывается языковой парадокс: компонент, обозначающий село, селение, входит исключительно лишь в названия мертвых населенных пунктов, ср.: Karč-har, karen-har, Xuçah-har и другие в Буркихандере.

Древнейшие исторические упоминания об агульских населенных пунктах относятся к 10 в. Так, в "Истории Абу-Муслима", считающейся памятником 10 в., среди многих других населенных пунктов Южного Дагестана, в которых создавались органы власти от имени Абу-Муслима, встречаются также ça' и Tiwiɣ [19], причем название последнего в своем звучании почти полностью совпадает с Tiwiɣ (Тпиг) в произношении буркиханцев. Культовые архитектурные памятники, например ричинская соборная мечеть, сохранившаяся до на-

---

[19]См.: *Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р.* Указ. соч., с. 38-39.

ших дней, датируются 12 в.[20]. Однако исследователи, занимающиеся древним периодом истории агулов, не без основания относят возникновение первых агульских населенных пунктов ко времени, значительно предшествовавшему началу арабских завоеваний (7-8 вв.). Есть все основания предположить, что существующие в настоящее время селения - это не первое поколение агульских населенных пунктов. Первые погибли, о чем свидетельствуют остатки их почти на всех агульских территориях.

Что же касается более ранней истории (до 7 в.), то какие-то сведения о ней могут быть почерпнуты и из тщательного анализа языка, его лексики, фразеологии, грамматики, диалектного состава в сопоставлении с родственными языками.

Из всех языков лезгинской группы, куда относятся собственно лезгинский, табасаранский, агульский, рутульский, цахурский, арчинский, крызский, будухский, хиналугский и удинский, агульский ближе всего к лезгинскому и табасаранскому. Это подтверждается их фонетическими системами, грамматикой и лексическим составом. Следовательно, древневосточнолезгинский диалект, составлявший часть лезгинского праязыка, распался на отдельные восточнолезгинские языки - собственно лезгинский, табасаранский и агульский - относительно поздно. Когда именно? Ответить на этот вопрос сложно. Однако в качестве одного из рабочих приемов для установления относительной хронологии этого процесса можно использовать метод М.Сводеша.

Как известно, М.Сводеш, отталкиваясь от метода радиоуглеродного датирования, разработал метод лексикостатистического датирования, основывающийся на предположении, что "во всех языках та часть лексического запаса, которая обозначает коренные, фундаментальные и вместе с тем обыденные понятия, в противовес специальной, или так называемой "культурной", части словаря изменяется с относительно постоянной скоростью. Благодаря этому на основе процента

---

[20]См.: *Лавров Л.И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. 1. Надписи 11-17 вв. М.,1966. С. 81-83, 185-188.

сохранившихся элементов в соответствующим образом отобранном опытном словаре можно установить количество истекшего времени"[21]. Для определения коэффициента сохраняемости соответствий используется формула log r = log c:t, т.е. "логарифм коэффициента сохраняемости за 1000 лет в процентах равен логарифму процента совпадений между словарями, деленному на количество периодов времени"[22].

В соответствии с методологическими и методическими установками М.Сводеша в качестве опорного материала было взято по 200 агульских и лезгинских слов, адекватных 200 словам из списка М.Сводеша.

Проанализированный список нельзя считать безупречным: он не свободен от некоторых заимствований, иногда общих для обоих языков, иногда характеризующих один из них, ср.: *емиш - плод, нахшир (ничхир) - птица, дуз - ровный, прямой; илан - змея, фикир - дума, мысль* и др. Вместе с тем несколько слов не могут повлиять на принципиальные выводы. Среди привлеченных в список слов оказываются и такие, которые в одном из сопоставляемых языков сохраняются как синонимы, а вторым утрачены, но неизвестно время утраты. При этом более устойчивым выступает агульский. И еще одна трудность: нередко генетически общие слова настолько изменились фонетически, что едва ли правильно продолжать считать их однокоренными в синхронном плане. Если отвлечься от этих моментов и отнести к общему для обоих языков фонду и заимствования, о которых шла речь и которые, несомненно, восходят к отдаленным временам, и слова, подвергшиеся основательным фонетическим изменениям, то выходит, что из 200 слов списка в качестве общих для сопоставляемых языков сохраняются 92, что составляет 46%. Таким образом, лексический состав их изменился больше чем наполовину (на 54 %). Такие изменения, согласно таблице М.Сводеша, могли произойти на протяжении 19 столетий.

---

[21]*Сводеш М.* Лексикостатистическое датирование доисторических этнических контактов // Новое в лингвистике. М., 1960. Вып. 1. С. 24-25.

[22]Там же, с. 34.

Следовательно, древневосточнолезгинский диалект распался на три самостоятельных языка где-то на рубеже нашей эры. При более строгом отборе единиц общего фонда совпадения составляют 35 % и границы выделения тех же языков отодвигаются соответственно к середине 1 тыс. до н.э.

Об относительной хронологии возникновения агульского языка, как и других языков лезгинской группы, можно предположительно судить также по некоторым до сих пор сохранившимся в нем заимствованиям, относящимся к древним цивилизациям. Так, в современном агульском значение "очень много, безмерно много"передается словом *элам*: elamšej' - очень много вещей, elamxalq - тьма народу, elam xalq̧din urih - перед огромным количеством народа. Обращает на себя внимание устойчивое сочетание elamxalq̧, которое аналогично сочетаниям, служащим для обозначения этнической принадлежности народа, ср.: urus xalq̧ - русский народ, 'erab xalq̧ - арабский народ, ermeni xalq - армянский народ и т.д. Не является ли исторически и сочетание elam xalq этническим названием народа - эламский народ (народ Элама), населявшего некогда север нынешнего Ирана[23] и вошедшего в "языковую память" предков лезгинских племен в виде обозначения количества в результате определенных трагических событий? Если рассматриваемая форма действительно является отголоском об эламитах, тогда она, с одной стороны, служит дополнительным подтверждением правильности выводов лексикостатистики о времени образования восточнолезгинских языков (середина. 1тыс. до н.э.), с другой, - может указывать на направление миграции пралезгинских племен с юга на север, к местам современного их расселения.

В плане гипотетической реконструкции исторических связей пралезгинских племен примечателен и следующий факт: в современном агульском языке бытует слово *филан (фулан)*, которое выступает в значении неопределенно-указательного местоимения - *такой-то,* ср.: filan insan - такой-то человек, fulan waxt -такое-то время. Этимологический смысл его неясен. Не имеет ли оно отношения к тому самому Фила-

---

[23] *Хинц В.* Государство Элам. М., 1977.

ну, который упоминается в сообщении арабского историка 9 в. ал-Белазури о "царях" Дагестана, якобы правивших в 6 в.? Среди правителей перечисляются "владетель Сарира, табасараншах и цари ал-Лакзов, Филана и Ширвана"[24] Как бы ни обстояло дело с этим конкретным примером, ясно одно: для изучения древней истории дагестанских народов, в том числе и южнодагестанских, принципиально важно комплексное привлечение собственно исторических, этнографических и лингвистических данных, которые должны подвергаться тщательному сопоставительному и историко-сравнительному анализу.

Анализ лексики агульского языка с точки зрения ее происхождения показывает, что в ее составе значителен пласт арабских, тюркских и персидских заимствований (см. словарь заимствований в гл.10). Наибольший интерес среди них по многочисленности и глубине освоения представляют персидские (иранские) заимствования. Как и когда последние могли проникнуть в агульский? Ведь агулы с тех пор, как они расселились по терриориям в современных границах (а это случилось, по данным лексикостатистики, на рубеже нашей эры), не граничили с ираноязычными народами. Соседями их с давних времен на севере являлись даргинцы и лакцы, на юге-лезгины, на востоке - табасаранцы, на западе - рутулы. Единственным географически ближайшим ираноязычным народом были таты. Но между ними и агулами простирались территории расселения лезгин и табасаранцев. Остается предположить, что ираноязычные народы и агулы еще ранее 1 в. до н.э. имели общие территории. Причем, судя по тому, к каким сферам жизни относятся заимствования, контакты народов были достаточно тесными и длительными. Следовательно, как сам факт иранских заимствований, так и объем и глубина проникновения их в агульский язык, несомненно, должны быть признаны еще одним аргументом в пользу существования восточнолезгинских языков уже задолго до арабских завоеваний. Распространение иранских заимствований на агульских территориях свидетельствует и о том, каково было на-

---

[24] *Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р.* Указ. соч., с. 25.

правление миграции агулов к местам их расселения. Можно, однако, усомниться, насколько убедительны и доказательны утверждения о хронологической первичности именно иранских заимствований, а не арабских и тюркских.

Но это достаточно легко опровергается результатами лингвистического анализа заимствованной лексики, которая вполне поддается стратификации и классификации по разным признакам. Иранские заимствования наиболее многочисленны, разнообразны и охватывают почти все сферы жизни. Они фонетически и грамматически ничем не выделяются среди слов самобытного происхождения, составляют неотъемлемую часть основного словарного фонда и вследствие этого полисемантичны. К ним ближе арабизмы, но они относятся главным образом к сферам богослужения, первоначального образования, интеллектуальной жизни, этики и др. Их фонетический облик изобличает иноязычное происхождение. Они были и до сих пор остаются частью возвышенной речи. Еще более очевидна иноязычность тюркизмов. Так, все заимствования можно разделить на три исторических пласта, из которых поверхностный сложен из тюркизмов, серединный - из арабизмов, глубинный - из иранизмов. Этот вывод не противоречит распространенному в исторической и этнографической литературе тезису о давности ирано-дагестанских связей. В дополнение к уже упоминавшимся суждениям такого плана сошлемся еще на одно: М.М.Ковалевский, выделяя эндогамию как черту дагестанскую, в отличие от других северокавказских народов, писал: "Ни у кого, кроме жителей Дагестана, мы не находим того предписания, что в брак следует вступать исключительно с женщинами собственного рода, что такой брак почетнее, что принадлежность к роду надо предпочесть и богатству, и общественному положению невесты"[25]. А это в свою очередь объясняется, по М.М.Ковалевскому, древнеиранским влиянием. "По словам арабских летописцев, - пишет он, - до распространения ислама жители Дагестана были "езидами", т.е. последователями того религиозно-нрав-

---

[25]*Ковалевский М.М.* Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т. 2. С. 142.

ственного учения, выразителем которого является Авеста. Брак на родственнице не только не воспрещен, но, наоборот, рекомендуется священной книгой Ирана, нет ничего удивительного поэтому, если встречаем его и в среде жителей Дагестана"[26]. Кстати, примечательно, что, например, жителей селения Хутхул представители других агульских сел до сих пор называют езидами. Интересные сведения, подтверждающие предположения М.М.Ковалевского, содержат также фольклорные материалы, которые требуют отдельного рассмотрения.

Таким образом, в древности агулы, как и все пралезгинские племена, занимали территории много южнее тех, какие они занимают ныне. В процессе распада пралезгинской этнической общности и образования самостоятельных народностей существенную роль играли, по-видимому, не столько факторы внутреннего развития, сколько военные столкновения с более сильными племенами и народами, в результате которых пралезгинские племена оттеснялись все дальше в горы. Это подтверждается и современной картиной их расселения. Отсюда следует, насколько важно для изучения древней и средневековой истории народов Южного Дагестана выявить отношения их и с Кавказской Албанией, и с древним Ираном, и с другими государствами того времени, пользуясь данными и возможностями разных наук, в том числе и палеолингвистики.

[26]Там же, с. 143.

2 1812

Глава вторая

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ И СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ АГУЛОВ ПО ДАННЫМ ИХ ЯЗЫКА

Лингвистами 19-20 вв. накоплен богатый опыт описания и изучения языков самых разных типов и в разных аспектах. Результаты конкретных исследований и анализов служили не только созданию научных и нормативных грамматик и словарей соответствующих языков, хотя это и была главная их задача, но и несли вполне определенный познавательный заряд в более широком, общекультурном плане. Ученые В.Гумбольдт, Г.Штейнталь, А.Шлейхер, А.А.Потебня, Н.Я.Марр, Э.Сепир, Л.Вейсгербер использовали данные языка для решения проблем психологии, антропологии, социологии, этнографии, философии. О том же свидетельствуют и современные этнолингвистика, психолингвистика, социолингвистика. Это и понятно, ибо язык является не только средством общения, формирования и выражения мысли, не только системой знаков со своей сложной историей, полноценно обслуживающей общество в каждый данный период его существования, но и важнейшим средством и орудием культуры, опытом многих и многих поколений, воплощенным в слова и их смыслы, надежным и универсальным источником для изучения истории народа, истории общества. Роль языка особенно велика при воссоздании, пусть даже схематическом, прошлого бесписьменных народов: только язык в этом случае оказывается в состоянии предоставить в распоряжение исследователя факты, которые при осторожном и правильном их толковании проливают свет на историю хозяйственной деятельнос-

ти, права, философии и культуры народа, на историю его контактов с другими народами[27].

В нашей монографии делается попытка историко-этнографического описания некоторых сторон жизни агулов по данным их языка. Автор отдает себе отчет в том, что предприятие подобного рода наталкивается на множество трудностей, главнейшая из которых - отсутствие строго отработанной методики анализа и интерпретации языкового материала. Однако кое-какой опыт здесь уже имеется.

Лексика и фразеология языка, степень их развития и специализации, пословицы и поговорки, суеверия и запреты дают достаточно отчетливое представление об обществе, его расслоении и взглядах.

В экономической жизни агулов с древнейших времен важнейшую роль играли две отрасли сельского хозяйства: скотоводство и земледелие.

Скотоводство. О месте и значении скотоводства в традиционной жизни горца говорит уже само строение его дома, расположение в нем помещений различного назначения: дом обычно имел два, иногда и три этажа[28]. Нижний этаж - sal - хлев, muh - сарай отводился скоту, там же хранились кормовые запасы для скота. Второй этаж был жилым. Под жилым этажом нередко располагалось и mex' - зимнее помещение для овец.

От коров получали молоко, шедшее на приготовление молочных продуктов, масла; быков использовали как основную тягловую силу. Овцеводство давало шерсть; баранина в свежем или вяленом (сушеном) виде была основным, чаще потребляемым мясным продуктом. Шкуры овец шли на изготовление зимней повседневной одежды - qul - шуба, haqul - доха, а шкуры крупного рогатого скота и коз - на изготовле-

---

27См. подробнее: *Тарланов З.К.* Язык и культура. Петрозаводск, 1984, с. 88-96.

28См. также: *Калоев Б.А.* Указ. соч., с. 88-91; Агулы (Сборник статей по истории, хозяйству и материальной культуре). Махачкала, 1975. С. 99-140.

ние обуви - šumar- мужская обувь, čaruqar-женская обувь, mehsar- женские сапожки без каблуков.

Содержание скота зависело от сезона года. На лето (начиная с мая) и осень его отгоняли на альпийские луга, там же строились хозяйственные помещения. Это было не столько формой содержания, сколько мерой по увеличению продуктивности животных. Говорили suwa xalari, suwa wa's - переехать в летние дома на альпийских лугах. Овец тоже перегоняли на летние и зимние пастбища, причем зимой и ранней весной это были равнинные районы - gal - кутан.

Животноводческий год делился на следующие циклы: 1) určar xura waxt - время отела; 2)qelar xura waxt - время окота; 3)x'irin galu ware waxt - время перегона овец на весенние пастбища (на кутан); 4)galuas ware waxt- время возвращения на летние пастбища; 5) malar suwa xare waxt - время переезда в дома на альпийских лугах; 6)üjararin waxt - время случки овец; 7)suwaas alawa waxt - время возвращения с альпийских лугов; 8)culin galu ware waxt - время перегона овец на зимние пастбища (кутан) и т.д. Пастбища дифференцировались по назначению, что отражалось в соответствующих названиях: güna - южный склон, xunqar - северный склон, ajar - южный склон, который сохранялся как зимнее пастбище; ažwal - разновидность северного склона; ukun - участок с высоким травостоем на местах стоянок овец; xwan - склон вообще и т.д. Клички животных образовывались с учетом какого-либо из их внешних признаков (масти, породы, особенностей рогов, размера и цвета хвоста, курдюка, окраски ног). Например, среди мелкого рогатого скота различались особи lezettar - чисто белые, irišilar - грудь и брюхо коричневого оттенка, garçarar - пестрые, güṭar - безрогие, hawķarar - черные с белыми полосками на брюхе и ногах, tumberar - мериносы. Те же масти у крупного рогатого скота имели совсем другие наименования: žagwarf - белый, arčef - пестрый, tukaj - кончик хвоста коричневый, rašaj - коричневый лоб и коричневая полоса на спине, ķarčaj - с поврежденными рогами, baķaj - с белой полосой на морде, sirma - с белым пятном на лбу, buɣaj - с рыжим отливом масти, iraj - с бордовым отливом масти, taniš - породистый, sumurɣul - черно-белой пестрой масти и с та-

ким же рисунком на морде и т.д. Слова, характерологически называющие мелкий рогатый скот по масти, более изолированы в лексической системе языка и в большей своей части представляются лишенными намеков на развитие внутренней формы, что, несомненно, свидетельствует об их древности. То же справедливо и по отношению ко многим кличкам крупного рогатого скота.

Разнообразен и словарь названий продуктов животноводства.

Пастухи, чабаны, их помощники имели дифференцированные наименования в зависимости от того, какой скот они пасли, ср.: haniwariqan - пастух коров,wecariqan - пастух волов, jardariqan - пастух бычков, určariqan - пастух телят, qelariqan - пастух ягнят, hawaqan - пастух овец и пр. Все эти и подобные частные названия объединяются родовыми по отношению к ним наименованиями: gawan - пастух, hawaqan - чабан, kawaj - помощник (пастуха и чабана).

Скот часто выступал в виде обменной единицы в торговых сношениях.

Земледелие. Судя по данным языка, земледелие было трехпольным: существовали осеннее поле (для озимых культур) - culin mehsul, весеннее (для яровых культур) - x'irin mehsul и зябь (осенняя и весенняя) - iwhal. На полях обычно ежегодно сменялись высеваемые культуры, а также через определенные промежутки времени поля отводились под зябь. Для расширения посевных площадей осваивалась целина. Поскольку такие участки были невелики по размерам, то название č̣irɣat - целина- впоследствии закрепляется вообще за всяким малым посевным участком, противопоставляемым werh - большому ровному полю.

Годовой календарь в значительной мере отражал основные сельскохозяйственные циклы. Соответствующие времена года: 'ard - зима, x'ir - весна, ȟal - лето, cul - осень назывались по типу сезонных работ: 1) x'irin tumar uza waxt - время весенних посевов, 2) xerar dirha waxt - время очищения сенокосных участков, 3) xuwur č̣al arḳa waxt - время прополок, 4) mehsuli ḳuḳ arḳa waxt - время трубкования посевных культур, 5) xuwuri ḳeṭ arḳa waxt - время колошения, 6) xuwuri le

ɣ w arķa waxt - время цветения, 7)xuwuri ķur irx'a waxt - время, когда наливаются колосья, 8) iķu ћal - время до начала летних сезонных работ (дословно: сидячее лето), 9) xerar uca waxt - время сенокоса, 10) xuwur uca waxt - время жатвы, 11) mehsul alčaxa waxt - время подвозки сена и обмолота зерновых, 12) culin tumar uza waxt - время осеннего сева.

В терминологических обозначениях сельскохозяйственных процессов передается лишь их относительная последовательность. Для определения абсолютных периодов сельскохозяйственного календаря в качестве ориентиров использовались: а) лунный календарь, в котором и названия месяцев, и названия дней недели были арабскими; б) начало нового года по лунному календарю; в) дни исламских религиозных праздников; г) приметы природы; д) положение солнца относительно горизонта, когда оно садилось; при этом линия горизонта делилась на множество точек, каждая из которых имела собственное название; по тому, за какую точку линии горизонта садилось солнце, определялось время года, соответственно- и время подготовки к тем или иным сельскохозяйственным работам; линия горизонта, из-за которой восходило солнце, на такие точки не делилась: она не имела астрономического значения; е) строго фиксированные точки местности, на которые падал луч солнца во время его восхода или захода.

Животноводческий и земледельческий календари взаимно дополняли друг друга. Следует отметить, что наибольшей детализацией характеризовался весенний календарь. Так, первые два месяца после нового года по лунному календарю распределялись на пять периодов: 1) malux, 2) xil, 3) ir, 4) darqw, 5) duluķ. Каждый по 12 дней. Сам по себе этот календарь, его история требуют отдельного рассмотрения.

Из земледельческих культур наиболее распространенными были sul - рожь, žarx - ячмень, me'er - голый ячмень, а также xarar - горох, eķ - пшеница, turt - лен. Из овощей культивировались ķuţar - морковь, ћajar- картофель, однако, судя по тому, что последняя культура до недавнего прошлого называлась urus ћajar - русские клубни, опыт ее возделывания невелик.

Процесс уборки урожая был сложным и многоэтапным: жатва считалась женским делом. Сжатые злаковые связывались в x'elar - снопы, из которых мужчины складывали markwar - скирды (в каждой по 50 снопов). Скирды оставляли в поле, пока зерно "дойдет" и "высохнет", затем подвозили на гумно для обмолота. Обмолоченные снопы складывали в большие скирды до конца уборочного сезона. Начиная с середины - конца осени и всю зиму солому резали на корм скоту при помощи больших деревянных плит- волокуш, утыканных с внутренней стороны острыми камнями, кусками металла, стекла, для которых в качестве тягловой силы использовались волы или лошади.

Наличие разнообразных сельскохозяйственных терминов, дифференциация бытовых предметов и производственных орудий свидетельствуют о давности и прочности земледельческих традиций в народе[29].

Ремесла. Кроме скотоводства и земледелия, довольно широкое распространение имело ткачество, в котором были заняты исключительно женщины. Ткачеством занимались зимой и ранней весной, когда люди были свободны от полевых работ. Ткацкий станок - axwarar - представлял собой простейшую самодельную установку. На нем ткали šal - холст для верхней мужской одежды, žižim - ткань более грубого типа, berxelar- одно- или двухцветные паласы, xaliča - настенные ковры, ṭams - маленькие ковры, ḳudemḳal - напольные ковры, и пр. Мужчины обрабатывали кожу, шили шубы и т.д.[30]

Социальное устройство. Основной единицей социального устройства, определявшей всю структуру общества, выступала семья, члены (xizanar) которой характеризовались, судя по данным языка, одинаковым отношением к общему, одному и тому же дому (очагу). Но в языке не зафиксировано слово, которое бы обозначало понятие *семья* . Такое понятие передавалось либо формой множественного числа слова xizan -

[29]Материалы, касающиеся скотоводства и земледелия, см. также в гл. 3 и 4.

[30]Обзор хозяйственной жизни агулов в 19 в. см.: *Калоев Б.А.* Указ. соч., с. 79-94; Агулы (Сборник...), с. 44-46.

xizanar, либо синонимическим сочетанием слов, связанных отношением смежности и представляющих собой редупликацию - sa xal-xizan (xal - дом), оборотом типа sa xalan xizanar - члены семьи одного дома, sa darar-bawarin šiniqwar - дети одних и тех же родителей, либо простым перечислением конкретных наименований родства в сочетании с редупликацией - dadar-babar, čupar-čijar - отцы-матери, сестры-братья и т.д. Семья в народном сознании - это кровно связанные люди, живущие под одной крышей, в одном доме, в одном очаге (то же, что дом). Кровно связанные люди, но не объединяемые единым, общим очагом, уже не составляли семью, они образовывали род.

Главенствующая роль в семье отводилась мужчине, он считался самым почетным и уважаемым ее членом. Если в семье было несколько мужчин, тогда взаимоотношения между ними регулировались возрастом: все подчинялись старшему. Мужчина считался хозяином (iesi) в семье, все хизаны ему были послушны. Не случайно понятие *жениться* передавалось сочетанием слов xizan xas - привести хизана. Он являлся главой всех хизанов, первым среди них. Это подтверждается, между прочим, и суевериями, связанными, например, с толкованиями снов: если кому-либо из членов семьи приснится заход солнца, солнечное затмение, то это считалось к смерти самого уважаемого из мужчин или единственного мужчины в семье. Рождение мальчика в семье уподобляли свету солнца, соответственно увидеть во сне восход солнца означало знак к рождению мальчика (сына, брата). Единственный в семье мужчина, обычно молодого возраста, назывался mehel, wajnazar - *единственный.* Мужчины назывались также ḳilar - главы, старшие из них - ha ḳilar - старшие (почетные) главы. К женщинам подобные наименования не применялись. Более почетное отношение родителей к сыну, чем к дочери, мотивировалось тем, что сын - это наследник, хранитель родного очага, в то время как дочь - это "камень, предназначенный для стены чужого дома". В этой связи показательным был обычай обращения с вареной бараньей или овечьей головой: свежеванную голову только что забитого животного варили и подавали к обычному семейному либо

торжественному столу. Ее ставили перед самым уважаемым человеком в семье, каким мог быть старший из мужчин или, если мужчин не оказывалось, ребенок мужского пола. Он брал голову в руки, отщипывал кусочек мяса, сопровождая это ритуальными словами исламского происхождения ("начинаю именем Аллаха"), и дальше передавал по кругу, чтобы каждый поступил так же. Обычай этот, несомненно, представляющий собой остаток магического обряда, актуализировавшего желание уподобиться тому или иному животному по соответствующим качествам посредством употребления в пищу его мяса[31], впоследствии трансформировался по требованиям патриархальной семьи, к главе которой перешли и магические функции.

Вместе с тем власть мужчины в семье сдерживалась приоритетом, которым пользовались старшие вообще, и регулировалось это обычаем, отразившимся в пословице: "Если (в семье) нет старшего, тогда спрашивай у старого камня (советуйся со старым камнем)".

Семьи чаще всего были многодетными. По мере взросления молодых людей женили, девушек выдавали замуж в строгой очередности по возрасту: младшим нельзя было жениться или выходить замуж, если не женат старший брат или не замужем старшая сестра. Постепенно семья делилась, отпочковывая от себя молодые семьи, по отношению к которым отцовский дом (семья родителей) оставался ħa xal - старшей семьей. С родителями оставался младший из сыновей. Образовавшиеся таким образом семьи составляли род[32], обозначавшийся формой множественного числа имени родоначальника, например: Isawur - Исаевы, Mazajar - Мазаевы, ɣ aziwur - Газиевы и т. д. Род располагался территориально компактно. Жилье (очаг) для молодых семей пристраивали к отцовскому дому (главному очагу) по мере необходимости. Этим также обусловливался общий архитектурный облик традиционных жилых и хозяйственных строений, в конечном счете - всего

---

[31]О магии мясной пищи у разных народов см.: *Фрэзер Дж.* Золотая ветвь. Исследование магии и религии. М., 1980. С. 548-554.

[32]См.: *Калоев Б.А.* Указ. соч., с. 94-95.

населенного пункта, с их скученностью и тесным примыканием друг к другу.

Несколько родов образовывали mehela - союз родов, включавший в себя от одной - двух до сорока и более отдельных семей, представители которых находились между собой в разной степени родственных отношениях и назывались мирасами. Поскольку mehela объединяла роды, то она также была территориально компактной единицей. Совокупность mehel составляла hur (har) - село. Расположение и вид его улиц (куча), архитектура домов, количество площадей - gem - для проведения общих, совместных мероприятий зависели от количества и экономического состояния mehela. Селения со значительным количеством mehel назывались большими, с малым - малыми. Так, например, в Буркихане, считавшемся одним из больших населенных пунктов, к концу 19 в. их было свыше двадцати: Karimajar - 5 семей , žaburar - 2, Hemijax'ar - 3, Mehmurar - 3, Newruzar - более 10, č̣ankạwur - 40, Basnawur - 2, Suwarar - 2, žaȟar - 6, Hagagar - 4, ḳariwur - 7, Ebasar - 4, Pelkinar - 3, Maluxar - 4, Xwetajar - 2, ɣaziwur - 3, Qalluwur - 2, ḳunuḳar - 2, Pexewur -3, Enkwajar - 1 семья и т.д.

Первооснову (бина) Буркихана составили, по преданию, два махала: галивур (3 семьи) и энкваяр. Выше названы не все махалы. Многие названия махал восходят, как видно, к собственным именам родоначальников, этимология других не ясна, а третьи достаточно выразительны, и по ним можно судить об истории соответствующих родов, их социальном происхождении и положении, ср.: žaburar (Guržiwur) - грузины (родоначальник - грузин); Hemijax'ar (Luḳar) - наемники; Qalluwur - скрывающиеся от преследования за кровную месть и т.д. Аналогичной была структура и других агульских сел[33].

Союзу родов (махалу) принадлежала важная роль в организации общественной и хозяйственной жизни тех, кто туда входил. Возглавляли его старейшины (один или несколько), называвшиеся mehelajin hattar - старейшины махала. Ими могли быть пожилые мужчины, пользовавшиеся авторитетом.

---

[33]См.: там же, с. 98-99.

Их не выбирали, они просто выделялись обычно по возрастному и имущественному принципам. Махала выступала как единое целое при проведении сезонных сельскохозяйственных работ (сева, жатвы, косовицы, обмолота и т.д.), свадеб, обрядов, связанных с похоронами, различных праздников и пр. Во всех этих случаях важными считались взаимные поддержка и помощь. Внутри союза родов заключались и браки. Каждая махала имела даже свои *раттар* - гумна, отдельные кладбища, мечети, зимние кошары - тех'ег - для содержания овец, нередко скот держали в отдельных стадах. Таким образом, махала оказывалась довольно замкнутой родовой общиной, иногда характеризовавшейся даже своими языковыми особенностями.

Однако разные махалы могли породниться на основе брачных уз между их представителями. Так возникали qawumy - союзы махал, которые вели к расширению тухума. Семейные, родовые, общинные, тухумные связи, общение в широком смысле слова неукоснительно подчинялись устойчивой схеме субординации, детерминированной принципом родоцентризма. Тот, кто соблюдал все нормы подобной этносоциальной дифференциации, считался žalgaji aef - находящимся в жарга (т.е. среди людей), добропорядочным.

Все махалы вместе составляли джумаат, хальк. Вопросы, касавшиеся джумаат, решались на общем сельском сходе, а в некоторых случаях - между старейшинами махал. Позже, по-видимому, под воздействием иноэтнических культур (персидской, тюркской) утвердились должности кавха и юзбаши (сотник), которые занимались главным образом возникавшими межобщинными спорными вопросами.

Общение между жителями разных населенных пунктов было ограничено, о чем свидетельствуют глубокие диалектные различия в их языке. Но факт, что говоры по их структурным признакам и лексике объединяются в три основных диалекта (собственно агульский, кошанский и керенский), говорит о более тесных исторических контактах между носителями территориально близких говоров. Замкнутость активно стала преодолеваться лишь в послеоктябрьское время, чему способствовали повсеместное открытие школ, строи-

тельство дорог, образование самостоятельного Агульского района с центром в Тпиге и т.д.

Социальная дифференциация соответствовала хозяйственно-экономическому положению семей, родовой и межродовой общин.

Глава третья

ОБРЯДЫ, СУЕВЕРИЯ И МАГИЯ

Обряды, суеверия, различные магические действия, которые были распространены среди агулов, специально не собирались и не изучались, хотя отдельные разрозненные сведения о них можно найти у разных авторов начиная со второй половины 19 в.[34] Следует, однако, особо упомянуть статью А.Г.Трофимовой[35], которая дополняет материал о религиозных обрядах вызывания дождя и солнца, бытовавших в лезгинских районах Южного Дагестана, данными, относящимися к агулоязычным селам - Хоредж и Квардал, входившим в состав бывшего Курахского района Дагестанской АССР. В 1981 г. была опубликована статья автора этих строк "Заметки по сельскохозяйственной магии агулов"[36].

В настоящей главе дается обзор наиболее характерных магических обрядов и суеверий, имевших хождение у агулов в прошлом.

Обряды и суеверия, связанные со скотоводством. Скотоводство было одной из важнейших отраслей хозяйства агулов уже с древнейших времен. Веками складывались традиции, обряды, суеверия и магические действия. Только с их помощью считалось возможным преодолеть темные силы.

---

[34]См., напр.: *Омар-оглы Абдулла*. Воспоминания муталима // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 1. Тифлис, 1871.

[35]*Трофимова А.Г.* Из истории религиозных обрядов вызывания дождя и солнца у народов Южного Дагестана // Азербайджанский этнографический сборник. Вып. 2. Баку, 1965. С. 97-111.

[36]*Гарланов З.К.* Заметки по сельскохозяйственной магии агулов // Советская этнография. 1981. № 2. С. 128-132.

В языке имеется ряд выражений, обозначающих благополучие, достаток: а) xal-mal aef, б) dulanažaɣ aef, в) jašajiš aef - благополучный, состоятельный, с достатком . Последние два выражения - это поздние синонимы, восходящие к тюркизмам. Самобытным может быть признано лишь первое из приведенных сочетаний, представляющее собой сложение корней xal - дом и mal - скот (впоследствии у второго корня появляется переносное значение: богатство, имущество вообще). Значит, быть благополучным - это иметь дом и скот. Отсутствие скота совсем считалось показателем чрезвычайной бедности.Тех, кто не держал скота,даже осуждали, что нашло свое выражение, в частности, в поговорке: "Не держит скота тот, кто сам не стоит скотины". Или же это считалось признаком qurаbа - людей, пришлых со стороны. Поэтому пожелания благополучия другому человеку непременно включали в себя добрые слова о скоте ("Чтоб скот был плодовитым", "Чтоб хлев всегда был полным" и пр.). Соответственно проклятия были противоположны пожеланиям по смыслу: "Чтоб хлев твой опустел", "Чтоб скотина твоя пропала!", "Чтоб ты не видел морды скотины!" и т.д. Вполне понятно, что важнейшие магические формы были направлены прежде всего на охрану и увеличение численности скота.

Характерны некоторые бытовые запреты. Так, принято было устраивать семейные или семейно-родовые праздники, связанные с отелом коров. Основным угощением в них служили te'din qurcar - вареники с молозивом. Их подавали почти холодными, чтобы никому не захотелось подуть на них, а дуть на эти вареники запрещалось: теленок мог быть kačal - паршивым.

Не разрешалось размахивать огнем (горящим поленом, прутом, палкой), особенно в темное время суток, чтобы не навлечь болезни брюха на крупный рогатый скот.

Нельзя было подкладывать поленья в огонь тонкими концами, чтобы скот (благополучие) не отвернулся от хозяйского дома и не достался другому.

Для лечения скотины от болезни брюха, кроме различных настоев из трав, использовалась и магия. При этом считалось, что магической силой наделен человек со сросшимися паль-

цами ног. Само магическое действие сводилось к тому, что голой ногой со сросшимися пальцами проводили по брюху скотины. Если одного сеанса оказывалось недостаточно, действия повторялись несколько раз в день.

Если скотина, отстав от стада, не возвращалась вечером домой, хозяин предпринимал магические действия, чтобы отвести от нее беду, предохранить от нападения волков. Тайны содержания и ритуала магии знали не все. Поэтому, естественно, обращались к "специалистам". Сама магия состояла из двух частей: 1. В вербальную входили чтение определенных фрагментов из Корана, обращения к богу и заклинания; в частности, читали "suratulšamsi" на арабском языке. 2. В камлальной части нужно было вставить кинжал в ножны так, чтобы лицевая сторона рукоятки его совпала с противоположной стороной ножен. Магический смысл состоял в том, по-видимому, чтобы сбить с толку волка (зверя): действия его должны быть так же неправильны, необычны, как неправильно положение кинжала по отношению к ножнам. Верили, что магия не позволит зверю открыть пасть, а если же он откроет ее с целью нападения, - то не позволит закрыть ее. Не случайно этот ритуал назывался huč itas - замкнуть, связать волка (зверя). Если от стада отставало несколько голов скота, тогда опять-таки прибегали к той же магии. Но одна скотина объявлялась жертвенной, при этом называлось, кому именно жертва предназначалась: или святым, чьими именами обозначены те или иные памятники, или святым местам, включая и рощи, или пророкам, или "блуждающим духам", или духам предков и т.д. В случае благополучного исхода скотину забивали и мясо, включая внутренности, раздавали всем присутствовавшим при жертвоприношении или разносили по домам. И вообще жертвоприношения имели широкое распространение: к ним прибегали и для предупреждения падежа скота, и в надежде обеспечить благополучие дома, и в случаях продолжительной болезни членов семьи, и тогда, когда кто-то из близких находился в дальнем пути или собирался в путь.

Магическое действие приписывалось и масти животных. Например, в рецепты лечения некоторых болезней в качест-

ве важного компонента входили молоко от красной коровы или печень, легкие животного определенной масти. Запрещалось есть мозг животного, которому не исполнился год. Считалось, что у нарушителя этого запрета развивается непреодолимое чувство страха как постоянный признак, особенно усиливающийся в ночное время. По-видимому, животное, которому меньше года, представлялось незрелым, следовательно, несамостоятельным и потому пугливым. Эти качества, по древним воззрениям, распространялись на того, кто съедал мозг такого животного. А вот сухожилия были наделены иной функцией: их предписывалось есть для того, чтобы хорошо росли волосы[37].

Для предупреждения скота от болезней, падежа, для обеспечения роста его поголовья прибегали к заклинаниям в виде талисманов двух типов: б) талисман-хакал (hekal), который привязывали к рогам, и он висел на лбу животного постоянно; текст, содержавший заклинания, составлялся на арабском языке; его упаковывали в матерчатый футлярчик трех- или четырехугольной формы, пропитывали воском, чтобы текст не разрушался влагой, и талисман считался готовым; 2) талисман не индивидуализированного, а общего назначения - ḳular - доски; при изготовлении такого талисмана соблюдалась полная тайна: дерево вырубали в отдаленном от населенного пункта лесу, там, куда не доходят "звуки петушиного пения"; в лесу же готовили тонкие дощечки, которые в закрытом виде приносили домой и отдавали человеку, владеющему тайной заклинаний (как правило, это был мулла), чтобы тот нанес на них тексты оберегов, после чего дощечки подвешивали под потолок хлева в темном месте или вставляли в щели под перекрытиями хлева; считалось, что при несоблюдении правил изготовления и хранения талисмана он не приобретал магических свойств, и заклинания лишались их оберегающего воздействия.

---

[37]См.: *Фрезер Дж.* Золотая ветвь. Исследование магии и религии. М., 1980. С. 548-554.

Обряды и суеверия, связанные с земледелием. Важное значение придавалось началу сельскохозяйственных работ: косовицы, жатвы, весеннего и осеннего сева и т.д. Особое место занимал праздник первого плуга[38]. Все эти трудовые процессы начинали лишь в определенные дни недели: чаще всего - в первый или во второй день после хамиса - четверга. С правильным, достойным началом сезона связывали то, насколько легко и быстро пройдет весь сельскохозяйственный процесс, каков будет урожай. Поэтому правом начать сезон наделяли того, кто, с точки зрения общества, был лишен лени, жадности, обжорства, отличался тихим, спокойным, доброжелательным характером, проворством и хозяйственностью, ибо первый задавал ритм в работе. Считалось, что его качества распространяются на тех, кто воспроизводит эти действия. В этом проявлялась вера в силу межличностного магического воздействия.

Своеобразны магические обряды вызывания дождя и солнца, распространенные в прошлом и отчасти бытующие у агулов и поныне. К ним относятся:

1. *Бешепей.*[39] Из тонких прутьев делается плетенка в форме усеченного конуса в соответствии с ростом человека, давшего согласие стать бешепеем (чаще всего это пастух). Плетенка надевается поверх легкой одежды бешепея и доходит ему до колен. Имя бешепея известно лишь его ближайшему окружению. Одетый в плетенку бешепей готов к выполнению обряда - шествию по селу. Он ходит обязательно в сопровождении двух-трех человек, составляющих как бы "вспомогательный персонал", не говоря уже о большом количестве детей разного возраста, с интересом наблюдающих за шествием.

---

[38]Описание этого праздника см.: *Омар-оглы Абдулла.* Указ. соч., с. 61-62; *Калоев Б.А.* Указ. соч., с. 81-82; Агулы (Сборник статей...), с. 46-48.

[39]Бешепей - основной персонаж обряда вызывания дождя. Ср. в лезгинском языке *пешепей,* что А.Г.Трофимова переводит как "лиственный свекр" - от *пеш* "лист" и *апай* "свекр" (См.: *Трофимова А.Г.* Указ. соч., с. 98).

Бешепей подходит к каждому дому и ждет, пока его обольют водой. Тем временем сопровождающие его лица получают угощение, которое складывается в общий мешок и хранится до конца шествия. Бешепея обливают водой со словами: "Пусть пойдут дожди, чтобы мы промокли так же, как ты! Пусть будет богатый урожай, много трав (сена для скота)!" Текст этот может варьироваться, но смысл остается неизменным.

Шествие сопровождается веселым шумом, смехом, шутками. Прекращается оно лишь тогда, когда бешепей обойдет все дома в селении. Завершив обряд, участники процессии направляются к священному месту, и там дары, полученные организаторами и участниками шествия, делятся между ними.

Слово и действие здесь не разграничены и образуют неделимое целое, но основное значение все же очевидно. С точки зрения народных представлений о взаимоотношении между природой и человеком, воздействовать на явления природы можно, изобразив действия, имитирующие эти явления. Действия, таким образом, как бы повторяются, меняются только их субъекты (в первом случае - это человек, во втором - природа). Природа олицетворяется, наделяется способностью понимать человека, его нужды, и тем самым создается видимость взаимопонимания между человеком и окружающим его миром[40].

2. *Купание пастуха в реке.* Это более распространенный обряд вызывания дождя. Он не требует предварительной подготовки и отличается простотой. Утром или чаще вечером, когда пастух пригоняет стадо в село, где-нибудь около речки его подстерегают несколько сильных женщин - число их может колебаться от двух до четырех-пяти в зависимости от физической силы пастуха. Пастух, естественно, о готовящемся нападении ничего не знает. Женщины приближаются к нему, хватают и несут к речке и в одежде опускают в воду, произнося те же фразы, которыми сопровождается облива-

---

[40]См.: *Плеханов Г.В.* О религии и церкви. М., 1957, с. 255; *Талалаев Ю.А.* О происхождении некоторых магических обрядов // Некоторые вопросы всеобщей истории. Ростов-на-Дону, 1967. С. 146.

ние бешепея. К месту "купания" стекаются люди, но они ни во что не вмешиваются и лишь сопровождают "купание" смехом и шутками.

Общий смысл обряда и здесь как будто ясен: пастух промокает якобы от дождя. Характерно, что исполнителями обряда могут быть только женщины.

3. Опускание конского черепа в воду. Человек, владеющий секретом особых словесных формул, необходимых для вызывания дождя, тайно опускает в воду (речку) конский череп (либо его остатки), на котором сделаны соответствующие надписи. Вынимают его только после того, как выпадет достаточное количество дождей. По поверью, оставлённый в воде череп вызывает затяжные дожди[41].

4. Обращение к природе. По народным представлениям, отдельные компоненты местности (роща, определенный участок дороги, камень и т.д.) неделены магической способностью вызывать явления, в которых заинтересован человек. В Буркихане такая роща площадью в 2-3 га расположена в 2,5 км от села. Она считается священной: ее не рубят, в нее не рекомендуется даже заходить.

В период засухи в рощу рано утром направляется группа мужчин и женщин, в основном пожилых, пользующихся уважением односельчан; несколько раз они обходят рощу и очищают ее от поломанных деревьев и сухих веток. Во второй половине дня, ближе к вечеру, участники "похода" возвращаются домой. На всем пути следования обычно повторяются стереотипные фразы, в том числе и религиозного содержания. Одежда людей будничная, лишь некоторые надевают шубы наизнанку - мехом наружу, как принято это делать здесь во время дождя.

Если обращение за помощью к роще можно попытаться объяснить позднейшими религиозно-исламскими напластованиями, ибо роща называется еще "шейхская", то объяснить теми же причинами, почему магической силой наделяется

---

[41]У лезгин этому обряду соответствует опускание в воду костей предков. См.: *Трофимова А.Г.* Указ. соч., с. 103.

участок дороги, который никак не связан с религиозными представлениями мусульман, чрезвычайно трудно. Дорога, о которой идет речь, отходит от села на запад, ведет в горы и предназначена только для скота. Протяженность почитаемого участка около 200-300 м, на нем много мелких камней. Действия, совершаемые на этом участке, элементарно просты: его очищают от камней. Считается, что чем чище будет участок, тем больше пользы принесет обряд. Работу выполняют только женщины, чаще всего либо в начале (до восхода солнца), либо в конце дня (за час- два до захода солнца).

На первый взгляд описанные действия могут показаться бессмысленными. Такими именно они представляются молодому поколению буркиханцев, да и люди среднего и старшего возраста также не в состоянии их объяснить. Старики, защищая обряд, ссылаются только на традицию. Таким образом, перед нами случай, когда связь между обрядовыми действиями и конечной целью, к которой они должны привести, открывается не сразу. Это указывает на тенденцию к отмиранию обряда. Однако если внимательно проанализировать сам обряд в его соотношении с другими магическими действиями аналогичного назначения, включаемыми в него, а также особенностями участка дороги, то становится ясным, что обряд восходит к глубокой древности и характеризует своеобразие народного взгляда на мир. Как истолковать описанное явление? Дело в том, что почитаемый участок дороги в незасушливое лето бывает влажным, так как через него протекает вода из маленького родника. В засуху родник высыхает, дорога становится сухой и пыльной. Тогда к ней и обращаются за помощью. Люди сбрасывают с дороги лежащие слоями камни и "ищут воду", вернее, как бы прокладывают русло, по которому должна пройти вода.

Магический смысл вкладывался также в обычаи, описанные лакским этнографом Абдуллой Омар-оглы, в селении Буркихан в 70-х годах 19 в.:

В день первого выхода на весеннее поле пахарь, которому доверялось открыть сезон весенних сельскохозяйственных работ, надевал овчинный полушубок навыворот, а сопровождавшая его в поле толпа "бросала в него комками снега, гря-

зью и камешками... до тех пор, пока пахарь не обошел с плугом вокруг пашни три раза. При этом каждый читал молитву, подняв руки к небу, прося у бога хорошего урожая в этом году"[42]. Считалось добрым знаком, если в день начала полевых работ пойдет дождь.

"Когда бывает засуха летом, то народ выходит в поле просить у бога дождя и собирается на одну из гор агульского ущелья, где после совершения некоторых обыкновенных у мусульман обрядов мужчины и женщины отправляются на покатость горы, потом женщины садятся на колени к мужчинам и таким образом все вместе ползут по земле в сидячем положении до самой подошвы этой горы. Один ученый в этом магале по имени Али убеждал народ в последнее время оставить этот обычай, как богопротивный, но молодые люди стоят за него..."[43] В связи с этим небезынтересно отметить, что град, нередко выпадавший в горах в летнюю пору, квалифицировали как наказание, ниспосланное богом, за нарушение супружеской верности или вообще случайную связь между мужчиной н женщиной.

Обряды вызывания солнца. Белкунцай. Этот обряд соответствует лезгинскому *гюню* и почти полностью совпадает с ним как по оформлению, так и по содержанию. Берется обычная лопата, к ее рукоятке прибивают палку так, чтобы получился крест, затем на лопату надевают нарядное платье, накидывают платки, причем соблюдается тот же порядок, что и при одевании невесты. Готовую белкунцай с двух сторон несут две девушки, рядом с которыми стоят еще по пять-шесть девушек. Шествие с белкунцай сопровождается хоровым исполнением многократно повторяемых слов:

Ли-ла-ли-лай, ли-ла-лай,
Наша белкунцай хочет мужа,
А Шабандар - жену.
Ли-ла-ли-лай, ли-ла-лай,

---

[42] *Омар-оглы Абдулла.* Указ. соч., с. 62.
[43] Там же. См. также: *Калоев Б.А.* Указ. соч., с. 81-82.

Наши сусеки хотят зерна,
А чтобы высушить его, нужно солнце.
Ли-ла-ли-лай, ли-ла-лай,
Пусть солнце и луна будут выше,
Пусть туманы-облака будут ниже![44]

Процессия обязательно обходит все дома в селе, причем хозяйка каждого дома, пожелав успеха шествию, непременно выносит угощение для белкунцай, которое специально нанятая замужняя женщина складывает в мешок. Обойдя все дома в селении, шествие направляется к священному месту, трижды обходит его с пением одной и той же фразы, восхваляющей Аллаха. Затем все садятся полукругом, делят между собой собранные продукты и расходятся. Обряд исполняют только женщины. По мнению А.Г.Трофимовой, это связано с представлением о солнце как о женском начале, существующем у ряда народов Южного Дагестана[45] . Согласно старым агульским народным представлениям, солнце и луна - сестра и брат. Сестра (солнце) выходит только днем, а брат (луна), не знающий страха, - ночью. Первоначально и луна светила так же ярко, как и солнце. Но как-то луна и солнце, по преданию, поспорили между собой о том, кто из них красивее. Ни один не хотел уступить другому. Тогда сестра, желая быть самой красивой, провела по лицу спящего брата тряпкой, намоченной в разведенной извести. С тех пор луна стала тусклой.

Нетрудно заметить, что многие элементы обряда белкунцай сходны с той частью народного свадебного шествия, когда невесту провожают в дом жениха, а именно: 1) белкунцай одевают и наряжают, как невесту; 2) ее, как и невесту, сопровождают почти исключительно девушки; замужним женщинам отводится лишь скромная роль "экономок" (они носят мешок с угощениями); 3) оба шествия начинаются во второй половине дня. Подобные совпадения вряд ли случайны. С точки зрения народных представлений, здесь все последовательно. Дело в том, что важнейшая часть традиционной агуль-

---

[44]Подстрочный перевод автора.
[45]*Трофимова А.Г.* Указ. соч., с. 109.

ской свадьбы с ее зрелищными элементами, рассчитанными на большое стечение народа (на всю фамилию, село), может состояться только в хорошую, солнечную погоду. И вообще по народному календарю свадьбы приурочивались к так называемому сидячему лету, т.е. ко времени, непосредственно предшествовавшему косовице, когда, как правило, стояли ясные дни. Даже подготовленную свадьбу могли отложить, если начинались затяжные дожди. Поэтому в представлениях народа свадебный ритуал вступает в прочную ассоциативную связь с природно-погодными условиями, при которых он совершается. Здесь, как и во многих других случаях, действия природы и человека трактуются как протекающие параллельно, но взаимно обусловленно. Каким-то действиям природы соответствуют обусловленные ими действия человека: например, шубу-овчинку (традиционная верхняя одежда агулов), как уже говорилось, в ясные дни носят мехом внутрь, а в дождь выворачивают мехом наружу. Явление природы выступает, таким образом, как причина, а действие человека - как следствие. Значит, если хочешь вызвать дождь, необходимо носить шубу мехом кверху. С аналогичным явлением встречаемся мы и в обряде белкунцай. Выход наряженной невесты на улицу недопустим в дождь. Следовательно, по закону обратной связи дождь должен прекратиться, если она все же выйдет, ибо действительна лишь корреляция "солнце - невеста" (белкунцай символизирует, таким образом, невесту).

Подвешивание лягушки. Исполнителем магических действий в данном обряде, как правило, выступают дети. Поймать лягушку поручается ребенку (девочке или мальчику), у которого еще жив представитель, как говорят агулы, третьего поколения родителей, т.е. прадед или прабабка. Лягушку кладут в маленький мешочек, его наглухо завязывают и вешают на стену здания, имеющего не менее трех этажей и стоящего на открытом месте. Обычно для подобных целей выбирали вершину сельского минарета, вероятно, потому, что это было самое высокое здание в селе.

Почему подвешивают именно лягушку и почему делает это только тот, у кого живы прадед или прабабка? Ответить однозначно на поставленные вопросы трудно, можно лишь высказать некоторые предположения.

Не объясняется ли выбор лягушки тем, что ей приписывают какие-то сверхъестественные качества, что восходит к тотемическим верованиям? Как бы то ни было, нельзя не принимать во внимание того, что агулы относятся к лягушке особо: ее нельзя убивать и обижать; в весенних гаданиях о будущем важная роль отводится тем приметам, которые совпадали по времени с первым кваканьем лягушки, которое услышал гадающий. Что касается субъекта действий, то его выбор, видимо, объясняется почтительным отношением к представителям больших семей, свойственным многим народом Востока. Действительно, у того, кто имеет возможность общаться с прадедом или бабкой, родственников бывает больше и поэтому его считают счастливым.

Нами описаны разные формы двух обрядов, магические действия которых направлялись на обеспечение нормальной жизни земледельцев. Этим объясняется то религиозное поклонение, с которым крестьянин относился к обрядам. Однако при низкой культуре земледелия и архаических орудиях труда крестьянин был беспомощен перед силами природы. Отсюда умилостивительные жертвы, моления, заклинания, направленные на то, чтобы изменить природные условия в нужном для земледельцев направлении: в засуху вызвать дождь, при обилии дождей - солнце и т.д.

Отмеченные магические обряды не являются исключительно агульскими. Ареал их достаточно широк. Так, бешепей (пешепей) известен всем народам лезгинской группы Дагестана[46]. С аналогичными явлениями мы встречаемся и у других народов Кавказа, только здесь та же идея выражается "хождением с куклой, сделанной из деревянной лопаты и оде-

---

[46]См.: *Ихилов М.И.* Народности лезгинской группы. Махачкала, 1967. С. 224, 225. К сожалению, сведения, содержащиеся в книге, скудны и отрывочны. Более полное описание этого обряда у лезгин мы находим в уже упоминавшейся статье А.Г.Трофимовой.

той в женский наряд..."[47]. Легко обнаруживаются аналогии и другим формам магии. Агульскому купанию пастуха в реке соответствуют адыгский обычай бросания хаце-гуаше (княжны-лопаты) в реку и купание в реке мужчины, встретившегося исполнителям обряда хаце-гуаше[48], грузинская "вспашка дна реки" [49] и т.д.

Многочисленные этнографические исследования показывают, что магия - это элемент коллективного мировоззрения, сложившегося в определенных условиях материального производства. Причем характерно, например, что "производственная магия имеет место там, где техника производства слаба, где велик элемент случайности и где человек, следовательно, не может рассчитывать на успех в своей производственной деятельности" [50]. Таким образом, магическое действи выражает желание человека вмешиваться в деятельность природы с целью подчинения последней своим интересам.

Магия и суеверия, связанные с ночным временем. У агулов jaɣ - день и 'üš - ночь образуют антонимичную пару не только по противопоставленности представляемых ими реалий. День и ночь - это символы света и тьмы в самых разных значениях. Одно из распространенных пожеланий счастья звучало так: "Чтоб жизнь у тебя была как ясный (солнечный) день!", "Чтоб тебе светило солнце!", "Чтоб жизнь твоя была светлой!". И наоборот, в проклятиях важнейшим компонентом выступало сочетание слов "темная ночь". Все доброе, ясное связывалось с днем (светом), а злое, неясное, внушающе страх, - с ночью (тьмой). К этому же ряду слов, приобретших обобщенно-символический смысл, судя по устнопоэтическим данным, относились и прилагательные žagwarf - белый, ḳaref - черный, из которых *белый* как член оппозиции

[47]*Токарев С.А.* Религия в истории народов мира. М., 1965. С. 207.

[48]*Токарев С.А.* Указ. соч., с. 207; *Ямпольский З.И.* О безрелигиозности первобытной магии // Советская этнография. 1971. № 1. С. 72.

[49]*Токарев С.А.* Указ. соч., с. 207; *Ямпольский З.И.* Указ. соч., с. 72.

[50]*Сухов А.Д.* Философские проблемы происхождения религии. М., 1967. С. 657.

впоследствии вытесняется словом ekwef - светлый, поскольку оно теряет прежнюю символическую ориентацию, включаясь в другое функционально-семантическое поле, но уже негативного плана. Отсюда - новые смысловые блоки: ekwe 'ümur - светлая жизнь, ekwe req - светлый путь, ekwe fikir - светлая мысль, ekwe insan - светлый (доброжелательный, открытый) человек, ekwe lixun - светлая работа, ekwe muķ - светлое (счастливое) место, ekwe mal - светлое (доброе) животное, ekwe çaķin - светлое (радостное, счастливое) торжество, ekwe kan - светлая (приятная, красивая) одежда. Смысловые блоки противоположного плана создаются посредством прилагательного ķarerf - черный.

Всякое доброе, хорошее дело начинали только днем, и только в начале дня, ибо полный день символизировал счастье и благополучие. Это относилось и к одежде: не разрешалось надевать новую одежду после обеда: считалось, что это ведет к сокращению жизни хозяина одежды.

Первые лучи восходящего солнца приветствовали особой словесной формулой: "Добро пожаловать, божественный свет!" В момент захода солнца ему желали счастливого пути, однако такое пожелание не могло быть высказано сестрой, имеющей брата (или братьев), чтобы не навредить жизни последнего (или последних).

В целом день считался временем деятельности и созидания, отпущенным человеку, которому противостоит множество темных, злых сил.

Все темные силы, по древним представлениям, активизировались ночью. Поэтому ночь требовала от человека особой осторожности и внимательности. Эта осторожность выражалась, в частности, в тщательной регламентации всего того, чего нельзя было делать в ночное время. Отсчет ночного времени начинался с сумерек, которые имеют, наряду с общим названием muçinan gah - время сумерек, еще и название специальное žin aruca gah (waxt) - время выхода на арену джина (шайтана), принимавшего облик самых разных людей, животных и предметов, даже клубка волос. Считалось, что в этот промежуток суток возрастал риск нечаянно "встретить-

ся", случайно "наступить на него", что должно было повлечь за собой болезнь и даже смерть человека.

Местами обитания джинов считались высокие черные скалы, заброшенные дома и помещения для скота, мельницы, расположенные под черными скалами, а также поодаль от населенных пунктов, узкие тропинки, проходившие через труднодоступные горные ущелья, - словом, места, свободные от активной деятельности человека и потому представлявшие чужой, враждебный мир, с точки зрения бессильного перед природой человека.

Кроме джинов, ночью активизировались и всякие духи: духи предков, которые "возвращались" туда, где проходило их "телесное" существование; блуждающие духи - духи тех, чье потомство (или родня) вымерло или переехало на другое место. В зависимости от того, принадлежали ли духи добрым или злым людям, они соответственно могли быть добрыми или злыми, да и добрые духи могли "обидеться" на какие-либо действия и слова обитателей дома, вокруг которого они сосредоточивались на ночь, и тогда должно было последовать " возмездие духов".

Таким образом, ночь была полна злых сил, подстерегавших человека. Поэтому всячески остерегались вызвать недовольство собой в ночное время, дабы предупредить возможные в таких случаях недобрые пожелания или даже проклятия по своему адресу. По старым народным представлениям, недобрые пожелания подхватывались и усиливались джинами, злыми духами, в результате чего они непременно должны были сбываться. Поэтому старались, с одной стороны, не делать ничего такого, что могло бы вызвать недовольство духов, и, с другой - периодически приносить различного рода мелкие жертвы им с тем, чтобы задобрить их и привлечь на свою сторону или, по крайней мере, нейтрализовать.

Особо оберегать от джинов, которые могли быть как черными, так и белыми, следовало детей и больных. Для этого у изголовья тех и других клали либо священную книгу - Ко-

ран[51], либо какой-нибудь острый предмет (нож, кинжал, топор), которого джины должны были остерегаться. С теми же предметами предписывалось входить также в темные помещения, чтобы избежать встречи и столкновения с джином.

Запрещалось убивать ночных бабочек - ɣariw ruher - блуждающие духи, - которые залетали в жилые помещения. Ночью нельзя было говорить громко, кричать, чтобы "не пугнуть", "не отворотить" добрых духов. В сумерки и ночью нельзя было выносить из дому огонь - символ жизни и благополучия домашнего очага. В это же время считалось чрезвычайно нежелательным занять или отдать соседу или односельчанину соль, хотя все прочие просьбы в это время старались максимально удовлетворить.

На названия пресмыкающихся, остро заразных болезней (оспы, кори, холеры, чумы), имя покойника накладывались табу; они заменялись эвфемизмами, употреблявшимися в речи почти исключительно в ночное время, а в речи в дневное время становились факультативными, ср.: ilan- змея - erxef- длинный, waba - холера - čerhe azar - плохая (грязная) зараза (болезнь); имя покойника заменялось прилагательным ḳef - умерший.

Ночью не рекомендовалось шить одежду. В ночь хамис вообще запрещалось заниматься каким бы то ни было рукоделием: шитьем, прядением, ткачеством, чесанием шерсти и пр. Существовало предание, согласно которому некая женщина в ночь хамис намесила теста, затем начесала шерсти и с немытыми руками легла спать, в результате она превратилась в медведицу и ушла в лес.

Магическими свойствами наделялась и предрассветная пора. Так, существовало убеждение, что сны, которые снятся на рассвете, сбываются обязательно. Этому времени соответствуют свои злые силы. Среди них особо выделялась

---

[51]Вообще охранительная роль священной книге отводится у разных народов, ср.: "... и бабка, в то время кормившая грудью мою мать, никогда не выходила из спальни, не положив предварительно в колыбель большую семейную Библию, что в ее глазах служило надежной защитой от колдунов и чернокнижников". - *Ирвинг В.* Человек в черном // Лит. газ. 30 марта 19873 г., № 13.

ҫabaj - Цабай (ведьма), нечистая сила в образе женщины с длинными очаровательными волосами[52], большими висячими грудями, которые она обычно закидывала за плечи. Чаще всего Цабай подстерегала беременных женщин накануне и в момент родов. Когда они оставались дома одни и были беззащитны, Цабай, приняв облик какой-нибудь соседки или родственницы беременных, навещала их, предлагала им съесть вареник из рук; в момент, когда те открывали рот, чтобы откусить вареник, Цабай хватала за язык, вынимала внутренности и исчезала. Обманным путем она поступала так же с каждым, включая детей и мужчин, когда заставала их одних недалеко от постоянного места ее обитания. Согласно мифу, Цабай раз была поймана людьми, ее за волосы повесили на высокой скале перед памятником "Малла-Булай" в Буркихане, но затем была отпущена под клятвенное обещание покинуть пределы села[53].

Суеверия, обычаи и магия, связанные со смертью. По древним агульским представлениям, было два мира: me duja - этот мир и te duja - тот мир. Они назывались также соответственно просто duja - мир и axirat - вечность. *Этот мир* считался временным местом пребывания человека. Пребывание и благополучие его в *вечности* зависели от того, как и насколько справедливо он построит свою жизнь в *этом мире* .

Понятие смерти передавалось многими словами и их сочетаниями в зависимости от конситуативных факторов, в том числе и от отношения говорящего к предмету речи, ср.: ḳes - умереть, kičmiš x'as - пропасть, а также скончаться; ažal x'as - умереть по предначертанности судьбы; Allahdi waw akuna xas - быть призванным богом; qwanc (ḳurḳumɣ utas - кувырнуться, te dujil wes - переселиться на тот свет и т.д. Первые три обозначения стилистически нейтральны, остальные сопровождаются дополнительными значениями модально-стилистического плана. Да и первые тоже не тождественны се-

---

[52] О колдовской силе волос см.: *Фрэзер Дж.* Указ. соч., с. 755.

[53] Эти пределы в разных селах обозначаются, естественно, по-разному.

мантически: až̌al x'as (až̌ali xas) означает - умереть своей смертью, как предопределено судьбой, в то время как ḳes и kičmiš x'as лишены подобного уточнения, представляя недифференцированное действие. Это отражается, в частности, в пожелании, которое адресуется старым людям, - Iman faje ažal iraj - чтоб ты умер своей смертью и с верой (в лучший мир), и в проклятии - ažali lüḳüf dax'uraj wun! - чтоб ты умер не своей смертью, т.е. чтоб тебе не дождаться своего предначертанного конца! Таким образом, смерть могла быть разной. Благополучие человека на том свете зависело и от того, как он умирал: тяжело или легко, своей или насильственной смертью, с верой в тот мир или без нее и т.д.

Болезнь (за исключением заразных болезней, проявления которых были очевидны) рассматривалась как Allahdin salam - знак божественного расположения: если человек заболел, то он, следовательно, богом не забыт; болезнь ниспосылается для напоминания того, что есть еще и другой, вечный мир. Такая болезнь считалась временной, "очередной", однако она могла быть усугублена силами, враждебными человеку,- джинами, людьми иного настроя - dadüx'ü insanar, злыми блуждающими духами и т.д. Поэтому в период болезни кого-либо из членов семьи практиковались жертвоприношения, призванные отвести болезнь, умилостивить злых духов и т.д. Одновременно предпринимались и магические действия, направленные против возможного вмешательства джинов, что находит свое выражение в словосочетании žin iṭas - замкнуть, отгородить джина.

Умершего мыли по ритуалу, одевали в саван (кафан) либо из белой бязи, либо из шелкового материала белого, голубого или зеленого цвета в три, пять или семь слоев. Покойника дома долго не держали: это считалось мучительным для души покойника, которая, отделившись от тела, покидает родной дом, возвращаясь туда только по ночам, и ждет воссоединения с ним после предания его земле. Подготовка к преданию земле длилась всего несколько часов. Вечером и ночью не хоронили. Если человек умирал ближе к вечеру, его все равно не хоронили до утра. Но ни в доме покойника, ни по соседству ранее принесенную воду при этом не употребляли, ее

выливали и приносили новую, которой душа покойника не могла коснуться. Отделением души от тела занимался ruh diwa izrail - израиль, вынимавший (вытягивающий) душу. Душа оставляла тело постепенно, начиная с пальцев ног.

Могилы для мужчин, женщин и детей рыли разной глубины: для детей - наименее глубокие, для женщин - самые глубокие и средние (примерно в рост человека) - для мужчин. Объяснялось это тем, что к покойнику после предания его земле приходит представитель загробного мира (Муркарнакир) с целью допроса - surɣ usualɣ ušas. Муркарнакир в зависимости от степени грешности переселившегося в тот мир мог явиться либо в располагающем, либо в пугающем виде. Умерший, если он был слишком грешен, увидев страшный вид Муркарнакира, мог выпрыгнуть, выскочить из могилы. Чтобы такое не случилось, женщине, как существу наиболее слабому, рыли самую глубокую могилу. Мужчина, будучи сильным, бесстрашным, должен был выдержать любой вид представителя того мира , поэтому мужская могила могла быть и не очень глубокой. А дети еще не успели нагрешить, и им нечего было бояться.

В самой могиле из камней складывали стенки, перекрывавшиеся каменными плитами, так что получалось что-то вроде маленького домика. В этот домик укладывали покойника, который должен был лежать на правом боку с согнутыми в коленях ногами, головой в сторону Кибла. После захоронения могилу поливали водой из кувшинчика. Считалось, что когда капля воды доходит до лба покойника, то он временно оживает, и в этот момент к нему приходит Муркарнакир на допрос. Ожив, покойник мог крикнуть, попросить не оставлять его в могиле, а взять домой. Однако услышавшие этот крик сами должны были умереть. Во избежание такого прецедента участники похорон после того, как польют могилу, быстро уходили с кладбища. Здесь достаточно отчетливо прослеживаются реликты оживляющей функции воды.

Надмогильные плиты традиционно надписывались только на арабском языке.

В дождь не хоронили. Дождь не должен был попасть в готовую могилу или в могилу в момент захоронения. Это условие могло нарушаться только во время затяжных дождей.

На кладбище покойника несли на сари - специальных носилках, покрытых белым, голубым или зеленым материалом. При этом его крепко привязывали к носилкам, чтобы не трясся: если он "трясся", то это считалось знаком того, что за ним последует еще покойник.

Умерших оплакивали по-разному в зависимости от их возраста и пола. Наиболее напряженно проходило оплакивание молодого человека - юноши, совершеннолетнего молодого человека и молодого мужчины. В этом случае ʏ warar - плачи не прерывались и продолжались трое суток; сестры, мать, жена умершего, если он был женат, обрезали себе косы, царапали себе лицо до крови. Это были обрядовые элементы. Поэтому одним из самых страшных проклятий считалось пожелание женщине обрезать косы. Оно было направлено против вайназара в семье, каким мог быть, как уже говорилось, самый молодой в семье мужчина. По-видимому, здесь проявляются остатки патриархального уклада, в рамках которого мужчине отводилась важнейшая роль как в хозяйстве, так и в продолжении рода. Не случайно мужчина в семье (муж, брат) имел и другое, общее название - иеси - хозяин, господин.

Активное оплакивание умершего продолжалось трое суток. Плачи должны были быть мерными, красивыми, чтобы не пугать духа умершего, остающегося дома как раз трое суток, к исходу которых приурочивали *хайрат* - поминки с жертвоприношениями ради благополучия и успокоения души покойного. Повторный хайрат устраивали через 40 дней и год.

Внешне выраженный траур поддерживали родственники умершего в течение года: они не пели песен, не танцевали, не могли громко смеяться, не участвовали в шумных празднествах, не надевали светлой одежды; мужчины не брились в течение 40 дней.

Символом смерти была белая лошадь. Внутренняя форма символа связана с тем, что на покойника надевали саван бело-

го цвета. Если кому-нибудь приснится, что он или кто-то другой сидел на белой лошади, то это толковали как знамение близкой смерти. Этим объясняется и смысл фразеологизма žagwar hejwandil alik̦was - сесть на белую лошадь, т.е. умереть.

Защита от дурного глаза . По старым народным представлениям, дурной глаз мог причинить немало вреда. Многие внезапно начинавшиеся болезни людей и животных, смерть, разлад в семье, неприятности, которые могли последовать за тем или иным торжеством, неурожай, травму, полученную при строительстве дома, на косовице или жатве, падеж скота объясняли воздействием злых чар (ul x'as, ul ak̦as) - сглазом. Способность сглазить признавалась не за всеми, ею были наделены немногие, причем главным образом - женщины, достигшие, как правило, пожилого возраста и характеризовавшиеся жадностью, замкнутостью, завистливостью и прочими пороками.

Вербальным выражением сглаза считалась специфическая конструкция речи, произносившаяся тем или иным лицом при виде предмета (объекта) сглаза и начинавшаяся с отрицательно-оценочной и отрицательно-эмоциональной частицы haharaj! - приблизительно ой-ой-ой! Услышав такое, необходимо было принять срочные меры, чтобы отвести неизбежное вредное воздействие злых чар. Для этого брали какой-нибудь стеклянный или глиняный сосуд и сильно бросали оземь, произнося: "Чтоб твой дурной глаз поразил тебя самого!". Если сосуд при этом разбивался на мелкие кусочки (именно этого и добивались), тогда действие сглаза считалось отведенным. Однако сглаз мог не выразиться вербально. Тогда задача осложнялась поисками, выявлением того, кто мог сглазить. Перебирали очевидцев соответствующего события и на ком-либо из них непременно останавливались, как на субъекте сглаза. В этом случае последний должен был отрезать кусочек своей старой одежды и вместе с несколькими волосами с головы передать пострадавшим, которые сжигали их в огне, произнося уже приведенное выше заклинание.

Для предупреждения от возможного воздействия злых чар изготовляли талисманы.

Описанные предупредительные и защитные меры от сглаза, равно как и само понимание его, свидетельствуют о том, что в архаичных формах мышления и познания человек, окружающие его предметы и слово образуют неразрывное единство: признаки человека распространяются на его вещи, посредством слова можно усугубить или ослабить проявление нежелательных или, наоборот, желательных признаков[54].

Обычаи, связанные с отправлением в дальнюю дорогу. В дальний путь не отправлялись в полдень или после обеда. Наиболее подходящим временем считалось раннее утро. Главным мотивом при этом выступало желание избежать встречи со злым, недоброжелательным человеком, который мог повлиять на исход предприятия по принципам контагиозной магии. И наоборот: встреча с добрым, доброжелательным, открытым человеком рассматривалась как первый и верный признак того, что путь будет счастливым. Было важно, какого цвета одежда встречного (счастливый путь связывали со светлой одеждой), что он нес (считалось плохим признаком, если встречный нес пустую тару), здоровье и настроение встречного и т.д.

Чтобы не рисковать счастливым исходом пути, который, как видно из сказанного, зависел от случайной встречи со случайным человеком, подстраивали нужную, желательную встречу: у выхода из ворот (из дома) отправлявшийся в путь сталкивался с подготовленным уже и, естественно, удовлетворявшим всем требованиям человеком (как правило, из числа членов семьи), которому предписывалось пожелать собирающемуся в путь субъекту предприятия счастливого пути. Упаси боже, если он спросит у того, куда он идет! Тогда выход в путь могли перенести на другой день. Только пожелание благополучия могло принести само благополучие.

Когда отправлявшийся в дорогу выходил из ворот, тут же вслед за ним разбивали сосуд, наполненный водой: разбитый

---

[54] *Фрэзер Дж.* Указ. соч., гл. 55.

сосуд воплощал возможные нежелательные случайности в пути, которые таким образом заранее отводились, предупреждались.

Из домашних животных желанней была встреча с собакой. Если же встретится кошка, полагалось сделать три шага назад, не оборачиваясь, а затем двигаться вперед. Что бы ни случилось, выходящему в путь нельзя было возвращаться назад, у него ничего нельзя было просить.

После того, как члена семьи проводили в дорогу, дома в тот день, даже следующие три дня, не убирали, не подметали полы: вымести мусор вслед за отъезжающим считалось равносильным недобрым пожеланиям, проклятиям.

Вся эта довольно длинная цепь обрядовых действий замыкалась жертвоприношениями или раздачей милостыни, призванными главным образом задобрить и привлечь на сторону отправившегося в путь духов "своих" и "чужих" умерших.

Получить известие о болезни и смерти близкого, находившегося вдали от дома или в пути, входило в число самых страшных несчастий. Отсюда - одно из жутких проклятий - это то, которое адресовалось находящемуся вдали от дома, соответственно одно из непременных и всегда актуальных пожеланий, заклинаний - "Чтоб не знать, не получить никогда дурной вести издали!" Страшно боялись снов, в которых раздавались выстрелы: выстрел во сне толковался как знамение о смерти (гибели) того, кто находился вдали от дома.

По-видимому, трудно и едва ли верно сводить все, о чем шла речь, к отчетливым или завуалированным проявлениям магии. Несомненно, столь большое внимание подготовке всех обстоятельств, связанных со снаряжением человека в путь, свидетельствует о том, насколько путь был опасен, непредсказуем и враждебен человеку. Сами по себе горные тропинки были далеко не безопасны. Кроме того, судя по преданиям, легендам, заклинаниям и другим формам народного творчества, довольно широкое распространение имело разбойничество, жертвами которого становились прежде всего путники.

Магические элементы в брачных обрядах. Брачные обряды, обычаи связанные со свадьбой, относились к числу наиболее разработанных и регламентированных по сравнению с обрядами рождения и смерти. Как утверждается в народном афоризме, в своей жизни человек известен бывает трижды: в связи с рождением, в связи с бракосочетанием и в связи со смертью. Естественно, поэтому правила поведения здесь были достаточно строгими и обязательными.

На всех этапах свадебных обрядов ведущей выступала линия уважения и удовлетворения интересов невесты, хотя сама свадьба должна была обеспечить равноправие невесты и жениха. Традиционно она длилась три дня: в первый день чествовали наврузбека - жениха (этимологически - бека праздника), во второй - сус - невесту, а третий день был общим, заключительным днем торжества.

Соблюдение всех свадебных обрядов было обязательно лишь в том случае, если невеста выходила замуж впервые.

В целом свадебные обряды делились на несколько групп в зависимости от этапа создания новой семьи: сговор, сватовство, свадьба, брачная ночь и т.д. Выраженные магические элементы включались в каждый такой этап: 1) вербальное оформление брачного союза проводилось без широкой огласки и в присутствии строго ограниченного количества лиц со стороны жениха и невесты; 2) привод невесты в дом жениха; 3) первые минуты пребывания невесты в новой семье; 4) момент встречи жениха и невесты в брачную ночь; 5) первый выход невесты по истечении трех дней из дому ранним утром к роднику по воду.

Особенно незащищенными от порчи, сглаза считались моменты словесного закрепления брачного союза - nekeh arḳa waxt - и прихода жениха к невесте. Именно в это время можно было магически связать жениха - nawruzbeg iṭas - и исключить возможность фактического бракосочетания. Способов связать жениха было несколько. Чтобы расстроить брак, считалось, например, достаточным, если в момент венчания или встречи жениха с невестой кто-нибудь завяжет на веревке узел или переплетет себе пальцы рук, приговаривая: "Не так (как хотят жених невеста), а вот так". Колдовство

наилучшим образом должно было удаваться человеку злому и враждебно настроенному по отношению к тем, против кого колдовство направлялось. Брак не мог совершиться до тех пор, пока узлы не будут развязаны или пальцы рук не будут расплетены. Поэтому о времени совершения ответственных обрядов знали лишь ближайшие родственники и особо доверенные лица - nukarar - нукеры - со стороны жениха, čaran šiwar - дружки - со стороны невесты.

Когда невеста в сопровождении свадебной процессии переступала порог дома жениха, ей на голову сыпали муку - символ пожелания светлой, счастливой жизни (впоследствии вместо муки использовали сахарный песок и конфеты). Невесту вместе с дружками и всем сопровождавшим ее свадебным персоналом провожали в комнату невесты, где ее усаживали в угол и сразу же клали ей на колени маленького мальчика, у которого она, ущипнув, вызывала плач. Это было симпатическое магическое действие, призванное повлиять на плодовитость невесты и выражавшее ей пожелание материнства[55].

Табу и обряды, связанные со стрижкой волос и ногтей, широко распространены у разных народов[56]. У агулов они сохранились рудиментарно. С волосами, с тем, где и как они растут, с цветом их, а также с ногтями в древности ассоциировались представления о будущей жизни. Так, по тому, как растут волосы на макушке головы мальчика (в виде одного или двух кружочков), определяли, один или два раза он будет женат. Человек с густыми волосами на голове, густой бородой, густыми усами и бровями считался потенциально способным нести счастье себе и другим в отличие от человека, лишенного этих внешних признаков. Отсюда понятно, почему отрицательные персонажи в народных сказках чаще оказываются квасса - редкобородыми . Сросшиеся брови тоже рас-

---

[55]Описание свадебных обычаев агулов см.: *Калоев Б.А.* Указ. соч., с. 95-98. Следует отметить, что калым как таковой у агулов не существовал.

[56]См.: Там же, с. 262.

сматривали как признак, обещавший счастье. Человека с редкими волосами обычно называли *шаракум* - приносящий зло, разрушающий благополучие.

Сходными функциями наделялись также и ногти. Цветение ногтей (появление на них белых точек) квалифицировали как сигнал приближающегося благополучия, сигнал к тому, что человека ждет обновление одежды, в конечном счете - продолжительная и благополучная жизнь.

Таким образом, с волосами, ногтями связывалась идея будущей жизни, судьбы. Именно поэтому они могли быть использованы в колдовстве, чтобы напустить на человека "порчу", повлиять на его будущее. Это порождало ответные, охранительные меры в виде табу. Волосы и ногти нельзя было стричь вечером и ночью: это считалось временем активизации злых, враждебных человеку сил, которые могли использовать их против интересов человека. Стричь волосы и ногти можно было только днем. При этом их нельзя было бросать, а заворачивали в тряпочку и прятали так, чтобы никому они не попали в руки и не были использованы в колдовских целях. Детям до года вообще не стригли волос и ногтей. Женщине нельзя было обрезать косы. Поскольку такое действие считалось знаком глубокого траура, то думали, что, обрезав косы, можно навлечь беду по закону обратной связи на мужа, брата или сына, т.е. следствие и причину трактовали как неотвратимо связанные друг с другом.

Рассмотренные выше формы магии и обряды дают достаточно отчетливое представление об отдельных чертах первобытного мышления, рудиментами которого указанные формы являются и по которому человек и окружающая его действительность, образуя единое целое, связаны между собой отношениями взаимопонимания и взаимообусловленности. В этом мышлении слово и обозначаемые им понятие и предмет, желания и желательные события, человек и природа настолько тесно переплетены, что одно почти исключается без другого и, наоборот, одно непременно предполагает другое. Реальные причинно-следственные связи и субъективно созданные, мифологически детерминированные картины ирреальных отношений не знают ясных границ. Слова в та-

кой же мере оказываются наделенными действительными качествами и признаками, в какой последние свойственны обозначаемым ими предметам и явлениям. Отсюда следовало, что, например, человек, носящий доброе, хорошее имя, не мог быть плохим, и наоборот. Имя человека, понимаемое как самостоятельная сущность, могло вступать в противоречие с реальной индивидуальностью человека, а это, как считалось, приводило к дисгармонии между ними, что, по древним народным представлениям, обычно и служило одной из причин болезни носителя "неправильного" имени. Поскольку имя и его носитель в первобытном мышлении образовывали неделимое целое, то одно и то же имя при живом его носителе не могло повторяться: оно не должно было даваться другому человеку. Дать имя живого человека другому означало разрушить обязательную и необходимую "согласованность" между именем и его носителем, следовательно, - обессилить, обездушить первоначального носителя имени. Имя освобождалось лишь после смерти его носителя. Этим объясняются многочисленные почти драматические ситуации, которые возникали вокруг имен живых людей, дававшихся новорожденным: чтобы назвать ребенка именем, занятым, например, в другой семье, обязательным считалось согласие той семьи. Эти факты по-своему дополняют и разъясняют формы магии, о которых шла речь, их внутренней, системной соотнесенностью с другими проявлениями духовной культуры народа.

Глава четвертая

ЛЕКСИКА И ЕЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА

Лексика агульского языка, как и синтаксис, совершенно не изучена. Поэтому наблюдения, предлагаемые в настоящей главе, носят самый предварительный характер и преследуют цель лишь наметить некоторые аспекты описания и анализа лексической системы языка на ограниченном материале.

Первое, что обращает на себя внимание в лексике агульского языка, как, впрочем, и других дагестанских языков, - это сравнительно большое количество "маленьких", односложных слов. Казалось бы, данное обстоятельство к лексике (лексикологии) не имеет отношения, поскольку длиной слова в связи с интонированием чаще всего и преимущественно занимается фонетика. Вместе с тем факт остается фактом: названия очень многих реалий, например, бытовых предметов, жилища и его деталей, частей человеческого тела, домашних и диких животных, цветов, трав, лугов, небесных светил и атмосферных явлений, единиц времени, т.е. того, что составляет основной словарный фонд языка, - это односложные трехфонемные слова, в которых гласная фонема располагается между согласными (как правило), ср.: dad - отец, bab - мать, ruš - дочь, či- сестра, ču - брат, xal - дом, žil - пол, wec - вол, jard - бык, luč̣ - телка, urč - теленок, hub -овца, uḳar - баран, ḳun - козел, tuk -цветок, raɣ - солнце, waz - луна, ħad - звезда, nec̣w - река, x'ed - вода, neq - молоко, su(w) - гора, č̣ar - волос, ḳuḳ - колено, ḳurḳ - горло, č̣ir - луг, wes - идти, cal - стена, raq - дверь, mal - скотина, ḳur - зерно, č̣ul - ива, üḳ - трава, c̣eh - коза, ratt - гумно, markw - скирд, ħur -

мука, ḳur - дерево, ttur - ложка, ḳum - сметана, ç̌em - масло, xil - рука, lek - нога, xüx - нос, kan - одежда, pas - сказать, wun - ты, duz - ровный, purç - перо, gur - миска, paž - пристройка, par' - лопух, ḳarč - рог, gaš - голод, ḳel - соль, luf - голубь, egw - зеркало, kul - сук, taž - мехи, šum - вид обуви, quɣ - перина, rub - игла, la' - орел, qul - шуба, ḳal - полынь, lek - обувь, šal - платок, fur - колесо, warw - пчела, ṭun - стойло, mer' - корень, ḳul - крышка, kum - дым, ḳaš - палка, dar - лес, ṭuṭ - муха, ekw - свет, kub - кизяк, wartt - вверх.

Количество подобных слов легко увеличить. На этом основании можно сделать ряд предварительных выводов и предположений. Среди исконно агульской лексики, включая и общелезгинский фонд, много слов, состоящих из одного закрытого слога. Исходная односложность непроизводного слова настолько очевидна, что ее нельзя не принимать во внимание при установлении, например, исконного или заимствованного характера соответствующей лексики. По-видимому, это древнейшие слова; более того, вполне может быть, что первоначально вся лексика состояла из односложных единиц. Многосложные лексемы - это один из результатов исторического развития, результат слово- и формообразования, лексико-синтаксического слияния двух и более единиц, ср.: raɣ - raɣ uxan - радуга; furd - навоз - furdiqen - место для свалки мусора; ttur - ложка - tturaqen - ящик для ложек. Поэтому всякое многосложное слово исконного происхождения можно возвести к элементарному (односложному). В конечном счете вполне реально составить перечень всех первичных слов и их исходных значений. Наибольшая часть односложных слов приходится на лексико-грамматический класс имен существительных. Особо стоит разряд личных и лично-указательных местоимений. Что же касается прилагательных, числительных, глаголов, многих разрядов местоимений, наречий, а также служебных слов (частиц, подчинительных скреп сложноподчиненного предложения и т.п.), то они, за редким исключением, бисложны и полисложны. Это свидетельствует, в частности, и о том, что существительные хронологически первичны по отношению, по крайней мере, ко многим другим классам слов, что вполне подтверждается также и данными

семантического и словообразовательного анализов, ср.: ḳar (непроизв. сущ.) - чернота + e(f) = черный + (-ri) = по-черному ḳare - aḳas - чернить; guč̣ x'as - испугаться. Односложность первичных именных основ, их способность быть в силу выраженного аналитизма языка компонентами разных словоформ или синтаксем порождают в свою очередь большое количество омонимов, омофонов и омоформ, для уяснения смыслового статуса которых необходимы специфические контексты, ср., напр.: 1) hur - село: če hur haf e - наше село большое; 2) hur - мука: sulen hur - ржаная мука; 3) hur в сочетании со вспомогательным глаголом x'as - узнать, вспомнить ранее увиденное: zis wun har x'unaj - я тебя узнал; 4) hur в сочетании с обобщенно-вспомогательным глаголом aḳas - познакомить, показать: req hur aḳas - показать дорогу; 5) hur в сочетании со вспомогательными глаголами в причастной форме - хорошо воспринимающий учение, успевающий; 6) hur в сочетании с препозитивным причастием и вспомогательными глаголами - помнящий добро, благодарный: me insan aḳuf hur weref e - этот человек помнит сделанное добро; или еще: 1) hel - здоровье; 2) hel - положение, состояние; 3) hel - в сочетании с глаголом xas - принести, aḳas - делать: навлечь беду; 4) hel в сочетании с глаголом attiwas - вынуть, вытащить: извести, измучить; 5) hel - костный мозг; 6) hel - каталка; 7) hel - шомпол; 8) hel - ровный тонкий прут; 9) hel - в сочетании с вспомогательным глаголом x'as - мочь - освоить, освоиться; 10) hel - в сочетании со вспомогательным глаголом aḳas - делать: решить.

Омонимия создается главным образом за счет расщепления полисемантичного слова. Углубленное изучение путей и направлений развития многозначности и лексической омонимии - одна из фундаментальных задач дагестанского языкознания, решение которой может принести большую пользу также и таким наукам, как собственно история, историческая семасиология, историческая этнография, теория этногенеза и др.

В лексике дагестанских языков, в том числе и агульского, немалую роль играют слова, полученные путем основосложения или тавтологии. К наиболее распространенным моде-

лям такого словообразования относятся: а) сложение форм двух слов одного и того же узкого понятийного поля: q̣ür - pur - конские принадлежности из q̣ür - ленчик, деревянный остов седла + pur - седло; kan-lek - одежда из kan - одна из деталей одежды + lek - обувь; uṭub-uxud - еда из uṭud - еда + uxub - питие; xuruw-lik̥iw - грамота, успехи в учении; ušub-adib - общение; tušub-rucub - манеры; ttur-gur, gwar-gažin - пожитки; k̥il-xil (uččas - помыть) - подготовка к чему-либо; q̣ari- q̣uža - все; tis-mis - кому-нибудь; xal-mal - собственность; zef-wef (dapuna) - без различия; gaš -mek̥ - нужда; č̣al+gaf + признаки жизни; ešuw- raxuw - печаль, траур; kef-hel - самочувствие, жизнь; ṭušu-rucu (x'as) - быть заметным; соединение слова со звукосочетанием, не составляющим членораздельной лексической единицы, но своим материальным строем гармонирующим с первым: либо это полное звуковое воспроизведение опорного (ядерного) компонента, у которого не совпадает лишь начальная фонема, либо ассонируют как раз начала при различиях в ауслауте: q̣ab- q̣afil - скарб из q̣ab - посуда + звукокомплекс, отдельно не существующий; guni-muni - еда из guni - хлеб + muni; ср. также ttur-mur - что-то подобное ложке и т.д. Таких образований в языке много, и сама модель подобного словосложения весьма активна. Общее значение, выражаемое ею, - это "что-нибудь подобное предмету, названному ядерным (базовым) словом". Второй компонент сочетания способен присоединяться ко многим словам, с которыми он созвучен, его роль сугубо служебная, ср.: pul-mul, sul-mul, xul-mul, cul-mul и т.д. Это - способ наименования неопределенных предметов, неопределенной номинации целого класса предметов. Таким образом выражается семантика, которая близка к семантике, например, русского сочетания типа "ручка или что-нибудь пишущее". Кроме собственно семантической функции, рассматриваемые построения выполняют также и модально-субъективную роль, реализуя оттенки неопределенности, приблизительности.

Особо стоят сочетания, состоящие целиком из компонентов, по отдельности лишенных функциональной самостоятельности: q̣arma- q̣atiš - (из рук вон) плохо; azan-zawan

(aḳas) - согнать с места, рассеять кого-нибудь; pus-pus (aḳas) (о легком и объемном) - разъединить и рассеять.

Слова, обозначающие кусок, часть, сочетаясь между собой, реализуют значение расчленения на множество мелких частей, ср.: muz-muz, tika-tika, ḳurc- ḳurc, parča-parča, paj-paj (aḳas) - на мелкие кусочки (разбить, разрезать).

Сочетания деепричастий настоящего и прошедшего времени в положительной и отрицательной формах служат для обозначения различных обстоятельственных смыслов: ruḳari-daruḳari (ares) - с трудом (дойти), arxari-adarxari - поздно, fuxari-faduxari - в натянутых отношениях.

Тавтологические сочетания, состоящие из двух отрицательных форм деепричастий, обозначают наступление действия, давно желаемого говорящим или участниками акта речи: dawej-dawej (adine) - долгожданный, давно желанный; после повторяющихся отрицательных форм (деепричастий) обязательно следует положительная глагольная форма, являющаяся, таким образом, заключительным звеном бинарной оппозиции.

Сочетания из двух деепричастий в положительной форме реализуют интенсивность проявления действия или содержат его квантитативную характеристику: e1xej-e1xej - заливаясь смехом, uqaj-uqaj - бегом-бегом, ɣurɣaj-ɣurɣaj - непрерывно разговаривая.

Сочетания, включающие в себя слово, обозначающее целый единичный предмет, и ту же именную основу, осложненную суффиксом наречия -di, употребляются в значении "по отдельности", уделяя каждому предмету отдельное усилие": ḳeṭ - ḳeṭdi - по колосу; kul-kuldi - по веточке; xar-xardi - по горошинке. Если точно так же сочетаются между собой слова, называющие предметы, которые могут быть использованы в качестве единиц измерения чего-либо, то все сочетание в зависимости от контекста употребляется в значении "по отдельности", "повторяемость", дает количественную характеристику того, на что направлено глагольное действие, а также называет совокупность этих значений: mex'-mex'di - по пригоршне, x'el-xeldi - по снопу; fur-furdi - по стогу.

Описание этих и аналогичных сочетаний может быть более полным и развернутым. Но уже предложенный обзор дает вполне достаточное представление о том, насколько они разнообразны структурно и по выражаемым отношениям. Обладая практически безграничными возможностями комбинирования структурных компонентов для реализации широкого диапазона лексико-семантических, модально-субъективных и других значений, основосложение выступает одним из важных источников обогащения лексического фонда языка.

Значительное количество лексических единиц приходится на заимствования из других якыков. Сколько их всего, к каким тематическим группам они относятся, когда и в какой последовательности были заимствованы, насколько глубоко освоены языком - вот некоторые из вопросов, требующие объяснения.

Все заимствования прежде всего можно разделить на старые и новые. Источниками старых заимствований выступают такие языки, как арабский, персидский (также и другие иранские), тюркские. Источником новых заимствований является главным образом русский якык, из которого берутся слова, относящиеся к самым разным областям жизни. Остановимся на них подробнее.

Новые заимствования. Заимствования из русского языка активно стали входить в устное употребление после присоединения Дагестана к Российской империи в начале 19 в. Удельный вес их в лексической системе агульского языка, как и других языков Дагестана, сильно возрастает после Октябрьской революции, а особенно после Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Однако они неравноценны с точки зрения роли и места их в заимствующем языке. Среди них выделяются две основные группы: с одной стороны, это слова, уже вошедшие в активный словарный запас языка в качестве наименований понятий и предметов, ставших неотъемлемой принадлежностью современной жизни. Сюда относятся такие, как banka, simawar, istikan, tarilka, garafin, čajnik, называющие предметы быта; batinqawur, palaš, qalušar, paltu, penžek, обозначающие предметы туалета; putqa, turba, pič,

qalidur, представляющие детали хозяйственного строительства; zakun, sutqa, birgadur, selsewet, являющиеся наименованиями реалий, порожденных социалистической революцией. Ими владеют носители языка разных возрастов, поколений. Они и подобные им слова стали частью основного словарного фонда языка. С другой стороны, это лексемы, которые характеризуются явной функциональной ограниченностью, приближаясь к элементам специальных языков. Здесь можно выделить ряд групп: 1) названия единиц территориального и административно-государственного деления, тех или иных учреждений, соответствующих им понятий: ublast - область, rajun - район, kancamul - комсомол, wiburar - выборы, diputat - депутат, diligat - делегат, gustrax - госстрах, prizdetil - председатель, sikritar - секретарь, rajanu - районо, inkiwide - НКВД, milica - милиция, ispalkum - исполком; 2) школьная лексика: partafil - портфель, učenik - ученик, karandaš - карандаш, kalas - класс, ručka - ручка, titrat - тетрадь, piririw - перерыв, uškula - школа, čirnil - чернила, derektur - директор, instut - институт; 3) названия предметов быта и туалета: šunur - шнур, majka - майка, sumka - сумка, kuruška - кружка,butulka - бутылка, kilijunka - клеенка, kaprunar - капроновые чулки, lampa - лампа, lampuška - лампочка электрическая, padarka - подарок, kambinaci - комбинация, palatnu - полотно, 'edikalun - одеколон, kastum - костюм, šutka - щетка, karan - кран, ispiška - спичка, balun - балон, mišuk - мешок; 4) названия из области культуры, искусства, фотографии, литературы: partrit - портрет, kinu - кино, kulub - клуб, izbaš - изба-читальня, tiatir - театр, qazit - газета; 5) технические названия: astanca - станция, pujezd - поезд, aftabus - автобус, bulduzir - бульдозер, aftanabil - автомобиль, taraxtur - трактор;) военная лексика: saldat - солдат, wajenkamat - военкомат, bildanka - берданка, furunt - фронт, hepisar - офицер, pilimut - пулемет; 7) названия профессий: rabuči - рабочий, mixanik - механик, mastir - мастер, šufir - шофер, učitil - учитель, agranum - агроном, usturuž - сторож; 8) делопроизводные термины; 9) единицы измерения; 10) термины из коллективной хозяйственной деятельности; 11) строительства; 12) спортивно-туристской тематики; 13) из области радио-телевизионной и телефонной техники; 14) назва-

ния мебели; 15) термины почтово-телеграфной связи; 16) кондитерских изделий; 17) медицинского обслуживания; 18) торгово-хозяйственных строений; сельскохозяйственных культур, хлебо-булочных изделий и некоторых других предметов быта, строительства, хозяйства; 19) особо следует отметить единственный глагол, заимствованный опять-таки в форме существительного, žaritt - жаркое, а также ряд слов и их сочетаний модально-служебного характера: kakras - как раз, sirawnu - все равно, kanišna - конечно, nu - но, wapši - вообще, abiznaj - обязанный и др. Можно было бы подробнее и детальнее описать процесс проникновения в жизнь русских слов в агульском языке. Однако в данном случае задача состояла не в полноте описания, а в том, чтобы рассмотреть общую картину вовлечения русских слов в изучаемый язык с точки зрения их места в последнем и обусловленности потребностями общения.

Если вслед за Трейгером говорить о трех этапах, стадиях заимствования - раннем, новом и новейшем[57], то выявляемые в агульском языке русские заимствования могут быть квалифицированы лишь как новые и новейшие, самые ранние из которых едва ли старше ста лет. Особенно значителен пласт слов, не имеющих достаточных традиций употребления, слов-"летучек". Им противостоят собственно заимствования, уже освоенные заимствующим языком во всех отношениях: фонетико-фонологически, морфологически и семантически.

И еще одно замечание: во многих случаях русские заимствования не являются единственными наименованиями соответствующих понятий и предметов, они лишь дублируют то, что имеется в заимствующем языке.

Старые заимствования. Это наиболее многочисленный пласт лексики, давно вошедший в активный запас языка главным образом из арабского, персидского (также и других иранских), тюркских языков. Тематически эта лексика распределяется следующим образом:

---

[57]См.: *Хауген Э.* Процесс заимствования // Новое в лингвистике. Вып. 7. М., 1972. С. 356.

1. Слова, называющие разные отвлеченные понятия или участвующие в создании наименований отвлеченных признаков, действий и т.д.: salam - приветствие, salamat - спокойствие, amanat - завещание, поручение, nasihet - дружба, благорасположенность, qudrat - мощь, сила, zehmat - труд, hulmat - почитание, уважение, rehet - отдых, отдохновение, dawlat - богатство, ištarak - участие, tarikat - установления, обычай, hel - состояние, taškil (aķas) - создать, mažbur (aķas) - вынудить, lühüm - средство, makur - хитрость, taržuman - вознаграждение, zulmat - беда, bala - беда, musibat - беда, burž - долг, žafa - труд ради чего-нибудь, wafa - польза, вознаграждение, hüžat - спор, safa - вознаграждение, herekat - усердие, baxt - счастье, waxt - время, furs - форс, barakat - удача, счастье, lamus - совесть, jaɣ niš - недостаток, порок, magariš - подарок, ewlelmiš (x'as) - обзавестись семьей, kičmiš (x'as) - умереть, bitmiš (aķas) - довести до конца, muštari - товарищ, соучастник, matlab - цель, fal - гадание, axir - конец, awal - начало, kef - наслаждение, kumak - помощь, san - счет, sual - вопрос, tarbija - воспитание, durum - верность избранному пути, adab - основа, darin - глубина, корень, dib - основа, исходное начало, fikir - мысль, задумчивость, xijal - дума, мысль, rašwat - взятка, ujaɣ - осведомленность, kalam - слово, fitna - ссора, mašhur - увлеченный, maja - костный мозг, taxsir - виновный.

2. Слова, характеризующие человека или вообще какой-либо предмет с точки зрения его свойств, внешних признаков, связей и отношений с другими предметами и явлениями, а также содержащие нередко оценку со стороны говорящего: murdar - причиняющий беду, alčaɣ - подлый, ɣariw - слабый, ašna - знакомый, bajaquš - забытый, заброшенный, qarni - прожорливый, batrak - бедный, пришлый, heramzada - грешник, darduman - дорогой, единственный, dallu - глупый, qehpa - развратный, saxtte - вспыльчивый, duɣre - правдивый, ačuq - открытый, taxsirkar - виновный, ešuķ - зачарованный, pers - бедовый, dilmaž - знаток языков, ispahi - подтянутый, bed - плохой, вредный, makurzana - хитрец, tabi' - поддерживающий, wafalu - полезный, wehši - дикий, kačal - плешивый, ellig - ветхий, urta - средний, jalɣuz - одинокий, ifrit - хитрый, коварный, mutta'i - противник.

3. Слова, относящиеся к области религии, религиозной жизни: din - религия, Allah - Аллах, dindar - священнослужитель, мулла, pir - памятник святому, surɣ usual - допрос, который якобы будет устроен на том свете, mazgit - мечеть, heram - недозволенность, qismat - предначертанное, mawlud - служба в память о покойнике, ķandil - кадило, mekem - место (в абстрактном значении), fana - исчезнуть бесследно, ķur'an - Коран, dawriš - дервиш, rüh - душа, paɣ ambar - пророк, du'e - молитва, elhem, tabarak, nas, jasin и т.д. - названия соответствующих фрагментов из Корана.

4.Названия предметов бытового и хозяйственного назначения: kelpuš - кирпич, kelpit - спичка, utu - утюг, tiwit - сундук, hemam - баня, muštuk - мундштук, maxmur - бархат, qab - сосуд, 'etlas - атлас, bez - бязь, xwaržinar - хурджины, xaliča - ковер для стены, derej - шелк, ipak - тонкая дорогая ткань, taxt - тахта, šuša - стекло, se'bun - мыло.

5. Названия растений и плодов: nar - гранат, baɣ - сад, baxča, bustan - огород, hežibuɣ da - кукуруза, šaftali - персик, mašmašar - абрикосы, kalam - капуста, tambaku - табак, qalpuz - арбуз, xud - слива, qalaɣ an - калган, genew - льняное и конопляное волокно, arx'ar - конопля, isiwat - перец, tutum - тютюнь, dasta - пучок табака.

6. Животноводческие названия: naxir - стадо, mirg - олень, jiruš - направление пасущегося стада, qafaz - помещение для птиц, hejwan - дикое животное, а также - лошадь, qaz - гусь, urdeg - утка, baluɣ - рыба, buɣ a - семенной бык, tarta - кобель, gitan - кошка, alqan - аркан, axta - мерин, tamɣ a - тамга, qamči - кнут, salban - недоуздок, šil'anar - уздечка, purar - седло.

7. Слова, называющие людей по социальному положению и по некоторым другим признакам: nawruzbeg- жених на свадьбе, malikla (halašuj) - уважаемый, высокий (гость), paččah - царь, wazir - визирь, elwerči - торговец, qarawaš - слуга, luķ - раб, kawxa - главное лицо в селе с судебными функциями, juzbaši - сотник, mirza - собственное имя, murid - ученый арабист, qačaɣ - вор, разбойник, tafal - вор.

8. Названия блюд, сладостей, напитков: aš - каша, čaj - чай, pilew - плов, helwa - халва, šaqar - сахар, širin, qanfit - конфеты, čaxir - вино, ereqi - водка.

9. Слова, называющие различия, связанные с полом: dišahli - женщина, diši - женского пола, erkeg - мужского пола.

10. Названия единиц измерения, измерительных приборов: seet - часы, час, sažum - полметра, maķnaț is - прибор с магнитом.

11. Названия видов оружия, а также слова, связанные с ними тематически: tufang - винтовка, gulla - пуля, barut - порох, durtma - приклад, tup - бомба, šuška - шашка, išan - мишень, jaraķ - вооружение.

12. Слова, относящиеся к теме "Жизнь" и "Смерть": ümur - жизнь, saɣ luɣ - здоровье, sakin - спокойный, ažal - смерть, mažal - возможность, žasad - тело (обычно покойника), majit - покойник, sari - носилки для покойника, kafan - саван.

13. Одежда и ее детали: šawlar - брюки, barmak - шапка, walžaɣ - легкое пальто без подкладки, berhem - рубашка, платье, kwaniš - браслет, kamarar - богато убранный пояс для женщин, žip - карман, gurdala - украшенная тесьма, которая носилась на подбородке, чтобы поддерживать quč - нижний женский головной убор; heba - накидка.

14. Музыкальные термины: surna - зурна, daldam - барабан, sureț - духовой инструмент типа флейты, muķam - мелодия me'ni - песня, band - куплет, sawt - высокие ноты, čigur - чунгур.

15. Школьная лексика: qaradežwel - таблица умножения, hisab - счет, dars - урок, tanafus - перерыв ķalam - карандаш, kitab - книга, me'elim - учитель, ilmi - наука, diwur - (средневековая) начальная школа, maktab - школа, intihen - экзамен.

16. Бытовая лексика: čardax - чердак, šafttali - задвижка двери изнутри, šahur - город, qunši - сосед, kuča - улица, paž - легкая пристройка к нижнему этажу дома, qapu - ворота.

17. Названия денежных единиц, драгоценных металлов, богатства: qizil - золото, ars - серебро, pul, axča - деньги, xirda pul - мелкие деньги, manat - рубль, 'ebasi - монета в 20 коп., šahi - 5 коп., qaradaniška - черная монетка, arzu pul (šej') - безмерное богатство.

18. Лексика делопроизводства и суда: diwan - суд, wakil - адвокат, защитник, erza - заявление, жалоба, maqala - статья,

idara - официальное помещение, qul - подпись, hikumat - государство, hequnas - вознаграждение за труд.

19. Единичные слова, относящиеся к разным темам: eraba - арба, karwan - стадо, множество, qarawul - сторож, esaul - помощник, кто следит за порядком на свадьбе, tapa - холм, tukan - магазин, qarant - столб, dust - друг, ildeš - товарищ, ašna - знакомый, aɣu - яд, darman - лекарство, kulak - ветер, turfan - ливень, sajir - прогулка, aždaha - чудище, аждаха, weled - сын, dušman - враг, qallu - ярый враг, insan - человек, buɣaz - горло, umat - родня, 'elamat, karamat - знамение, taxalis - иносказание, 'edat - адат, обычай, šari'et - шариат, tawba - самая сильная клятва, fand - хитрость, jad - незнакомый, далекий.

20. Полузнаменательные слова, относящиеся к служебным частям речи и междометиям: tek - только, единственно, изначально означает "непарный" и соотносится с žut - "парный"; hajda - айда, марш! heme, me - этот, вот; nagah - если; wa - и, amma - однако.

21.Экспрессивно-оценочная лексика, содержащая отрицательную характеристику, чаще всего нравственного плана: benzisuz - бессовестный, tatuma, buɣma - чума, sačax - чума, холера, qaraɣlu - беспардонный, kafttar - страшилище, uziqara (x'as) - почувствовать стыд, čaɣirgüz - несобранный человек, qurumsaɣ - упрямец, čabɣunči - захватчик, nettruk - чужак, bajaquš - заброшенный.

22. Слова, выражающие эмоциональное состояние: šad - радостный, dard - грусть, грустный, xažalat, dard- печаль, manšallah - хорошо!

23. Особо можно выделить существительные и их сочетания, представляющие, помимо своих основных значений, также и значения количественно-обобщающие, ср.; xalķ - *народ,* также - *много;* wilajat - *местность, область*, а также - *много;* ehli - insan - *никого,* elam- xalķ - *очень много.*

Общий обзор лексики восточных заимствований дает достаточно полное представление о том, каков ее удельный вес в агульском языке, хотя перечнем охвачены далеко не все темы. То, что подавляющее большинство их многозначно, свидетельствует о давности их проникновения. О том же говорит и факт их полного фонетического, морфологического,

синтаксического и словообразовательного освоения. Все перечисленные и подобные им лексемы составляют неотъемлемую часть основного словарного фонда. Важно и то, что почти все заимствования, о которых идет речь, отмечаются и в других лезгинских языках, и это важно в плане установления хронологии: по-видимому, они были заимствованы еще в пралезгинский период.

Как уже отмечалось, источниками заимствований для агульского служили прежде всего арабский, персидский, тюркский, афганский, при их посредстве также - греческий, санскрит, древние языки Передней Азии. Так, слово maja - костный мозг - вполне может быть возведено к санскритскому majja; durum - путь (в отвлеченном значении) - к греческому drom - площадь, путь; mirza, malik - к хазарскому; такие же слова, как suma - зурна, daldam - барабан, gitan - кошка, genew - волокно льна и конопли, 'edat - обычай и многие другие вообще сложно как-то локализовать, ибо не решен более общий вопрос о том, из каких элементов и когда складывался значительный по своему объему лексический фонд, единый для многих языков Востока. Не просто также отчетливо отграничивать заимствования арабские, персидские и тюркские: арабско-персидский элемент силен и в тюркском. Однако общие наблюдения в этом направлении могут быть сведены к следующему: а) наибольшее количество заимствований из всех языков приходится на имена существительные, причем арабско-персидские слова пополняют главным образом состав непроизводных наименований абстрактной семантики, относящихся к разным тематическим группам, в то время как тюркские заимствования обслуживают преимущественно мир конкретных предметов и представлений; б) в отличие от арабского и персидского языков, тюркский выступает источником, из которого заимствующий язык черпает также и глагольные или глаголообразующие элементы, ср. , напр.: buɣ miš (ak̦as) - задушить, mažbur (ak̦as) - вынудить, ewlelmiš (x'as) - жениться (выйти замуж), kičmiš (x'as) - умереть и т.д., иногда подобные формы берутся и из других языков, напр. перс. taškil (ak̦as) - создать, организовать, но в целом их немного; в) арабизмы функционально более ограничены: они относя-

тся главным образом к религиозно-этической и религиозно-нравственной жизни, а также к сфере образования, тяготея к наименованиям терминологического характера, семантически абстрактны; иранизмы тематически и функционально более разнообразны, они, как правило, также полисемантичны; тюркизмы тоже достаточно разнообразны тематически, хотя здесь тематика не столько духовной, сколько материально-производственной деятельности, а также быта в широком смысле слова; они более конкретны и менее разветвлены по функционально-семантическим показателям, выделяются вместе с тем по своим словообразовательным, фонотактическим, фонологическим и прочим признакам, позволяющим говорить об их генетической принадлежности; г) заимствования являются одним из важнейших источников создания синонимических рядов слов, дифференцированных функционально-семантически и функционально-стилистически, ср.: fikir aķas - подумать (результат), но fahum aķas - (по)думать (сосредоточенно), xijalar aķas - думать, будучи печальным, задуматься; req - путь, дорога, durum - дорога, направление, верность избранного пути; tarikat - путь (к богу); qesu - лицо (нейтрально), ķaliw - лицо (трафарет), benzi - лицо (обычно с отрицательной экспрессией), mač - лицо (ласкательное, обычно о детях). Как видно из примеров, члены синонимических пар не столько называют одно и то же разными по звуковому оформлению словами, сколько по-разному аттестуют некий смысловой инвариант, каждый раз выдвигая на передний план то или иное дополнительное экспрессивно-смысловое приращение. К сожалению, проблема лексической синонимии все еще остается совершенно не тронутой в дагестановедении; д) заимствованные слова получают не только системно-тематическую организованность как наименования реалий вполне определенных сфер жизни или наименования-дублеты, создающие базу функционально-стилистического назначения. Восходящие к разным источникам и характеризующиеся разной степенью фонетической, морфемно-морфологической и семантической ассимиляции, они обнаруживают принадлежность к последовательным ступеням в хронологической стратификации лексической системы языка: массовость в сочета-

нии с полнотой освоения, которыми отличаются заимствования из персидского, а также других иранских языков, свидетельствуют как о длительности, так и о глубокой древности контактов между рассматриваемыми языками. Это дает право отнести иранские заимствования к глубинному пласту иноязычной лексики в агульском языке. Тюркские заимствования образуют более поздний пласт лексем: их иноязычное обличье все еще хорошо ощутимо в фонологической и морфемной структуре, например, межслоговой сингармонизм, аффиксы - či, -li, -suz и др. Арабизмы занимают промежуточное положение между двумя упомянутыми. Отсюда ясно, что контакты агулов, как и других лезгинских народов, с тюркоязычными народами должны быть отнесены к сравнительно позднему времени. В пользу правильности такого предположения говорит и то обстоятельство, что очень многие тюркизмы моносемантичны в отличие, например, от иранизмов: более простая семантическая структура заимствованного слова, несомненно, служит подтверждением тому, что оно лишь недавно вошло в новую лексико-семантическую систему и не успело в силу этого обрасти разносторонними связями с другими словами той же темы или смежных тем.

При общем обзоре лексики агульского языка обращает на себя внимание еще один момент: значительная часть, если не большая половина, экспрессивной и экспрессивно -оценочной лексики, так называемых "ругательных" слов приходится на тюркизмы, ср.: kellagüz - дурной, čaɣ irgüz - недотепа, подслеповатый, q̣urumsaɣ - неблагодарный, q̣arni - обжора, benzisiz - бессовестный, q̣antarɣ a - беспомощно-дряхлый, q̣aç̣aɣ - вор, разбойник, falči - обманщик, ehmaḳ - дурной и др. Этот факт тоже может найти интерпретацию в качестве свидетельства, что контакты между лезгинскими и тюркоязычными народами и племенами устанавливались в относительно позднее время.

Итак, уже предварительный анализ иноязычных элементов в агульском языке дает основание утверждать, что заимствования играли и играют важную роль в обогащении его лексической системы, характеризуя тем самым и интенсив-

ность экономических, торговых, культурных связей его носителей с другими народами.

Имея в виду лексическую систему агульского языка, пути ее обогащения новыми лексемами, следует отметить и такой распространенный способ образования наглядно-изобразительных глаголов, какими являются соединения, сочетания звукоподражательного комплекса с глаголом абстрактной семантики - aḳas - делать, x'as - стать, мочь и др., ср.: q̣uc aḳas - столкнуться, q̣am aḳas - ударить, waw aḳas - позвать, ḳurṭ aḳas - проглотить, maw aḳas - мяукать, har-har aḳas - хохотать, haraj-waw aḳas - поднять тревогу и т.д. Подобные глаголы образуются свободно и на основе самых разных звукоподражательных комплексов. Что же касается существительных, восходящих к звукоподражаниям типа qiqu - кукушка, buɣ buɣ aj - шмель, то их немного. Возможность создания новых глаголов указанным путем должна быть квалифицирована как следствие аналитизма агульского глагола. В свете этого обычно встречающиеся в научной литературе утверждения, согласно которым наличие относительно большого количества звукоподражательных слов - одна из особенностей кавказских языков, нуждаются в уточнении и конкретизации с учетом реально существующего в соответствующих языках положения вещей.

Обзор некоторых тематических групп лексики. Для проникновения в лексическую систему языка с целью выявления управляющих ею закономерностей, для постижения национально обусловленной специфики отражения окружающей действительности в языке важно установить, какие предметы, явления, признаки, отношения нашли в языке свое воплощение, какова степень детализации им того, что языковой коллектив окружает[58]. Это существенно и в аспекте выявления самобытного и заимствованного в нем, а также в

---

[58]См., напр.: *Томсен В.* История языковедения до конца 19 в. М., 1938. С. 69; *Звегинцев В.А.* Теоретико-лингвистические предпосылки гипотезы Сепира-Уорфа // Новое в лингвистике. Вып. 1. М., 1960. С. 111-114; *Чесноков П.В.* Неогумбольдтианство // Философские основы зарубежных направлений в языкознании. М., 1967. С. 7-51.

том, чтобы проследить, как вообще шел процесс номинации в языке с учетом своеобразия его исторических судеб. Остановимся на следующих лексико-семантических полях.

Слова, называющие части тела человека : 1. ḳil - голова 2. č̣arar - волосы 3. Awanḳul - лоб 4. Ular - глаза 5. Uneṭ ar - брови 6. ç̣ip̣ç̣ip̣ar - ресницы 7. Ulin q̣ark - веко 8. Ulin gawhar - зрачок 9. Xüx - нос 10. Xüxun dun - ноздри 11. Xüxun ḳaw - переносица 12. Siw - рот 13. Muular - губы 14. Silewar - зубы 15. Sexwar - коренные зубы 16. Silewarin jaqar - десны 17. Mez - язык 18.Mezuran ḳaw - корень языка 19.Kamkam - подбородок 20. Muč̣urin kular - челюсть 21.Iwrar - уши 22. Qurq - горло 23. Gardan - тыловая часть шеи 24. Qurqan kulex - кадык 25. Gwažžaj - затылок 26. Qawučar - виски 27. ħanan ḳilar - плечи 28. Xilar - руки 29. Xilin ḳawar - рука от плеча до локтя 30. Xilin adar - рука от локтя до кисти 31. Qarx'il - локоть 32. bač̣ - кисть руки 33. ṭu - палец 34. ḳač̣alaj - мизинец 35. ç̣imilaj - безымянный 36. Ja'aniħṭu - средний палец 37. Ha ṭu - большой палец 38. Kerkw - ноготь 39.ṭuwun fun - подушечка пальца 40. Gap - ладонь 41. Muxur - грудь 42. Utun - спина 43. Utunin dar - спинной хребет 44. ḳet ajin ḳil - лопатка 45. Mugulin bagw - ребра 46. Fun - живот 47. Irḳw - сердце 48. Xudul - печень 49. Leḳ - легкое 50. Funiguṭ aj - почка 51. Zulez - селезенка 52. ṭumb'aħ - пузырь мочевой 53. Rud - кишка 54. Qarfun - желудок 55. Xambe fun - матка ("женский живот") 56. Funin xut - пупок 57. Aɣ - бедро 58. 'erd - наружная часть бедра 59. ḳuḳ - колено 60. ḳuḳan egw - коленная чашка 61. Lekarin adar - икры 62. tulle lek - ступня 64. 'ašw - пятка 65. Lekun ḳen - подошва ноги 66. Kamul - палец ноги 67. ḳač̣alaj kamul - мизинец ноги 68. ç̣imilaj kamul - безымянный палец ноги 69. ja'niħ kamul - средний палец 70. H'a ṭu - большой палец 71.H'a ṭuwun buguliw faje ṭu - палец рядом с большим.

Приведенный перечень не является исчерпывающим, но он дает отчетливое представление о принципах наименования частей человеческого тела в агульском. Общие выводы, вытекающие из него, можно сформулировать следующим образом: а) номинация частей тела человека детализирована и подробна (интересно отметить, что указательный палец в агульском, в отличие, например, от европейских языков, не име-

ет своего названия); б) подавляющее большинство слов, называющих основные части тела, в свою очередь состоящие из более мелких частей, односложно в форме ед.числа; б) части же тела, образующие более крупную структуру, обозначаются составными наименованиями, компоненты которых объединены вокруг партитивного отношения; г) некоторые из простых двусложных наименований по их структуре напоминают слова, образовавшиеся путем сложения основ, хотя семантика предполагаемых составляющих не всегда очевидна, ср.: awan ķul = awan (?) + ķul - доска, плоский предмет; обе части вместе обозначают лоб; q̧arfun - желудок = q̧ar(к) - оболочка + fun - живот и др.; д) в приведенном перечне совершенно нет заимствований, но в лексико-семантической группе в целом они имеются и выступают в виде членов синонимического ряда или эвфемизмов.

Слова данной группы характеризуются как прямыми, так и переносными значениями, выступают лексико-семантическими доминантами в системе языка, являются структурными компонентами пословиц, поговорок, устойчивых сравнений и других произведений народной словесности, ср.: ķil - голова, suwan ķil - вершина горы, q̧ačaɣ arin ķil - главарь разбойников; ķil duz x'eguni ružžra duz werefe - если голова правильна, то и хвост правильный; ķili dax, ružura alaķ - головой открой, хвостом закрой (т.е. не в свое дело не ввязывайся) и т.д. Количество подобных примеров легко увеличить. Однако это - тема для особого рассмотрения.

Слова, называющие дом и его части, хозяйственные строения, инвентарь и предметы быта. 1. Xal- комната 2.Xalar - дом 3.Užaɣ - жилье 4. q̧war - веранда 5. Raq - дверь 6. Qapu - ворота 7.ț agar - окно 8.ɣ ul - ниша 9. ķas - ниша в виде полочки 10. Raqan bagw - створка двери 11. šafttali задвижка двери 12. q̧apujin dar - притворный столб 13. Raqan bagwar - коробка двери 14. Raqan ulču - гнездо ворот 15. Peleken - петля 16. Kirin - металлическая пластина или цепочка для двери, ț aw - замок 18. Kirinin pul - кольцо для замка 19. žžil - пол 20. ɣ u - потолок 21. Cal - стена 22. Xal-muķ - очаг 23. Kurmaћan - дымоход 24. Taxt - тахта 25.ɣ ari - цепь-вешалка, которую подвешивали к потолку для тяжелой верхней одежды 26. Taw-

xal - гостиная 27. çar-xal - общая комната 28. Ažžettarin xal - хозяйственная комната 29. Xalaɣ - крыша 30. çaxun - брус-перекрытие для крыши 31. č̣il - тонкий брус для крыши 32. Merqurar - прутья для крыши 33. ķiwašar - вересковый полукустарник, который использовали для покрытия крыши 34. Ha'n - ограда перед домом 35. Sal - хлев 36. Muh - сарай 37. Pažž - пристройка к хлеву 38. ţun - стойло 39. ķul - телятник 40. X'ar - строение для выпечки хлеба 41. Furdex - плетенка для хозяйственных нужд 42. Jaķw - топор 43. Dahra - секач 44. ɣad - молоток 45. duraxil - пила 46. Sant - стамеска 47. Baxlux - кувалда 48. q̣eç - кусачки 49. Lende - рубанок 50. Kulung - кирка 51. Gaza - мотыга 52. ķeţa - лопата 53. Axun - матрас 54. Irɣwan - одеяло 55. ħardaqen - подушка 56. Haqul - доха 57. ķaremķal - ковер 58. Xaliča - ковер настенный 59. ţams - разновидность настенного ковра 60. Berxel - палас 61.ţawaķ - большой поднос 62. Sini - маленький поднос 63. Zerfel - сито 64. Gur - миска 65. Ttur - ложка 66. 'aj - вилка 67. ķuš - черпалка 68. Supel - глубокая ложка, досл. - ложка-усы 69. Suķra - маленькая миска 70. Bušq̣ab - блюдце 71. Zax - невысок. крынка 72. Turaqen - ящичек для ложек 73.ţugaj - большая амфора из жженой глины 74. Tars - ваза с ручками 75. Gucaj - ваза без ручек 76. činin gur - фарфоровая миска 77. Waq̣ - деревянная миска 78. Se' - мерка в 2 кг 79. H'a se' - мерка в 3 кг 80. ķwatt - мерка в 13 кг 81. Sabu - мерка в 26 кг 82. Gwar - кувшин 83. Sarinz - металлический сосуд геометрической формы с ручками 84. čiraɣ - светильник 85. Gažžin - кувшинчик для воды 86. Hejag - кастрюля 87. čajdan - чайник 88. šuša - бутылка 89. Arax - напильник 90. Haruqal - каталка 91. Heras - ножницы 92.Kanţ - нож 93. Xilirah - ручная мельница.

Тематический список слов при всей его неполноте дает достаточное представление о степени распространенности и дифференциации различных жилых и хозяйственных строений, деталей хозяйственного строительства, предметов быта, тем самым характеризуя в конечном счете образ материальной жизни народа, глубину и разветвленность хозяйственных традиций, отразившихся в языке. В частности, он свидетельствует также о том, что для носителей языка важнейшими занятиями издавна были земледелие и скотоводство.

Слова-названия домашних животных. Крупный рогатый скот - ķare malar (букв. - черный скот): 1. Hani - корова 2. Wec - вол 3. Jard - бык 4. Luç̌ - телка 5. Uţ aj - нетель или бычок, которому год 6. Urč - теленок 7. Buɣ a - бугай 8. Gamiš - буйвол.

Мелкий рогатый скот - ǯǯagwar malar (букв. - белый скот): 1. Hub - овца 2. Uķar - баран 3. çeh - коза 4. ķun - козел 5. Mudur - козленок 6. Qe1 - ягненок 7. Urg - ягненок, которому больше полугода 8. Tumber - овца (баран)-меринос 9. Ha uķar - баран, которому больше 5 лет 10. Ha ķun - козел, которому больше 5 лет 11. Sem - овца или баран до двух лет.

Тягловый скот-lixan ma1 (букв. - рабочий скот): 1. Hejwan - лошадь 2. Aɣ ur - конь 3. Xwar- кобыла 4. Axta-мерин 5. ʠaš ʠa - лошадь, которая используется только как тягловая сила, Iwra - жеребенок 7. ʠatir - мул 8. Dagi - осел 9. Aɣ ur dagi - осел-самец 10. Xambe dagi - ослица 11. Qwenčč - осленок 12. Dewa - верблюд .

Домашние птицы - xalan naxš irar: 1. Pe' - курица 2. Qeq - петух 3. Pe'elan čarqw - цыпленок 4. Qaz - гусь 5. Urdeg - утка 6. Pazi - сокол (прирученный).

Другие домашние животные: 1. Buķac - свинья 2. Gitan - кошка 3. Qurmaw - кот 4. Gitanin čarqw - котенок 5. ɣ uj - собака 6. Kač - сука 7. Tarta - кобель 8. Karçul - щенок.

Слова-названия диких животных и птиц: 1. Suwan ķun - тур (букв. горный козел) 2. Suwan wec - горный бык 3. Suwan uķar - горный баран, муфлон 4. Daran buķac - кабан 5. ǯǯejran - джейран 6. Fil - слон 7. Dewa - верблюд 8. Bagniš - медведь 9. H'ač - волк 10. Sul - лиса 11. ħar - заяц 12. ç̌irin gitan - рысь, букв. - дикая кошка 13. čaqal - шакал 14. Mirg - олень 15. ķurubil - еж 16. Aslan - лев 17. Tarlan - пантера 18 . Qaflan - тигр 19. Parlang - барс 20. Bišaxw - барсук 21. 'al - мышь 22. Herčaj - крыса 23. Bišik - летучая мышь 24. X'era'al - букв. - водяная мышь 25. La' - орел 26. Març - белый (пестрый) орел 27. ʠaǯǯir - стервятник 28. ħad - куропатка 29. ç̌irin pe' - глухарь (букв. - дикая курица 30. ç̌irin qeq - тетерев (букв. - дикий петух) 31. Ulusum - павлин 32. Buhu - сова 33. Qiqu - кукушка 34. Hudhudaj - удод 35. ç̌imç̌al - перепелка 36. Luf - голубь 37. ʠuʠu luf - горлица 38. ʠaraʠil - сорока 39. ķer

- грач 40. Qwaȟanaj - ворона 41. žžaḳw - воробей 42. Galun žžaḳw - скворец 43. X'eragüç̣ - оляпка 44. Buhu - сова 45. Arzalixan - трясогузка 46. Eḳraw - крокодил 47. Ilan - змея (ядовитая) 48. Raǯ - уж 49. Qabilaj - ящерица 50. Qabilin baw - варан 51. c̣igunin ilan - гремучая змея 52. 'awancaj - лягушка 53. q̣ark ale 'awancaj - черепаха (букв. - лягушка в панцире) 54. Turk - бурундук.

Настоящий перечень названий домашних и диких животных (и он может быть продолжен) позволяет сделать ряд предварительных выводов.

Названия домашних животных, играющих важную роль в экономической жизни общества, как и следовало ожидать, более детализированы и не описательны, что свидетельствует об исконности и давности их функционирования.

Разными структурно простыми словами естественный пол отмечен лишь у домашних животных за исключением свиней, гусей, уток, ослов и мулов. Среди диких животных он зафиксирован лишь у глухарей и тетеревов. Это важно учесть для решения ряда вопросов, а именно: во-первых, о том, какие животные из домашних играли второстепенную и третьестепенную роль в хозяйственной жизни общества; во-вторых, о давности получения соответствующими животными хозяйственного назначения: наиболее традиционны те животные, жизнь и виды которых в языке выражены наиболее разветвленно и специализированно. К таким у агулов должны быть отнесены прежде всего крупный и мелкий рогатый скот, лошадь и собака. По данному критерию вполне можно установить относительную хронологию в истории приручения и использования домашних животных (в порядке последовательности): крупный и мелкий рогатый скот (составляющие собственно хозяйства), лошадь и собака (составляющие вспомогательного хозяйства), птица и кошка.

У крупного и мелкого рогатого скота по полу разграничиваются не только взрослые особи, но и молодняк, начиная с года, когда, по-видимому, он получал хозяйственное значение (можно забить на мясо, обменять, продать и т.д.). У лошадей, собак, домашней птицы пол дифференцируется лишь у взрослых особей. У кошачьих обозначение полового различия не-

льзя считать закрепившимся, хотя и существует оппозиция, включающая в себя маркированную лексему qurmaw - *кот* и нейтральную gitan - кошка, лишенную указания на половую отнесенность. В речевой практике предпочтительнее оппозиция, состоящая из описательных сочетаний слов: qurmaw gitan - кошка-самец; x'idul gitan - кошка-самка. Примечательно, что в качестве одного из компонентов описательных структур, выступающих обозначениями пола животных, используются слова-названия пола человека и животных, ср.: xumbe dagi - ослица, из xumb(e) - "женское" + определяемое существительное; ille dagi - осел из ill(e) -"мужское" + определяемое существительное; uķar dagi - осел из uķar - баран + определяемый субстантив; и т.д.

Наименования детенышей всех диких животных не оригинальны, перифрастичны и представляют собой атрибутивные сочетания с посессивными отношениями, ср.: hačan čarqwar - волчьи детеныши, bagnišin čarqwar - медвежьи детеныши, žaķwalan čarqwar - воробьиные детеныши. Следует отметить, что точно так же передаются понятия *цыплята, котята, поросята.*

Многозначность слов, называющих домашних животных, а также то, что они являются опорными элементами многих пословиц, поговорок, образных выражений, имеют ласкательные формы, - это тоже показатель, с одной стороны, места их в лексической системе языка, а с другой - отношения носителей языка к обозначаемым ими реалиям.

Слова-наименования сельскохоаяйственных культур: 1. ķur - зерно 2. Sul - рожь 3. Eķ - пшеница 4. Sarabuɣ da - пшеница высокой кондиции 5. Culin eķ - озимая пшеница 6. X'irin eķ - яровая пшеница 7. Culin sul - озимая рожь 8. Utursul - рожь высокой кондиции 9. X'irin sul - яровая рожь 10. žžarx - ячмень 11. Me'er - голый ячмень 12. Xarar - горох 13. Baqlixarar - фасоль 14. Turt - лен. 15. Jalčax'ar - овес 16. Hežibuɣ da - кукуруза 17. Arx'ar - конопля 18. ķuţ - морковь 19. ħaj - клубень, картофель 20. Kalam - капуста 21. çiç aq - лук 22. Sarg - чеснок 23. Efna - огурец 24. Qawum - дыня 25. Qalpuz - арбуз 26. Pamidur - памидор 27. Heč - яблоко 28. žžexer - груша 29. Xud - слива, абрикос 30. Axwazanaj - персик 31. Be'li -

вишня, черешня 32. Mašmaš - абрикос 33. ṭiwiṭar - виноград 34. Tut - тутовник.

Как видно из краткого перечня, сельскохозяйственные культуры представлены достаточно полно, каждая из них обозначается отдельным словом, если не требуется конкретизации соответствующей культуры по ее приуроченности к определенному времени. Судя по степени проникновения слов, представляющих те или иные из указанных реалий, в народное творчество (пословицы, поговорки, присловья, дразнилки и пр.), наиболее традиционными следует считать такие культуры, как рожь, ячмень, голый ячмень, горох, морковь и лен.

Слова-наименования дикорастущих растений и ягод. Самые общие наблюдения над лексикой данного семантического поля показывают:

1. Наименования деревьев немногочисленны. Здесь выделяются: а) x'e ḳur - наше дерево (береза), б) ç̌ul - ива, в) marz - рябина, г) werx - осина, д) palut - дуб, е) xird - мягкий, легкий вид древесины, ж) xewun ḳur - ореховое дерево. Названия последних двух пунктов представляют не столько деревья, сколько виды древесины как хозяйственно-строительного материала.

2. Названия трав несравненно более подробны и основательны, при этом признаком для дифференциации их служит указание либо на предназначенность реалий, либо на место, где они растут, либо сходство с другими травами и т.д. , ср.: dagin žžaḳwajar - ослиная люцерна, pe'elan žžaḳwajar - куриная люцерна, žžaḳwajar - люцерна, ḳirar - осока (букв. - трава на болоте), hačan üḳer - волчьи травы, duraxilar - клевер (букв. - пилки), ražžwalajar - вьющиеся травы (типа хмеля), günajin üḳer - травы южных склонов. Перечень названий всех трав занял бы слишком много места. И приведенных примеров достаточно для того, чтобы понять примерные принципы номинации, утвердившиеся в языке. Что же касается названий цветов, то они, как правило, полностью производны от наименований соответствующих трав и представляют собой атрибутивные сочетания с посессивными отношениями.

3. Из названий ягод отметим: ɣiwɣar - брусника, marzar - рябина, barmakar - земляника - üttarar - черника, kiriker - шишки лесные, žžimilar - кизил, ziwzar - костяника.

4. Все виды грибов обозначаются одним-единственным словом palampus - гриб.

Слова, являющиеся терминами родства. Термины родства по прямой линии: 1) dad - отец, 2) bab - мать, 3) hadad - дедушка (букв. - старший отец), 4) habab - бабушка, 5) hadadan dad - прадедушка (букв. - отец старшего отца), 6) hababan bab - прабабушка, 7) hadadan dadan dad - прапрадедушка (букв. - старший отец старшего отца), 8) hababan hababan habab - прапрабабушка[59], 9) gada - сын, 10) ruš - дочь, 11) xuttul - внук, внучка (впрочем, тем же термином обозначается *племянник, племянница*).

Термины родства по боковой линии: 1) adad - дядя, 2) abab - тетя, 3) xuttul - племянник, племянница, 4) čiwxar - двоюродный брат, сестра.

Термины свойства: 1)jazna - зять, 2) sus - невеста, невестка, 3) x'ižžalbaw - теща, свекровь, 4)x'ižžaldar - тесть, свекр, 5) qawumar - сваты.

Материал показывает, что, во-первых, в терминах родства выражены не все родственные отношения: последнее звено по прямой нисходящей линии - внук; весьма слабо дифференцированы степени родства по боковой линии; во-вторых, терминология по прямой восходящей линии разработана несравненно подробнее, чем по прямой же, но нисходящей линии; в-третьих, половые различия в терминах родства представлены: а) по прямой линии - от уровня *сын-дочь* и выше; б) по боковой линии - лишь на уровне *дядя-тетя* ; следует отметить также, что понятия *дядя, тетя* передаются одними и теми же терминами независимо от того, с чьей стороны (отца или матери) они родство называют. Отмеченные факты, несомненно, имеют историко-социологический смысл, приоткрывающий в какой-то мере завесу над характером и составом традиционной семьи, которая, судя по номенклатуре и

[59]По этому принципу номинация предшествующих колен может быть продолжена.

структуре терминов родства, была, во-первых, патриархальной в том смысле, что важнейшую роль в ней играли представители старших поколений[60], и, во-вторых, однолинейной: она включала в себя родственников лишь по прямой линии; дети братьев или сестер входили в разные семьи[61]; только такое предположение дает возможность понять причину столь поверхностной разработки терминологии родства по боковой линии. Весьма примечательно и то, что понятия *внук* и *племянник* передаются одним и тем же словом xuttul, выражающим довольно неопределенную и отдаленную связь. В целом речь идет о семье, в которой поддерживается культ предков, культ старших; потомки же (проспективная линия) служат предкам, образуя, так сказать, периферию семейных устоев.

Очень интересны этимологические связи некоторых терминов родства: а) очевидна генетическая близость слов či - сестра, ču- брат со словами če - наш, uč - сам (сама)[62], так же, как это имеет место, например, в индоевропейских языках[63]; б) как будто бы прозрачна и этимологическая структура терминов adad - дядя, abab - тетя, представляющих собою производные от корней со значением *отец, мать* посредством приставки а-, встречающейся чаще всего у глаголов и выражающей сему *вниз, ниже* , ср.: diwas - тянуть; adiwas : 1) тянуть вниз, 2) утонуть, 3) утопить фитиль лампы, убавляя пламя, и т.д.; следовательно, adad и abab - это те, которые ниже, дальше отца и матери, но ближайщие после *отца* и *матери* в соответствующем колене; примечательно, что и в персидском префикс "а- передает нисхождение в направлении и (вплоть) до теперешней точки"[64]. Что это - случайное сов-

---

[60]Сказанному не противоречит тот факт, что старшие не могли жить со всеми своими детьми, составлявшими отдельные семьи: руководящая роль всегда сохранялась за старшими.

[61]Кстати, это и было одним из условий, делавших возможным, например, браки между двоюродными сестрами и братьями.

[62]См. подробнее: *Тарланов З.К.* Язык и культура. Петрозаводск, 1984. С. 51-52.

[63]См.: *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М., 1974. С. 361-364.

[64]Там же, с. 359.

падение или заимствование? Скорее всего - последнее; в) či-wxar (čuxar) - двоюродный брат (сестра)- восходит к či (ču) + xar - *рожденный от сестры (брата).*

Термины болезней . Систематизация терминов и фразеологии, связанных с болезнями, дает возможность получить какое-то представление о хозяйственном укладе и условиях жизни народа, а также о региональной географии болезней: 1.Irar - корь 2. Likar - оспа 3. Waba - холера, чума 4. Sačax - холера, чума 5. Ifular - малярия 6. Qizdirma - малярия 7. kil ɣ utas - мигрень 8. Fun ɣ utas - колики желудочные 9. Kedarka azar - понос 10. Qawular - ревматизм 11. žžin ata azar - эпилепсия 12. 'ef kerx'as - проказа (?) обычно употребляется эвфемизм 13. Irkuran ittal - болезнь сердца 14. Irkw čirxwas - разрыв сердца 15. I' rutas - свертывание крови 16. Qaraɣ lu - быстротечная заразная болезнь 17. Saraɣ lu - гепатит 18. Rudural itul alarx'as - заворот кишок 19. Safra - желчь 20. Buɣ ma - заразная быстротечная болезнь 21. Irkwar-leker čir x'as - болезнь легких 22. Irkw tah'as - отек сердца 23.Dalaɣ tah'as - отек поджелудочной железы 24. Kawk - грибковые болезни 25. kurk - парша 26. Suqur x'as - ослепнуть 27. Bušak x'as - оглохнуть 28. Kasma - конъюнктивит 29. Zur facas - закупорка мочеточника 30. Iran qawul - рожа 31. çerexwar - веснушки 32. kurk ɣ utas - ангина 33. Hemčiwur xarx'as - насморк 34. Bagur x'as - помешательство 35. Nečaɣ x'as - приболеть 36. curanin x'as - приболеть от соприкосновения с злыми духами 37. Ul x'as - сглаз 38. kili mez uqas - западание языка 39. Xut alaltarx'as - расстройство пупка (?) 40. Zulez čirxwas - разрыв печени 41. Axsaj - чирий 42. Ugalar - чесотка 43. žžindil lek alčarx'as - непонятная общая болезнь, которая связывается с деятельностью джина 44. kudratias wes - истощиться 45. Faližž x'as - парализоваться 46. Band x'as - болезнь Паркинсона 47. çal facas - паралич органов речи 48. Qühü - кашель.

Уже первое знакомство с наименованиями болезней показывает, что большинство их характеризует состояние тех или иных органов и центров организма. Отсюда следует, что в народном мировоззрении в объяснениях причин смерти господствующими должны быть признаны наивно-материалистические представления. Это подтверждается и тем, что в на-

роде широко была распространена практика лечения разных болезней травами, установлением режима питания строго определенными видами продуктов, водами из разных родников и т.д. Например, при болезнях желудка часто пользовались овечьей брынзой, медом, полынью, мятой в соответствующих сочетаниях; при болезнях легких - смесью из меда, масла, молотых семян льна, которая называлась "ивра", а также барсучьим жиром, мясом щенка; при костных заболеваниях, переломах - смесями, куда входили воск, масло и другие компоненты - "машамум"; натягивали на больного еще теплую шкуру только что забитого барана и т.д.

Судя по наименованиям болезней и их дифференциации, в народе известны были, таким образом, недуги разных типов и групп, среди которых отчетливо выделяются 1) внутренние болезни, 2) заразные 3) нервно-психические, 4) кожные: 5) болезни, вызываемые укусами вредных насекомых (а также змей), 6) болезни крови и др. Однако особо свирепыми были, по-видимому, болезни, названия которых табуированы: само упоминание их представлялось опасным. К ним относился комплекс болезней (чума, холера, проказа) , именуемый общим эвфемизмом - "свирепая". Среди болезней имеются и такие, которые приписываются воздействию таинственной или "нечистой" силы, дурного глаза, злых духов и т.д. Против них пускались в ход талисманы, обращения к именам святых и памятникам им, к различным магическим действиям, переименование больного, если речь шла о детях. Однако это уже особая область народной жизни, требующая самостоятельного рассмотрения, как и все, что связано с народной медициной.

Глава пятая

ИМЕННЫЕ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ КЛАССЫ СЛОВ

Имя существительное. Имена существительные в агульском языке отчетливо распадаются прежде всего на две большие группы, противопоставленные друг другу по ряду семантических и формально-грамматических признаков: 1) собственно существительные и 2) существительные, производные от глаголов и прилагательных. Среди последних особенно интересны и многочисленны отглагольные, так называемые масдарные существительные. Семантически имена второй группы характеризуются тем, что они обозначают не конкретные предметы и явления, а действия и признаки, представляемые в отвлечении от их носителей. Образуются они при помощи специальных суффиксов: а) суффикса -w, присоединяемого к перфектной основе (без суффикса прошедшего времени -n-) теоретически любого глагола, ср.: aḳas - делать - aḳuni - aḳuw, pas - сказать- puni - puw, wes - идти - ušuni - ušuw, likes - писать - liḳini,liḳiw, axas - спать - axuni,axuw; б) суффикса -wal, присоединяемого к основам прилагательных (iref - красный - irewal - краснота , ḳaref - черный - ḳarewal, 'asef - старый - 'asewal), причастий (ušuf- ушедший - ušuwal - уход, 'uṭuf - съевший - uṭu'wal -еда), а также конкретных существительных для перевода их в разряд абстрактных: insan - человек - insanwal - человечность, šiniqw - ребенок - šinikwal -.ребячество, dust - друг - dustwal - дружба. В целом суффикс -wal выступает наиболе универсальным средством образования абстрактных существительных. Следует заметить, что масдарные формы - это не просто отвлеченные су-

ществительные, они, функционируя в высказывании, участвуют в создании и корректировке модальной направленности синтаксической структуры.

Важнейшими грамматическими категориями имен существительных являются категории числа и падежа.

Категория числа. В агульском языке - два числа: единственное и множественное. По числам изменяются все существительные независимо от их принадлежности к тем или иным лексико-грамматическим разрядам: kitab - книга - kitabar -книги, ḳuṭ - морковь - ḳuṭar, nis - сыр - nisar, mutal - творог - mutalar, qel - ягненок - qelar, zaw - небо - zawar, neq - молоко - neqar, sadwal - единство - sadwalar.

Каждое из соотносительных чисел имеет свою основу. Основа мн. числа образуется на базе основы ед. числа при помощи суффикса -ar, если последняя оканчивается на согласный, и суффикса -bur (-mur, -jar), если она оканчивается на гласный, ср.: heč - яблоко - hečar, luf - голубь - lufar, gada - сын - gadawur.

Отклонений от этого общего правила образования форм числа немного. Сюда относятся 1) слова, оканчивающиеся на звук [w], которому предшествует фонема [i]; в этом случае конечный [w], утраченный в именительном падеже рядом говоров на основе действующих фонетических законов, восстанавливается при склонении в ед. числе, а также при образовании форм мн. числа, напр.: su(w) - гора - suwal - на горе, ṭu(b) - палец - ṭubar; 2) строго ограниченная группа слов, образующих основу мн. числа путем удвоения суффикса мн. числа, что объясняется, по-видимому, двоякого рода причинами: удобством произношения и необходимостью избежать случайной омонимии, ср.: kuč - коса -kučarar - косы; pud - грива - pudarar. Иногда формы числа, образованные таким способом, имеют тенденцию выделиться в самостоятельные слова: neḳw - могила - neḳwar - могилы - neḳwarar - кладбище; ṭaw - замок - ṭawar - замки - ṭawarar - капкан; 3) некоторые слова образуют форму мн. числа супплетивно: x'ir - жена, женщина - xumbar - женщины; eremi - мужчина - ilar. Поскольку мн. число образует практически каждое существительное независимо от его семантической и тематической принадлежности,

то сами формы мн. числа нередко различаются по содержанию: многие из них представляют значение неопределенного количества, например у слов вещественных.

Категория падежа. Падежная система агульского языка, как и других кавказских языков, характеризуется наличием двух групп падежей: так называемых общих, или "чистых" падежей и противопоставленных им местных падежей. "Чистых" падежей - пять: именительный, эргативный (активный), родительный, дательный и творительный (орудийный). Именительный падеж имеет нулевой аффикс, на его основе образуется эргативный (активный) падеж, оформляемый посредством одного из следующих аффиксов: -a, -u, -i, ji, -di и др.[65] Все остальные падежи образуются на базе эргативного с помощью соответствующих формантов: им. sul - лиса,эрг. sula, род. sula-n, дат. sula-s, оруд. sula-ldi. Среди этих падежей особый интерес представляет эргативный, располагающий значительным количеством вариантных форм (до 10). Объясняя это многообразие, исследователи высказывают разные предположения. В частности, отдельные из формативов эргатива возводятся к древнейшим классным показателям[66], хотя и делается это без должной доказательности. Не исключая возможности сохранения в формах эргатива рефлексов некоторых древнейших классных показателей, отметим, что важнейшую роль в его истории играют все же процессы, вызываемые к жизни морфологической аналогией или же морфологическим отталкиванием, ср: č̣id - блоха - č̣idura вместо ожидаемого č̣idu; la' - орел - la'ura вместо la'u; par' - лопух - par'ura; čarqw - детеныш - čarqu и čarqura и под., где -ra можно считать результатом выравнивания основ ед. числа по образцу основ мн. числа. Что дело обстояло именно так, подтверждается, впрочем, и фактом различного оформления одних и тех же слов в разных говорах, являющегося неизбежным при разнонаправленности происходивших в них морфо-

---

[65]*Шаумян Р.* Грамматический очерк агульского языка. М.; Л., 1941. С. 32; *Магометов А.А.* Агульский язык. Тбилиси, 1970. С. 72.

[66]*Ханмагомедов Б.* К истории образования эргатива в языках восточнолезгинской подгруппы // Уч. зап. ИЯЛ. Т. 4. Махачкала, 1958.

логических процессов. Необходимо обратить внимание и на то, что многие слова располагают параллельными формами эргатива, ср.: murž - слепень - muržu и muržura; то же у слов ružž - хвост, duč - вязанка и мн. др. Во всех подобных случаях основа с -ra хронологически вторична.

Генитивные и дативные формы образуются соответственно при помощи суффиксов -n и -s, а инструментальный генетически восходит к местному (направительному падежу на -l, в современном языке характеризуется аффиксом -ldi)[67]. Схематически деривационные связи между "общими" падежами выглядят следующим образом:

Им. ḳurubil - еж > Эрг. ḳurubil-di > ḳurubil - di-n - род., ḳurubil-di-s - дат., ḳurubil-di-ldi - инстр.

Насколько оправдано связывать инструментальный падеж непосредственно с эргативным, минуя эссив на -l? Однако, если встать на точку зрения синхронного описания, о чем идет речь в данном случае, сомнения должны быть признаны безосновательными: инструментальный лишь этимологически связан с эссивным, в современном же языке функционально-семантически он не выходит за пределы "общих" падежей, и это приводит к переориентации его былых деривационных отношений.

Наиболее общие функции "чистых" падежей можно представить так: 1) именительный падеж служит для обозначения а) подлежащего при непереходном глаголе; б) прямого дополнения при переходном глаголе; в) адресата речи (обращения); 2) эргативный падеж оформляет активно действующее подлежащее предложения: ḳurubildi ilan facunaj - еж поймал змею; 3) генитив выражает отношения а) посессивности: me dadan tufang e - это ружье отца; б) партитивности: šaqarin ḳut - кусок сахару; на базе посессивности формируется как вторичное отношение партитивности; 4) дательный падеж обозначает предмет, для которого предназначается глагольное действие или то, что выражается глагольной группой (глагол

---

[67] *Тарланов З.К.* К вопросу об изоморфизме глагольно-именных формантов в дагестанских языках // Вопросы языкознания. 1980. № 3. С. 76.

+ прямое доп.); 5) инструментальный (орудийный) падеж обозначает предмет, с помощью которого совершается действие глагола: durucildi izan akas - пахать плугом; ket ajildi üx' alaxas - сбрасывать снег лопатой.

Это прямые, первичные, исконные значения "общих" падежей. Их можно назвать собственно морфологическими значениями этих падежей. Но значения всех падежей не исчерпываются отмеченными. Речь идет прежде всего о дательном и инструментальном падежах, каждый из которых актуализирует и ряд других отношений. Так, дат. часто реализует отношение, близкое к причинному или целевому: ge emalis xarucari a - он собирается хитрить. Инструментальный падеж сверх отмеченного представляет также а) отношение времени: me Isufaldi x'e kar e - это случилось при Юсуфе; б) отношение причины: me kar Isufaldi x'unaj - это случилось по вине Юсуфа; в) отношение образа, способа действия: ešqunildi lixas - работать с желанием.

Вторичные значения "общих" падежей являются более абстрактными, они скорее относятся к сфере обстоятельственных отношений, чем к сфере объектных, поэтому выражающие их падежные формы не столько сохраняют прежнюю, чисто падежную зависимость от глаголов, сколько трансформируются в обстоятельственные детерминанты, тем самым открывая путь в конечном счете к их адвербиализации. Адвербиализация означает нейтрализацию собственно падежных значений.

В связи с незыблемостью именно такого развития падежных значений (это подтверждается как историческими, так и типологическими данными) нельзя не коснуться некоторых новейших попыток уточнить понятие "падеж" и методику его формулирования и описания. Ч.Филлмор, вознамерившись отрешиться от традиционных представлений о падеже как морфологической категории, пишет: "... под термином *падеж* понимается глубинное синтактико-семантическое отношение, а под термином *падежная форма* - выражение падежного отношения в конкретном языке, безразлично, используется ли для этого аффиксация, супплетивность, добавление энклитических или проклитических частиц или ограни-

чения на порядок слов"[68]. Столь широкое толкование падежных отношений и форм вырастает у Ч.Филлмора на основании того, что "предложение в своей глубинной основе трактуется как состоящее из глагола и одной или более именных групп, каждая из которых связана с глаголом с определенным падежным отношением"[69]. Это в свою очередь вытекает из того, что "в базовой структуре предложений усматривается нечто, что можно назвать "пропозицией", - набор отношений между глаголами и именами (или придаточными предложениями, если таковые имеются), без информации о времени, отделяемой от того, что можно назвать составляющей "модальность"[70]. Совершенно очевидно, что при таком подходе не остается ничего от того, что принято называть категорией падежа. Подчеркивание роли синтаксиса в речевом общении и выдвижение его в центр лингвистических исследований (концепция, сама по себе не новая в языкознании) оказываются не только декларативными, но и лишенными всяческого практического смысла: подлинно синтаксический взгляд на анализ и рассмотрение языковых феноменов заключается не в уравнивании их характеристик на лексическом, морфологическом, деривационном и синтаксическом уровнях, якобы в одинаковой мере служащих для реализации глубинных семантико-синтаксических отношений, а в том, чтобы не упускать из виду сложную отнесенность их к разным языковым уровням, составляющим единую этнокультурную и историческую систему. Не лишенное смысла предположение о том, что логическая структура всех языков идентична, не разъясняет главного: на чем же зиждется практически более чем очевидная специфика разных национальных языков? Если все собственно языковое в языке относится к поверхностной его структуре, то насколько велика необходимость в поисках глубинных структур? Допустим, что падежная форма - это один из способов реализации глубинного падежного отноше-

---

[68]*Филлмор Ч.* Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10. М., 1981. С. 399-400.

[69]Там же, с. 403.

[70]Там же.

ния наряду с такими способами, как аффиксация, супплетивность, добавление различного рода частиц и т.д. Что же такое тогда падеж? И сколько падежей в том или ином конкретном языке? Ч.Филлмор и не ставил таких вопросов, за что совершенно справедливо подвергался критике. Не случайно во второй работе на ту же тему он делает следующее признание: "... однако в конечном счете я не смогу предложить удовлетворительного решения этой проблемы"[71].

Как бы трудно ни было предложить такое определение падежа, которое было бы приемлемо для всех, едва ли следует прибегнуть к отказу от квалификации падежа как морфологической категории с ясно очерченными функционально-семантическими и формально-грамматическими параметрами. В пользу этого говорит не только опыт языкознания, но и реальная жизнь огромного количества самых разных языков.

Местные падежи. Среди местных падежей выделяются собственно местные (эссивные) и направительные (аблативные). Тех и других по восемь серий. Все они представлены в современном состоянии языка. Эссивы образуются на базе эргатива при помощи соответствующих падежных формантов: -f(-w), -h, -x, - -k', -l, -' (эмфаза), -h, -q: эрг. xala - дом > xalaw, xalah, xalax, xalak', xalal, xala', xala, xalaq.

Падежным аффиксам каждого из эссивов соответствуют в звуковом и семантическом отношении тождественные с ними глагольные префиксы, ср.: xalah hačajax - подойди к дому спереди; xalaw(f) fačawas - зайти за дом (сбоку); и т.д.[72]. Аблативы образуются на базе эссивов при помощи одного и того же падежного форманта -as(-es): эрг. xala > эсс. xalaw > абл. xalawas - сбоку дома. Аблативы проще не только формально, но и семантически. Они находятся на пути движения к наречным образованиям, чему способствуют тип их оформления и семантика[73], явно напоминающие соответствующие наречия.

---

[71]Там же, с. 403.

[72]Там же, с. 496.

[73]Подробнее см.: *Тарланов З.К.* К вопросу об изоморфизме глагольно-именных формантов в дагестанских языках.

Что же касается эссивов, то у них тоже достаточно отчетливо обозначена тенденция к количественному сокращению, действующая одновременно с тенденцией к семантическому усложнению некоторых из них. При этом, естественно, происходит нейтрализация детализированных местных значений в пользу общих, а затем собственно местные значения обрастают также другими обстоятельственными и необстоятельственными значениями, реализующимися в сочетании с глаголами, лишенными изоморфных с падежными формантами приставок, ср.: ne'natixas maruca, barkallajixas ruc - живи не ради позора, а ради славы. Соединяясь с глаголами общего значения, т.е. с такими, которые не имеют приставок локальной семантики, местные падежи реализуют объектное значение, ср.: šiniqwar xalaxas xattajinaj - дети вышли из-за дома; čin šininiqwarixas ɣ urɣ ari a - мы говорим о детях. Отсюда очевидно, что между так называемыми "чистыми" и местными падежами нет непроходимой границы. Но семантически и функционально более разнообразны местные падежи, исследование истории которых в силу этого важно для уяснения основных процессов, связанных с перестройкой именной морфологии языка.

Образование имен существительных. Одной из особенностей горских иберийско-кавказских языков считается бедность словообразовательной системы[74]. Это относится и к агульскому языку, именное словообразование которого представлено немногочисленными средствами.

Словообразование отвлеченных существительных происходит суффиксальным способом от основ прилагательных, причастий, глаголов, а также самих существительных посредством двух суффиксов: а) суффикса -wal (-wel) - от основ прилагательных (žagwarf - белый - žagwarwal - белизна), причастий (xuruf - ученый - xuruwal - учение), существительных (dust - друг - dustwal - дружба), глаголов pas - сказать - piwal - сказанность, aɣ ari a (наст. вр.) - aɣ awal - сказываемость); б) суффикса -w - от основ глаголов совершенного вида прошедшего времени (масдарные формы): (pas - сказать

[74]См.: *Магометов А.А.* Агульский язык, с. 88.

- puni - сказал - puw - сказание (найти аналог этому значению в русском языке чрезвычайно трудно). Именные основы могут быть образованы от одних и тех же глаголов при помощи обоих суффиксов: ik̦was - сидеть - ik̦unaj - сел - ik̦uwal, ik̦uw - сидение. Однако параллельные производные не дублируют друг друга функционально-семантически: масдарные формы сохраняют семантическую конкретность производящей основы, в то время как дериваты -wal семантически абстрактны и представляют действия и признаки как "опредмеченные" состояния. Кроме того, последние формы осознаются как хронологически расширенные, ориентированные на длительность, а первые- как локализованные во времени, хронологически непротяженные.

Что касается отсубстантивных абстрактных существительных, то они могут быть образованы практически от всех основ, являющихся наименованиями видов деятельности, лиц по родству, по характерным признакам и т.д., ср.: gawan - пастух - gawanwal - пастушничание, q̦arawaš - слуга - q̦arawaš-wal - прислужничание, me'lim - учитель - me'limwal - учительствование. Инвариантная сема всех подобных слов может быть обозначена как "деятельность".

Образование существительных со значением лица происходит:

а) по роду деятельности или характерному признаку: при помощи суффикса -xan: hawaxan - чабан , určarixan - пастух (телят), ħarčaxan - охотник; при помощи суффикса -či: q̦ulluɣ či - служащий, furɣ unči - извозчик, q̦alajči - лудильщик, fitnači - сутяга, falči - гадальщик; при помощи суффикса -kar: zulumkar - притеснитель, непоседа, de'wikar - скандалист; при помощи суффикса -dar, выделяемого, как и kar, обычно в составе заимствованных слов: zamindar - кто берет поручительство, zai'fdar - дистрофик, emaldar - хитрец; при помощи суффикса -ban, пришедшего, по-видимому, из лезгинского языка: naxirban - пастух, kučaban - болтающийся по улицам;

б) по каким-либо характерным внешним признакам человека; дериваты сопровождаются обычно отрицательной экспрессией: 'arțw-ač - тряпичник, p̦ar-ač- грязнуля, k̦ump-ač - щекастый, xel-ač - капризный;

в) по недостающему качеству и признаку; обычно такие слова выступают в предикативной функции: benzisuz, lamussuz - бессовестный, hijasuz - невоспитанный, нахальный, ittwalsuz - бесстыдный, kefsuz - больной, нездоровый, eķulsuz - неумный;

г) по характерному, доминирующему признаку названия лиц при помощи суффикса -lu, заимствованного из тюркских языков: barakallu - благовоспитанный, eķullu - умный, умница; ķudratlu - сильный;

д) посредством суффикса -ħan: hur - село - huriħan - праздношатающийся, sal - сарай - salahan - домохозяйка (по уходу за скотом); суффикса -reķ: ešas - плакать - ešreķ - плакса, хаttiķes - красть - xattriķ - вор; суффикса -aţ: ul - глаз - ulaţ - глазастый, xüx - нос - xüxet- курносый; суффикса -aj: ħarucas - шататься - ħarucaj - шатун, ср. также šebetaj - неряха, jarγ idaj - верзила; суффикса -attaj: raqas - нищенствовать - raqattaj - нищий; суффикса -xur: fun- живот - funxur - обжора; суффикса -at: qančč - клык - qanččat - клыкастый, зубастый, xux - храп - xuxat - храпун; суффикса -iţ: qarg- обветшалая шкурка - qargiţ - оборванец; суффикса -ič: xart - грубая, необработанная шерсть - xartič - неряха;

е) по принадлежности к определенному месту жительства и национальности с помощью компонентов -šuj, -x'ir, этимологически восходящим к субстантивам šuj - мужчина, x'ir - женщина, но в функции словообразовательных элементов утратившим свои былые значения в составе производных основ, ср.: aγ ulšuj - агулец , awarx'ir- аварка, jarkašuj- яркинец, лезгин и др.

Образование неличных существительных. Арсенал аффиксальных элементов, служащих для образования неличных существительных, не отличается большим разнообразием. Наиболее характерными здесь являются: а) суффикс -qen, присоединяемый к основам конкретных существительных для образования новых слов со значением "свалка, хранилище", подставка: furd - навоз - furdiqen - свалка для навоза, мусора; ķel - соль - ķelaqen - солонка, ttur - ложка - tturaqen - ящичек для ложек; б) -xana, суффикс заимствованный из тюркских языков и образующий наименования помещений для

чего-либо: dafttarxana - библиотека , čajxana - чайная, hežžat-xana - туалет; в) -ħan производит слова со значением того,что накладывается или навешивается спереди: muxur - грудь - muxurihan - фартук; г) -wul участвует в составе слов со значением того, что надевается на что-нибудь: ṭu - палец - ṭa-wul - кольцо; д) -xan создает слова со значением того, что подвешивается, привязывается, присоединяется к чему-либо сзади или сбоку: iwur - ухо - iwurixan - серьга; е) -ħan используется для создания слов со значением того,что располагается между чем-либо: ḳarčar - рога - ḳarčariħan - веревка, которая накидывается на рога впряженных волов; ж) ср. также производные с суффиксами -ex (furd - навоз - furdex - плетенка для переноски навоза), -aj (furulaj, širipaj - волчки) и др.

В принципе аналогично образуются и географические названия.

Заключая краткий обзор образования существительных, следует заметить: 1) наиболее типично словообразование трех групп наименований: а) личных, б) абстрактных, в) конкретных, обозначающих бытовые реалии; 2) строго регулярно и продуктивно образование абстрактных слов: практически они производятся от всех наименований одушевленных апеллятивов независимо от того, относятся ли они к классу людей или животных, а также от всех глаголов и прилагательных, которые способны сочетаться с этими словами; что же касается слов двух других групп, то они, обладая сравнительно обширным составом суффиксов, тем не менее не характеризуются развернутыми и продуктивными словообразовательными связями: в каждой из них выделяется значительное количество дробных микрополей со своими суффиксальными элементами; в целом роль собственно словообразования в агульском языке, как и в других лезгинских языках, незначительна по сравнению с синтаксическими способами выражения соответствующих значений и отношений, которые являются определяющими; 3) сами словообразовательные элементы также неодинаковы по происхождению и сочетательным возможностям, наиболее характерны среди них: а) суффиксы, заимствованные из тюркских (-či, -lu, -suz и др.), иранских (-dar, -kar), лезгинских (-ban) языков; б)автох-

тонные словообразовательные аффиксы, происхождение которых трудно установить (-ač, -ič, -ik̦, -uw); в) автохтонные же словообразовательные элементы, которые изоморфны соответствующим аффиксам локативов: -qen, -han, -wul, -xan, -ħan; их этимология может быть представлена так: аффикс локатива + глагольная бытийная форма а (е) с консонантным исходом (им. п. ttur - ложка > эсс. tturaq - под ложкой + глагольная связка an (en) = tturaqen - ящик для ложек. Отсюда ясно, что глагольные приставки с локативным значением, аффиксы локативов и суффиксы существительных с несомненными следами локативной семантики генетически восходят к одному и тому же источнику и находятся между собой в отношении изоморфизма. Подтверждением является и то обстоятельство, что и локативные падежи, и соответствующим образом оформленные производные существительные совершенно идентично сочетаются с глаголами, включающими в себя локативные приставки, ср.: xalax xačawas - зайти за дом, iwurixan xiț - надень серьгу; muxurihan hix' - надень фартук. Этот факт имеет важное значение для осмысления основополагающих процессов исторической морфологии и словообразования не только агульского и лезгинских языков, но дагестанских языков в целом.

Имя прилагательное. Прилагательные обозначают признаки и качества предметов, выполняя атрибутивную функцию по отношению к существительным: ire tuk - красный цветок, hawa xal - высокий дом, ižže insan - хороший человек. Нередко они выступают также и в предикативной функции, реализуемой лишь в постпозиции относительно определяемого, ср.: ire tuk - красный цветок - tuk iref e - цветок красный и др. Атрибутивная и предикативная функции прилагательного отчетливо противопоставлены и в том отношении,что только в рамках этой оппозиции проявляется его свойство согласоваться с существительным в числе, ср.: ižže insan - хороший человек - ižže insanar - хорошие люди; te insan ižžef e - тот человек хороший, te insanar ižžettar e - те люди хорошие.

Морфологическим показателем прилагательных в изолированном виде и в предикативной функции в большинстве го-

воров служит в ед. ч. -f (ižžef - хороший), во мн. ч.-tt (ižže-ttar - хорошие), в отдельных говорах, преимущественно в кошанских, аффиксом адъективности выступают форманты -d, -r и др.[75]. Несколько особо стоит дуруштульский говор[76], в котором при образовании формы мн. ч. -f не замещается -tt, а оба компонента соседствуют по принципу агглютинации: ižžef - хороший - ižžefttar - хорошие; te ižžef i - тот хороший - tewur ižžefttar i - те хорошие.

Происхождение морфологических показателей прилагательных, как и всех согласующихся в числе слов, обычно связывают с остатками некогда существовавшей четырехчленной системы грамматических классов[77], хотя при этом не снимается вопрос о том, как и когда, в какой последовательности протекал процесс распада грамматических классов. Группы слов, которые гипотетически объединяются между собой на основе чисто фонетического тождества или сходства их в каких-то частях, достаточно случайны и не охватывают всю лексическую систему языка. Если согласиться с тем, что в агульском языке когда-то выделялись, как предполагают, четыре грамматических класса, каждый из которых характеризовался своими классными показателями, тогда следовало бы ожидать отражения классных различий и в тех вопросительных словах, которые ставятся к соответствующим существительным и прилагательным. Но в вопросах указанные различия не фиксированы, ср.: fiš? - кто? fi? - что? fiš-ttin? - какой? и под. Более того, возведение формантов прилагательных к бывшим классным показателям неизбежно ведет к заключению, что оформление прилагательного как части речи и распад грамматических классов - это процессы, связанные между собой причинно-следственными отношениями. Однако в действительности едва ли так обстояло дело: нет языковых данных, которые свидетельствовали бы о существовании историко-хронологической и логической связи меж-

[75]См.: Там же, с. 93.

[76]Носители его переселились в Дербентский район.

[77]*Шаумян Р.* Грамматический очерк агульского языка, с. 47; *Магометов А.А.* Агульский язык, с. 44-69.

ду этими процессами. Это заставляет искать иные объяснения эволюции формантов прилагательных, одним из которых может быть следующее.

Для разгадки тайны происхождения формантов прилагательных в агульском языке необходимо иметь в виду, с одной стороны, конструкции типа me ķare e - это чернее и me ķaref e - это черное с разделяющими их тонкими семантическими различиями, благодаря которым они состоят между собой в отношении дополнительной дистрибуции, с другой - вопросительные местоимения, начинающиеся тем же звуком, каким оканчивается прилагательное, ср.: te ķaref fi e? - что там за черное? te ķarettar fur (fippur) e? - что там за черные?

При семантическом сопоставлении конструкций типа me ķare e и me ķaref e выявляется, что в них предикаты обозначают признаки (это объединяет их), но во второй конструкции признак обозначается безотносительно, в то время как в первой тот же признак характеризуется как проявляющийся интенсивно, т.е. дается сравнительная оценка. С другой стороны, признак, реализуемый в первой конструкции, является более общим, грамматически не специализированным, в силу этого менее определенным, чем тот же признак во второй конструкции. Естественно, что формы с -f и его эквивалентами исторически вторичны. Возникли они скорее всего в результате аттракции, т.е. выравнивания конца предшествующего слова с началом последующего - явление достаточно распространенное в агульском языке (ср., напр., аффиксы местных падежей и соответствующие им локативные приставки глаголов. Дело в том, что непосредственно за общим атрибутивным словом могло следовать неопределенное или вопросительное местоимение fi, ср.: zis qane... fi tin - мне нужное нечто дай; me qane fi e? кто его (ее) любит?; was qane fi ašin up - если что тебе нужно, скажи. Отсюда qane fi (fiš) > qanef fi (fiš), и это сопровождалось также соответствующими семантическими трансформациями атрибутивных слов. В некоторых говорах в качестве основы для выравнивания выступает не вопросительное или неопределенное местоимение, а указательное местоимение 3-го лица на -t: wi biçi ti adini > wi biçit adini - твой маленький пришел. Аналогично обстояло де-

ло и во мн. ч.: biçi + te (ti) + ar = biçittar - маленькие. Исключение составляет, как уже отмечалось, дуруштульский говор, в котором форма мн. ч. базируется на форме ед. ч. по принципу агглютинации: biçif - маленький - biçifttar - маленькие.

Аффиксальное оформление прилагательного в лезгинских языках происходило, по всей вероятности, после распада общелезгинского праязыка, о чем свидетельствует само разнообразие соответствующих аффиксов этого класса слов в каждом отдельном языке. Этимология этих аффиксов остается одной из самых загадочных проблем исторической морфологии лезгинских языков. Обычно встречающиеся указания на то, что они представляют собой рудименты классных экспонентов, не проясняют дело, а наоборот, порождают новые вопросы.

В атрибутивных сочетаниях, как и вообще в сочетаниях с существительными, прилагательные не склоняются. Однако субстантивируясь, они изменяются по падежам, причем склоняются так же, как и существительные, на основе эргатива, получая те же окончания в соответствующих падежах, что и существительные. Примечательно при этом то, что во всех падежах, начиная с эргативного, выступает та основа существительного, которая образует формы мн. ч., ср.: им. -arçef - пестрый, эрг. - arčetti, род. - arčettin, дат.- arčettis, инстр.- arčettildi. Этот факт можно интерпретировать как проявление тенденции к выравниванию основ, которая, кстати, более последовательно реализована, например, в собственно лезгинском языке.

Имя числительное. В имеющихся исследованиях по агульскому языку числительные описаны сравнительно подробно, хотя иногда границы между числительными и другими классами слов (например, наречиями) оказываются очерченными весьма условно. Это избавляет от необходимости подробного перечня всех их групп с комментариями к различиям во внешне-звуковом оформлении по говорам. Ограничимся самыми общими замечаниями о структуре и тенденциях в историческом развитии числительных в агульском языке по

данным его говоров, а также на основании фактов других лезгинских языков.

Среди числительных выделяются следующие основные группы (или разряды): 1) количественные, 2) порядковые, 3) дробные. В качестве разрядов числительных называют также распределительные слова типа sa-satti, x'i-x'ibutti и др., собирательные(x'ibudara, jaḳudara), кратные (sagelan, x'ibugelan и пр.)[78]. Однако причислять подобные слова к особым разрядам числительных нет достаточных оснований: лексемы с распределительным значением должны быть отнесены скорее к наречиям, поскольку, во-первых, они в речи синтаксически связаны с глаголами, отвечая на вопрос как?, во-вторых, не склоняются и, в-третьих, не сочетаются с конкретными существительными; слова типа x'ibudara - это не особая группа числительных, а те же количественные числительные, которые соединены усилительно-обобщающей частицей со значением *и, все;* характерно то, что они также не склоняются, а существующие в языке формы jaḳudari, jaḳudarin, jaḳudaris соотносятся не с рассматриваемыми словами, а с формами мн.ч. количественных числительных. Что же касается последней из упомянутых групп слов, то она также далека от числительных по их формально-грамматическим признакам.

Количественные числительные. Наименования чисел от 1 до 10, а также 20, 100, 1000 составляют подгруппу простых количественных числительных (sad, 'ad, x'ibud, jaḳud, ifad, jarx'id, jarid, mujad, jarč̣ud, ic̣ud, q̣ad, werš, aɣzur). Числительные от 11 до 19, от 30 до 90 производны, причем в названиях чисел до 19, представляющих собой результат сложения наименований десятка и единиц, названия единиц постпозитивны (c̣esad, c̣e'ad), в названиях же чисел начиная с третьего десятка (в тех говорах, в которых наряду с простым существует и составное название 30) наименования единиц предшествуют наименованиям десятков, ср.: x'ibc̣ur - тридцать, majc̣ur - восемьдесят и т.д. Остальные числительные относятся к составным и представляют собой соединения наименований чисел разных разрядов с помощью сочини-

[78]*Магометов А.А.* Агульский язык, с. 100-101.

тельного союза na, сливающегося с предшествующим словом, ср.: aʏ zurna jirč̣u weršna x'ibc̣urna jarx'id - тысяча девятьсот тридцать шесть, x'ibu weršna q̣anna sad - триста двадцать один.

Система исчисления в агульском языке - десятеричная, хотя во многих говорах достаточно распространена и двадцатиричная. Примечательно,что счет по двадцатиричной системе в большинстве говоров начинается лишь с 60-ти: x'ibuqad - шестьдесят, x'ibu q̣anna ic̣ud - семьдесят, jak̇u q̣ad - восемьдесят. Двадцатиричный счет совершенно не известен буркиханскому говору. Можно с достаточной уверенностью предположить, что двадцатиричная система стала осваиваться агулами позже под влиянием каких-то иных культур. Название *двадцать*, не укладывающееся в рамки десятеричной системы, скорее всего тоже было заимствовано, но произошло это, по-видимому, очень давно, еще тогда, когда племена, давшие народности лезгинской группы, по всей вероятности, принадлежали к одной и той же этнической общности. Оно представляет собой праязыковой рудимент, что подтверждается сохранением его и другими современными лезгинскими языками, например собственно лезгинским, табасаранским и др. Неясна этимология и числительных werš - сто и aʏ zur - тысяча.

Порядковые числительные образуются от количественных при помощи порядкового слова pif (pef), этимологически представляющего собой причастную форму глагола pas - *сказать, назвать* и обозначающего *названный* Поэтому порядковые числительные x'ibud pif, ifad pif, q̣anna sad pif соответственно значат *названный третьим, пятым, двадцать первым.* Как видно из примеров, порядковое слово присоединяется постпозитивно, следовательно, образуя порядковые числительные от составных количественных, оно примыкает лишь к последнему из их компонентов. Совершенно аналогично обстоит дело и в других восточнолезгинских языках.

Правила сочетания порядковых числительных с существительными те же, что и правила сочетания прилагательных с существительными.

Употребляясь в позиции существительного, и количественные, и порядковые числительные изменяются по падежам

по правилам склонения существительных. У порядковых числительных склоняется лишь порядковое слово, а количественная часть остается без изменений, ср.: им. iç̣ud - десять, iç̣ud pif - десятый, эрг. iç̣uji, iç̣ud pitti; род. iç̣ujin, iç̣ud pittin; дат.- iç̣ujis, iç̣ud pittis; инстр. iç̣ujildi, iç̣ud pittildi.

Дробные числительные стоят несколько особо. Обозначая те или иные части каких-то целых чисел, они представляют собою сочетания слов, состоящие из форм косвенных падежей количественных числительных и "прямого" падежа числа, соответствующего числителю дроби, ср.: jaḳujikes (subablativus) sa paj - одна четвертая, jaḳujikes x'ibu paj - три четверти.

По правилам сочетания с существительными и склонения дробные числительные не отличаются от двух других разрядов этого класса слов.

Местоимения: Местоимения делятся на следующие разряды: 1)личные, 2) лично-указательные, 3) притяжательные, 4) возвратные, 5) вопросительные, 6) отрицательные, 7) определительные, 8) неопределенные, 9) указательно-локативные.

Личные местоимения. Для указания на лицо говорящее во всех говорах агульского языка служит местоимение 1-го лица ед. ч. zun, которому противостоит местоимение 2-го лица ед. ч. wun, указывающее на лицо слушающее (собеседника). Формы мн. ч. обоих местоимений заметно варьируются фонетически по разным говорам. Однако основная линия различий проходит между большинством говоров, с одной стороны, и говорами кошанского наречия, преимущественно буршагским, арсугским, худигским, частично фитинским - с другой, охваченными теми тенденциями фонетического развития, которые в большей степени свойственны табасаранскому языку.

В большинстве говоров местоимение 2-го лица мн. ч. в им. пад. имеет форму čun, а в кошанских говорах (за исключением буршагского) kw̆n, совпадающую с аналогичной формой лезгинского языка.

Особый интерес представляют формы мн. ч. 1-го лица, которые образуются по двум парадигмам, соответствующим ин-

клюзиву и эксклюзиву. Инклюзив включает в себя семантически говорящее лицо и собеседника и в подавляющем большинстве говоров имеет форму x'in в им. пад., эксклюзив семантически объединяет говорящее лицо с его окружением и третье лицо, равноудаленное как от первого, так и от второго лиц[79], и имеет форму čin во всех говорах.

Хотя во многом склонение личных местоимений совершенно аналогично склонению существительных в соответствующих падежах, тем не менее оно имеет свои особенности, не встречающиеся ни у каких других классов слов: а) во всех говорах, кроме керенского диалекта, формы именительного и эргативного падежей совпадают как в ед., так и во мн. ч.; б) в керенском диалекте эргатив имеет свою форму, отличную от форм всех остальных падежей; в) в родительном падеже исконный его аффикс утрачен, поэтому в нем личные местоимения оканчиваются на гласный, ср.: Им. zun, wun, x'in, čin; эрг. zun, wun, x'in, čin; род. ze, we, x'e, če; дат. zis (zas), was, x'es, čas; инстр. zaldi, waldi, x'eldi, čaldi.

В керенском диалекте эргатив оканчивается на-š:zaš, waš, x'eš, češ и т.д. Эргатив, совпадающий с именительным, представляет собой морфологическую инновацию, и в этом нас убеждают как морфология именных частей речи в агульском, где эргатив четко противопоставлен и именительному, и всем остальным падежам, так и данные других лезгинских языков, например собственно лезгинского, в котором эргатив оформляется особым аффиксом -а: им. зун, эрг. за. Поскольку исконно эргатив в лезгинских языках оканчивался на гласный[80], то консонантный исход его в керенском диалекте, естественно, вторичен.

Что же касается родительного падежа, в котором вместо исконно консонантного окончания личные местоимения имеют формы на гласный, то эти формы также вторичны и возникли как результат преодоления морфологического плео-

---

[79]См.: *Тарланов З.К.* Опыт системного анализа личных местоимений в восточнолезгинских языках // Вопросы языкознания. 1977. № 5. С. 89-96.

[80]*Магометов А.А.* Агульский язык, с. 79-80.

назма: так как родительный падеж главным образом обозначает принадлежность, и принадлежность же обозначается личным местоимением в том же падеже, то в порядке морфологического отталкивания последнее утрачивает аффикс посессивности -n, тем самым морфологически уподобляясь прилагательному, ср.: ze kitab - моя книга, kitab zef e - книга моя. Факт наличия посессивного аффикса у местоимений в прошлом подтверждается как самой морфологической системой языка в целом, так и случаями типа wenna ze iḳrar - наш с тобой уговор, когда этимологический аффикс актуализируется в определенных фонетических условиях.

Склонение личных местоимений в местных падежах аналогично склонению существительных.

Лично-указательные местоимения в агульском языке сравнительно с другими языками лезгинской группы подробно рассмотрены в отдельной статье[81]. Поэтому ограничимся самыми общими замечаниями.

Выделение лично-указательных местоимений в отдельную группу оправдано прежде всего генетически: в состав личных местоимений они вливаются значительно позже, сохраняя вместе с тем характерные морфологические и семантические признаки слов указательных. Несмотря на это, они представляют собой все же слова личные, т.е. такие, которые указывают на участников речевого акта, а также на предмет речи. Это подтверждается и тем, что инклюзив включает в себя не только 1-е, но и 3-е лицо. Отсюда следует, что системно объединены как местоимения 1-го и 2-го лица, так и местоимения 1-го и 3-го лица.

Важнейшая семантическая особенность лично-указательных местоимений заключается в их содержательной стратификации, дающей возможность представлять 3-е лицо дифференцированно в соответствии с его расположением в пространстве относительно непосредственных участников акта речи, ср.: te - он, она, оно, равноудаленные от 1 и 2-го лица по горизонтальной прямой; ge - он, она, оно, расположенные ни-

---

[81] *Тарланов З.К.* Опыт системного анализа личных местоимений в восточнолезгинских языках.

же участников речи; le - он, она, оно, расположенные ближе ко 2-му лицу, а также выше участников речи; me - он, она, оно, расположенные ближе к говорящему и т.д. На этой основе развились в дальнейшем и иные противопоставления между словами анализируемой группы: легко прослеживаются, в частности, различия между местоимениями me - этот , ge- тот, te - тот, еще дальше по степени удаленности по прямой линии безотносительно к говорящему и слушающему, которые еще явственнее проявляются, например, в оппозициях лезгинского языка им : ам : атlам. Этим внутриязыковым различиям соответствуют, между прочим, разные паралингвистические факты: каждое из перечисленных местоимений может сопровождаться жестом головы. Местоимению me соответствует нейтральное положение головы говорящего, в то время как при произношении ge голова поднимается выше, достигая крайне высокого положения при произнесении le: местоимению, указывающему на наиболее удаленный предмет, соответствует жест максимально поднятой головой.

Лично-указательные местоимения имеют формы мн. ч., которые в разных говорах образуются по-разному: при помощи суффиксов мн.ч. -bur, -wur (me - mewur, mebur; te - tewur, tebur; ge - gewur, gebur), суффиксов - ur, -ar и других (me - mur, te - tur, mi - mar), образовавшихся в результате фонетического упрощения первого суффикса, распространенного во всех без исключения основных диалектах.

Склонение лично-указательных местоимений фонетически и по составу аффиксов некоторых падежей варьируется по говорам[82]. Необходимо отметить, что в отдельных говорах формы эргатива и остальных падежей образуются без генетического -di, ср: me - этот , mi, min, mih и т.д.

Притяжательные местоимения. А.А.Магометов пишет, что в агульском языке "формы родительного падежа личных местоимений являются в то же время притяжательными местоимениями, стоящими перед определяемым име-

---

[82] *Магометов А.А.* Агульский язык, с. 110-112.

нем"[83]. Здесь верно замечена генетическая связь между формами род. пад. личных местоимений и притяжательными местоимениями. Это совпадение свидетельствует о проявлении уже поздней грамматической омонимии. Генитивный аффикс личных местоимений 1 и 2-го лица, трансформировавшихся в притяжательные местоимения, восстанавливается этимологически. В качестве опорного материала при этом могут быть использованы, с одной стороны, генитивные формы лично-указательных местоимений (ср. tin(f), lin(f), gin(f), min(f) - *его, ее,* в которых первоначальный падежный формант не утрачен, и с другой - соотносительное с формами, выражающими принадлежность, вопросительное местоимение hanan(f), также сохраняющее первичный генитивный аффикс.Тот же этимологический формант в подобных случаях сохраняют и другие лезгинские языки, ср., напр., лезг.: Нин ктаб я? Ктаб нинди я? - Чья книга?

Притяжательные местоимения, как и другие слова, характеризующиеся потенциальной способностью к согласованию (прилагательные, причастия и т.д.), имеют две синтаксические позиции - атрибутивную, не требующую согласования, и предикативную, в которой эти и подобные слова оформляются аффиксом -f (t). Формы, содержащие аффикс признака, можно назвать членными. Показательно, что членная форма выступает либо в предикативной группе, составляющей чаще всего рему высказывания, либо тогда, когда притяжательные местоимения, как и все слова аналогичного грамматического типа, выполняют функцию субстантива, ср.: Ze kitab xur - Читай мою книгу; Kitab zef - Книга моя; Me zef x'ase - Это будет моим. Склоняются и изменяются по числам лишь в предикативной группе[84].

Вопросительные местоимения служат для оформления вопроса о лице, предмете или признаке, обращенного к собеседнику. К числу вопросительных относятся местоимения

---

[83]Там же, с. 108.

[84]Образцы склонения см.: *Магометов А.А.* Агульский язык, с. 107-109.

fiš? кто? fi? - что? fištin? - какой? naje? - который? hanan? - чей? x'imud? - сколько? и др. Их фонетический облик заметно различается по говорам[85] и по структурно-грамматическим признакам.

Семантически все вопросительные местоимения делятся на ряд групп в зависимости от того, какого типа содержания они требуют при ответе на вопрос: 1) о лице и предмете: fiš? - кто?, fi? - что?; 2) о признаке, качестве: fištin? - какой?; 3) о порядке предметов или признаков: naje? x'imud pi? который?; 4) о количестве: x'imud? - сколько?; 5) о принадлежности: hanan? - чей? Все они имеют формы ед. и мн.ч. Состав аффиксов, образующих мн.ч., тот же, что у соответствующих существительных и прилагательных (-bur, -wur, -ur, -ar).

Склонение вопросительных местоимений принципиально не отличается от склонения других местоимений или существительных. Что действительно обращает на себя внимание, - это образование форм эргатива, соответственно и других падежей, для которых эргатив служит базовым, от лично-вопросительного местоимения fiš? - кто?, ср.: им. - fiš? - кто?, эрг. - hana? - кто?, род -hanan? - чей? дат. -hanas? - кому? Если иметь в виду, что начальная часть основы в эргативе и в косвенных падежах вполне может быть истолкована как рудимент дейктических форм (ha-, haw-), столь характерных для восточнолезгинских языков[86], что именительный и эргативный падежи в этом отношении противопоставлены и в других лезгинских языках, что лично-вопросительное местоимение во всех восточнолезгинских языках в эргативе характеризуется n-основой, то напрашивается вывод об особой судьбе форм именительного падежа. Скорее всего они образовались позже в результате контаминации местоименной основы и основы имени существительного, обозначающего лицо. По-видимому, первоначально вопрос к лицу ставился с помощью предметного местоимения fi? - что? и имени существительного со значением лица: Fi šuj e wun? - Кто

---

[85] Там же, с. 112-116.

[86] *Тарланов З.К.* Опыт системного анализа личных местоимений в восточнолезгинских языках, с. 94.

ты такой (точнее: Что за человек ты?). Впоследствии предметное местоимение и агентивное существительное, регулярно и совместно выражавшие одно и то же значение, употреблявшиеся всегда контактно, с соблюдением одного и того же порядка расположения, слились воедино, трансформируясь в вопросительное личное местоимение. Составлявшие прежнего словосочетания подверглись семантико-структурным и фонетическим изменениям:fi šuj e wun? > fišuj e wun? > fiš e wun? > fiš e? - кто ты? Очевидно, изначально слово šuj обозначало - *муж* (в этом значении оно живет поныне и соотносится со словом x'ir - жена), затем - *мужчина вообще*, лишь потом - *всякое лицо*. В этом последнем значении оно и слилось с предметным местоимением fi? - что? Так же обстояло дело в табасаранском языке. Несколько иначе, но в принципе аналогично возникает лично-вопросительное местоимение и в лезгинском: Вуч жув я вун? - Кто ты (Что ты за человек, лицо)?, где *вуч* представляет собой фонетически осложненное древнейшее указательное местоимение uč, сохранившееся во всех восточнолезгинских языках, - вуч жув я вун? > (по закону регрессивной ассимиляции > č > ž, затем происходят обычные изменения в конце слова) > вуж я вун - кто ты? Позднее образование лично-вопросительных местоимений на базе предметно-вопросительных местоимений и агентивных имен существительных подтверждается, в частности, и тем, что именительный падеж как падеж лица явно вторичен, о чем с несомненностью свидетельствует факт образования форм косвенных падежей на базе эргативного, но не именительного. Таким образом, процесс становления лично-вопросительных местоимений сопровождался функциональным осложнением именительного падежа: возникновение лично-вопросительных местоимений означало тем самым и появление еще одного прямого падежа лица - именительного падежа наряду с эргативным.

На первый взгляд может показаться, что местоимение fištin? - какой? образовалось на базе лично-вопросительного fiš? - кто? В действительности, этимологически общей частью у этих слов является, по-видимому, лишь начальная fi? - что? Фонема [š] в fištin? не реликт агентивного существи-

тельного, подвергшегося редукции в постпозиции, а член фонологической оппозиции [š]:[x'], ср.вариант fix'ttin? в некоторых говорах, а также лезгинское *гьихьтин?* - какой? Интересны также лезг. *шумуд?* - сколько?, агульск. *x'imud* - сколько?, где представлена та же оппозиция [š]:[x'].

В вопросительном местоимении hanan? - чей? этимологически первичной следует считать заключительную его часть han; ha - дейктический аффикс, неизвестный этому слову во многих говорах агульского, а также в лезгинском, ср. агульск. nan?, лезг. нин? - чей?

Отрицательные местоимения образуются от вопросительных при помощи отрицательно-усилительной частицы ra, совмещающей в себе функции, например, русских частиц *ни, и.* При этом, употребляясь в сочетании с вопросительными местоимениями при отрицательных глаголах, она реализует отрицательное значение: fiš? - кто + ra = fišra - никто; fi? - что? + ra = fira - ничто, ничего; fišttinf? - какой? + ra = fišttinfra - никакой; hananf? - чей? + ra = hananfra - ничей. В остальных случаях та же частица реализует усилительное значение: wun - ты + ra šab - приходи = wunra > wura šab - *и ты приходи.* Таким образом, отрицательное значение частицей ra выражается лишь в определенных синтаксических условиях - в сочетании с вопросительными местоимениями при отрицательных глаголах, в то время как реализация усилительного значения не связана с синтаксическим окружением.

Определительные местоимения. Группа их незначительна. Сюда относятся har, har sa - *каждый;* wari, žžalla - *все*, ķildi - *весь.* Характеризуясь общим содержательным инвариантом, они тем не менее существенно отличаются друг от друга по частным значениям и сочетательным возможностям: первые два отчетливо реализуют значение единичности, поэтому сочетаются с субстантивами в ед.числе или другими словами в роли субстантивов, обозначающими предметы, поддающиеся счету (har insan - каждый человек, hak sa is - каждый год; следующие два слова (wari, žžalla), наоборот, представляют идею множественности, тем самым противостоят первым и по своим сочетательным возможностям (wari insanar - все люди, wari, žžalla isar - все годы и т.д.); особняком

стоит последнее слово, нейтральное по отношению к семе числа: оно свободно сочетается как с конкретно-счетными, так и с вещественными существительными.

Поскольку идея количественной определенности заложена в семантике определительных местоимений, то они по числам не изменяются.

Неопределенные местоимения больше, чем другие, сохраняют печать производности, вторичности: местоимение *sa - некий* восходит к числительному sa (sad)- один, остальные образуются от вопросительных при помощи условно-неопределенной частицы išin (ičin): fiš? - кто? + išin = fišišin - кто-то; fi? - что? + išin = fiišin - что-то; hanan? - чей? + išin = hananišin - чей-то и т.д. Производность частицы тоже достаточно очевидна: в определенных условиях контекста она разлагается на вспомогательный глагол в прошедшем времени и условно-сослагательную частицу -šin (čin).

Возвратные местоимения. Местоимение uč - сам, сама в разных говорах характеризуется фонетической вариативностью[87]. Особенность его состоит в том, что оно сочетается лишь с 3-м лицом (ge, te, le) uč - он (она) сам (сама); изменяется по числам (ед.ч. uč, мн.ч. čaw), склоняется по падежам: им. - uč, čaw; эрг - uči, čiwi (čipi); род. učin, čiwin (čipin); дат. učis, čiwis (čipis).

Указательно-локативные местоимения. Совершенно особо стоят слова, исторически сложившиеся на базе указательных местоимений и существительного *us - низ, место*, служащее для указания на место: *tewus - это место, tewus - то место, lewus - то место, наверху* и т.д. Все они образованы по одной и той же схеме: указательное местоимение + существ. us, а поскольку и первое и второе слагаемые их оканчиваются на гласные, то между ними развивается эпентетический звук [w]. Склоняется и изменяется по числам у них лишь вторая, именная, часть: им. - tewus, tewusar; эрг - tewusa, tewusari; род. - tewusan, tewusarin и т.д. Местоименная часть остается неизменной и выполняет исключительно дейктическую функцию.

---

[87]*Магометов А.А.* Агульский язык, с. 116.

Все указательно-локативные местоимения имеют вариантные формы: *tewusa - misa - здесь, в этом месте, tewusax - misax - здесь, сзади; tewusah - misah - здесь, спереди.* Вторые члены этих пар отличаются прежде всего тем, что для них исходными, базовыми выступают не столько местоименные, сколько наречные основы. Поэтому не случайно, что ими форма именительного падежа уже утрачена, статус "начальной" формы приобрел инессив, трансформировавшийся в наречие места.

Глава шестая

ГЛАГОЛ И ЕГО КАТЕГОРИИ

Глагол - это один из наиболее сложных классов слов, характеризующийся развитой системой средств выражения модальных и временных отношений. Достаточно подробно и систематически он пока еще не описан в специальной литературе. В имеющихся работах А.Дирра, Р.Шаумяна и А.Магометова содержится более или менее удачный обзор далеко не всех категорий глагола. Хотя исследования А.А.Магометова[88] выделяются наибольшей полнотой, и в них многое ускользнуло от внимания автора. Настоящая глава будет строиться с учетом этих моментов.

Инфинитив - это глагольная форма, обозначающая только действие-состояние в отвлечении от конкретных временных, личных и модальных отношений.

В современном агульском языке инфинитив конституируется суффиксом -s, которому предшествует аффикс глагольной основы -а- или редко -е-: pas - сказать , lixas - работать, uxas - пить, lịkes - писать и т.д. С точки зрения современного языкового сознания он лишен автономного значения. Можно лишь отметить, что круг грамматических категорий и форм, в которых он выступает, ограничен: кроме инфинитива, он функционирует в отдельных формах индикатива, а также в ряде говоров - и в императиве. Подвести указанный суффикс под ту или иную тему или усмотреть за ним тематическую

---

[88] *Магометов А.А.* Агульский язык. Тбилиси, 1970; Он же. Агульский язык // Языки народов СССР. Т. 4. Иберийско- кавказское языкознание. М., 1967.

закрепленность не представляется возможным. Вместе с тем нет оснований считать -е- фонетическим вариантом суффикса -а- [89]. Реализация суффикса -а- или -е- не зависит от фонетических условий, ср.: lik̇es - писать, hurk̇as - быть достаточным.

Инфинитив имеют все глаголы, как самостоятельные, так и служебные. Тезис о "недостаточных" глаголах, выдвинутый А.Магометовым, требует дополнительной аргументации и иллюстративного материала. Что же касается непосредственно служебной глагольной формы -а, квалифицируемой как недостаточная, то она не лишена инфинитива, будучи соотнесенной с ax'as - быть.

Глаголы полнозначные и служебные. К полнозначным относится абсолютное большинство глаголов. Они автономны семантически и выполняют синтаксическую роль предикатов. Им противостоят глаголы служебные (вспомогательные), которые, не обладая самостоятельным лексическим значением, служат для связывания, соединения полнозначных глаголов, как и слов других частей речи, с субъектами действий и состояний. Существующая грамматическая традиция выделяет разное количество вспомогательных глаголов в агульском языке: по А.Дирру, их три - е, а, uj; А.А.Магометов отмечает также три формы, дифференцированные по говорам, - это i, е, wu. Несовпадение данных А.Дирра и А.А.Магометова объясняется тем, что они пользуются неравноценными материалами: первый ограничивается наблюдениями над буркиханским говором, в то время как второй пытается охватить факты всех говоров. Однако и в том и в другом случаях основное внимание исследователей сосредоточивается на характеристике внешнего оформления рассматриваемых ими явлений в ущерб функционально-семантическому анализу их. Углубленное семантико-грамматическое изучение служебных глаголов, выявление их роли в процессе глагольного формообразования остается одной из насущных задач морфологии глагола в восточнолезгинских языках в целом. Разумеется, что подобное исследование предполага-

[89]Ср.: *Магометов А.А.* Агульский язык, с. 127.

ет привлечение достаточного материала не только по современным говорам, но и по языку устных народных поэтических произведений. И А.Дирр был вполне справедлив, когда писал, что интересующие нас вспомогательные глаголы "требуют еще более точного исследования лучше всего на основании текстов"[90].

В современном живом употреблении встречаются следующие вспомогательные глаголы настоящего времени: i, e, a, новообразование aja и wu. Ареал распространения и частота функционирования их неодинаковы. Форма wu широко представлена в кошанском диалекте, но не является чуждой и для некоторых других говоров. В них она получила специализацию и реализуется почти исключительно в вопросительных конструкциях, тем самым совмещая в себе как функцию форманта вопроса, так и функцию вспомогательного глагола, ср.: Aduw (aduwa)? - Нет ли? Likenduw (likenduwa)? - Не пишет ли?

Форма aja представляет собой новообразование и восходит к aria[91], изменившемуся в arja > aja. Преимущественное распространение она получила в собственно агульском диалекте, в говорах, носители которых расселены по бассейну реки Чираг-чай, включая и керенские говоры.

Если сопоставить рассматриваемые формы по семантике, то их можно разделить прежде всего на две основные группы: в первую должны быть включены i, e, выражающие утверждение, подтверждение, согласие с собеседником или ранее высказанной мыслью. Соответственно больше всего они встречаются в диалоге в качестве его вторых реплик: Heme kitab wef iwa? - Эта книга твоя? - Ij (i) - Да. Таким образом, формы i, e чаще всего выполняют роль утвердительных слов, выступая в предложении либо как служебная часть составного именного сказуемого, либо как эквивалент предложения в диалогической речи. Они антонимичны отрицатель-

---

[90] *Дирр А.* Агульский язык // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, с. 61.

[91] О генезисе этих суффиксов см.: *Магометов А.А.* Агульский язык, с. 124.

ной частице wa' - нет. В обоих случаях условия синтаксического употребления во многом тождественны. Во вторую группу объединяются глаголы a, aja, обозначающие бытие, существование. Это бытийные, экзистенциальные глаголы, способные быть самостоятельным членом предложения - сказуемым: Misa insanar awa? - Здесь есть люди? A (aja) - Есть. Выходит, что глаголы этой группы обладают большей семантической и синтаксической самостоятельностью. Реализация потенций каждой из групп вспомогательных глаголов зависит от конкретных синтаксических условий, в которых они выступают.

Наклонение - это морфологическое средство выражения модальности, указывающее на связь глагольного действия с действительностью. Категория наклонения "выражает оценку реальности связи между действием и его субъектом с точки зрения говорящего лица или волю говорящего к осуществлению или отрицанию этой связи"[92].

Агульский глагол характеризуется богатой системой форм наклонений, которую пока нельзя считать полно и всесторонне описанной. В исследовании А.А.Магометова, наиболее подробном из имеющихся, отмечены лишь сослагательное, условное, повелительное, долженствовательное и изъявительное наклонения[93], однако реальная картина способов морфологического выражения модальности намного сложнее. Что же касается условий функционирования их в речи, а также диапазона значений каждого из них, то такая проблема практически и не ставилась. В настоящем исследовании предпринята попытка преодолеть узость предшествовавших описаний.

Изъявительное наклонение (индикатив) обозначает действие как реальное, соотнесенное с одним из грамматических времен - настоящим, прошедшим или будущим. Этим

---

[92]*Виноградов В.В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове, с. 581.

[93]См.: *Магометов А.А.* Агульский язык, с. 129-143. Ср.: *Тарланов З.К., Магометов А.А.* Агульский язык (Исследование и тексты)... // Вопросы языкознания. 1972. № 2.

оно противостоит всем прочим наклонениям. Оно богато формами, наделенными большими модально-выразительными потенциями. Это наиболее глагольное из всех наклонений глагола как части речи - обозначать действие в его временной протяженности, с его временными характеристиками - реализуется благодаря именно ему.

Семантическую основу индикатива составляет обозначение отношения действия ко времени, разлагаемому языковым сознанием на три составляющие. Настоящее время, определяемое с точки зрения соотнесенности его с моментом речи, служит своеобразным пунктом отсчета того, что языковой традицией относится к прошедшему и будущему временам.

Система времен агульского глагола отчетливо выражена формальными средствами. Если судить с этой формальной стороны и попытаться сблизить их попарно, то едва ли не сразу бросается в глаза структурное сходство настоящего и прошедшего времен, радикально противостоящих будущему: первые два образуются на базе деепричастий и причастий в сочетании со вспомогательными глаголами, а последнее в его синтетической разновидности - на базе инфинитива в соединении со вспомогательным глаголом. Это различие не замыкается планом выражения: оно является показателем, с одной стороны, известного изоморфизма в семантической структуре настоящего и прошедшего времен, с другой - противопоставленности их по содержанию будущему времени.

Образование и значение форм настоящего времени. Обзор форм настоящего времени целесообразнее начать со вспомогательных глаголов по двум причинам: во-первых, они в плане формообразования отличаются большим своеобразием; во-вторых, они включаются в структуру форм самостоятельных глаголов.

Как уже отмечалось выше, наиболее распространенные вспомогательные глагольные формы настоящего времени - это i, a, e, aja и wu. Все они, кроме a, соотносятся с инфинитивом ax'as и его эквивалентами в разных говорах. Отдельно стоит форма e, лишенная инфинитива и постепенно удаляю-

щаяся от глагольной системы, приближаясь к разряду утвердительных частиц.

Настоящее время самостоятельных глаголов образуется разными способами и выражает различные значения. Однако в структурном плане все разновидности настоящего времени имеют то общее, что состоят из двух глагольных форм, одна из которых представляет вещественное значение, а вторая - грамматическое. Общая схема грамматической организации настоящего времени включает в себя, таким образом, деепричастие или причастие настоящего времени изменяемого глагола плюс вспомогательный глагол настоящего времени.

Исследователи агульского языка традиционно выделяют две формы настоящего времени. Так, уже А.М.Дирр констатировал их, хотя и не указывал на их функциональные различия[94]. А.А.Магометов довольно подробно рассматривает настоящее общее и настоящее конкретное[95]. Однако внимательный анализ языкового материала позволяет говорить о 4-х типах настоящего времени, к которым относятся:

1. Настоящее конкретное, образующееся двояко: а) сочетанием деепричастия настоящего времени изменяемого глагола с формой настоящего времени вспомогательного глагола ax'as: xurari + a = xurari a - читает, учится, liḳendi + a = liḳendi a - пишет ; б) сочетанием деепричастий основного и вспомогательного глагола ax'as - быть с формой настоящего времени того же вспомогательного глагола: xurari + ari + a = xurariari a - учится; arḳari + ari + a = arḳariari a - делает. Аналогичная форма с незначительными фонетическими различиями свойственна всем говорам собственно агульского диалекта, ср. в тпигском: aɣ aja - говорит, weja - идет и т.д.

Основное назначение настоящего конкретного - это обозначение действия, которое во временном плане строго ограничено, локализовано: это настоящее "точечное". Оно широко используется в диалогической речи, требующей точных временных характеристик действия.

---

[94] *Дирр А.М.* Указ. соч., с. 40.

[95] *Магометов А.А.* Агульский язык, с. 129-131.

2. Настоящее обобщенное. Образуется сочетанием деепричастия настоящего времени с формами вспомогательного глагола i, ej, aj, wu (w), распространенными в зонах соответствующих говоров, причем первые три характеризуют собственно агульский и керенский диалекты, последняя - кошанский диалект, ср.: lixande, lixandaj, lixandi, lixandiw - трудится (обычно). Образование формы настоящего обобщенного сопровождается фонетическими изменениями на стыке основной и служебной частей глагольной лексемы.

Настоящее обобщенное семантически противостоит настоящему конкретному тем, что обозначает действие, которое заполняет не момент настоящего времени, а все настоящее время. Здесь действие не локализовано во времени. В целом данный тип настоящего можно было бы сопоставить с настоящим историческим, например в современном русском языке. Будучи связанным в основном с повествовательными жанрами речи, он обнаруживает и жанрово-стилистическую закрепленность. Поэтому нельзя согласиться с Р.Шаумяном, который писал: "Трудно установить различия по значению между настоящим первым и вторым, тем более, что вторая форма встречается очень редко"[96].

Настоящее обобщенное прерывающееся. Оно не фиксировано ни в одном из исследований по агульскому языку. Правда, в упоминавшейся монографии А.А.Магометова отмечаются отдельные факты, которые квалифицируются как специфические черты тпигского и фитинского говоров при образовании настоящего общего. Он пишет: "В речи аула Тпиг в настоящем общем времени вспомогательный глагол настоящего времени выступает в форме we вместо ожидаемого e - есть, суть ... В говоре аула Фите в настоящем общем времени используется вспомогательный глагол eweți - бывает, претерпевающий фонетические изменения"[97]. Сами форманты настоящего времени здесь замечены верно, но предложенное при этом грамматическое толкование их нельзя счи-

---

[96]*Шаумян Р.* Грамматический очерк агульского языка, с. 85.
[97]*Магометов А.А.* Агульский язык, с. 130.

тать удачным, ибо оно ведет к смешению разных типов настоящего времени.

Настоящее обобщенное прерывающееся (или можно его назвать настоящим обобщенным вторым) образуется сочетанием деепричастия настоящего времени основного глагола с формантом настоящего времени, различающимся по говорам, - waraj (буркиханский), wej (собственно агульский), ewe-ṭ i (фитинский) и т.д. - бывает: lik̦endiwej - бывает, что пишет, aɣ ajwej - бывает, что говорит. Предыдущим двум типам настоящего оно противостоит не только формально, но и функционально: настоящему конкретному оно противопоставляется как настоящее общее, но отличается от настоящего общего первого тем, что представляет действие как прерывающееся. Следует заметить, что рассматриваемая форма может быть образована также посредством вспомогательного глагола wej, варьирующегося по говорам.

4. Настоящее постоянное. Так можно условно обозначить четвертую форму настоящего времени, также не фиксированную в специальной литературе. Важнейшая особенность ее состоит в том, что она в качестве вещественной части использует не деепричастие, а причастие настоящего времени в сочетании со вспомогательными глаголами i, e и др.: Gi aɣ afe, gidi aɣ afi, gi aɣ afej - он говорит (обычно, всегда). Здесь действие сказуемого представляется как постоянный признак субъекта, как признак, благодаря которому субъект специализируется и выделяется из ряда подобных. Отношение между субъектом и действием-признаком постоянно. Важнейшая синтаксическая особенность данной временной формы заключается в том, что она функционирует чаще в составе эргативной конструкции, но не замыкается последней. В случаях, когда она выступает в номинативном предложении, создается омонимия настоящего постоянного с именным составным (с причастием в именной части) сказуемым, ср.: Ge ɣ urɣ afe - он говорит, способен говорить и ɣ urɣ af e - он говорящий. В последнем случае вспомогательный глагол не сливается с причастием. Формально-синтаксическим подтверждением тому служит отсутствие позиционной закрепленности у вспомогательного глагола, который может быть отор-

ван от основной части вставкой других слов или же перестановкой их самих: ɣ urɣ af ge ej; ej ge ɣ urɣ af; ge e ɣ urɣ af - он говорящий. Подобные перестановки и вставки совершенно исключены для составляющих настоящего постоянного. Отсюда следует, что компоненты настоящего постоянного лишь этимологически могут быть отнесены к глаголу и причастию.

Образование и значение форм прошедшего времени. А.М.Дирром и Р.Шаумяном зафиксировано пять форм прошедшего времени, которые условно названы прошедшими первым, вторым, третьим и т.д. Большая заслуга этих ученых заключается в том, что они впервые сравнительно подробно описали основной инвентарь форм времени, в том числе и прошедшего. Однако предложенная ими формальная классификация системы прошедшего времени не подкрепляется параллельной функциональной классификацией. Говоря о функциональных различиях между разными формами прошедшего времени, А.М.Дирр ссылается на довольно сбивчивые показания информантов, достоверность которых им вполне естественно ставится под сомнение[98]. Попытка функциональной классификации форм прошедшего времени позже была предпринята А.А.Магометовым, у которого они носят не условные названия, а вполне определенные наименования, составленные на основе учета функционального своеобразия или степени распространенности каждой из них: прошедшее основное, давнопрошедшее, прошедшее результативное, преждепрошедшее, прошедшее определенное и прошедшее несовершенное времена.

Система прошедших времен в современном агульском языке может быть представлена в следующем виде:

1. Прошедшее перфективное образуется сочетанием деепричастия прошедшего времени со вспомогательным глаголом настоящего времени wu (в кошанских говорах), aj, ej - есть (в остальных говорах): ušuna + aj = ušunaj (ušunej); ušuna + wu = ušunaw - пошел. Соединение вспомогательного глагола с деепричастием обычно сопровождается фонетичес-

---

[98]*Дирр А.М.* Указ. соч., с. 42-43.

кими изменениями в структуре либо вспомогательного глагола, либо деепричастия, либо обоих составляющих. Перфект обозначает прошедшее совершенное, связанное с настоящим.

2. Прошедшее результативное по смыслу тесно связано с прошедшим перфективным. Образуется оно однотипно во всех говорах - от деепричастия прошедшего времени в сочетании со вспомогательным глаголом настоящего времени a или aja: kitab xuruna a - книга прочитана; kiž lik̦ina aja - письмо написано. В предложении эргативного строя прошедшее результативное отчетливо реализует и залоговое значение страдательности, но это не дает основания усматривать в нем специфически залоговую форму, так как оно так же часто употребляется и в предложении номинативного строя, ср.: gada ušuna a - мальчик пошел; ruš adina a - девочка пришла. Прошедшее результативное включает в себя не только обозначение прошедшего времени, но и исходящее от говорящего лица признание того, что результат прошедшего налицо. Факт, что действие уже совершилось до момента речи, констатируется, утверждается в момент речи. Исходя из этого, прошедшее результативное с неменьшим основанием можно было бы назвать прошедшим констатации.

3. Давнопрошедшее время, образующееся от деепричастной основы прошедшего времени в соединении со вспомогательным глаголом прошедшего времени, который в разных группах говоров звучит как wuji, idi, iri[99]: čin punajri (punawuji, punidi и т.д.) - мы сказали. Формы давнопрошедшего времени чрезвычайно редко употребляются в рамках ограниченного контекста, прежде всего в строе простого предложения, если оно по смыслу не включается в более широкий контекст. Функционирование давнопрошедшего времени связано с определенным типом предложения, а им в первую очередь является сложное предложение с противительно-ограничительными отношениями, причем глагольная форма усиливается присоединением градационной частицы -ra, и предикативное единство с нею занимает, как правило, препозицию: punarairi, ak̦unarairi, xuxas xačikas x'undawuj - и сказано

[99]*Магометов А.А.* Агульский язык, с. 132.

было, и сделано было, но заставить поверить не удалось. Как ясно из сказанного, непосредственное значение рассматриваемого типа прошедшего времени сводится к тому, что он обозначает действие, которое совершилось задолго до момента речи.

4. Преждепрошедшее время образуется от деепричастной основы прошедшего времени основного глагола при помощи вспомогательного глагола прошедшего времени uj, uji, idi, aj (последний, по данным А.А.Магометова, распространен в кошанском диалекте[100]: lik̦ina + uj = lik̦inauj (lik̦inauji, lik̦inaadi, lik̦inaaj) - было написано. Назначение преждепрошедшего времени - обозначать действие, которое совершилось раньше другого. Поэтому оно всегда относительно: оно определяется применительно не к моменту речи, а ко времени осуществления другого действия, имевшего место также до момента речи. Поскольку подобное временное отношение лучше всего выражается сложным предложением, то, естественно, давнопрошедшее время функционирует чаще всего именно в сложном предложении с придаточным временным: čin lixunil awç̌uguni raɣ aličinauj - когда мы вышли на работу, солнце уже взошло было. Как и во всех предыдущих случаях, вспомогательный глагол, являющийся компонентом формы, выражающей преждепрошедшее время, лишен своего самостоятельного лексического значения. Его следует отграничивать от омонимичного с ним бытийного глагола, обладающего полной лексико-семантической автономностью, ср.: Dars xuruna uj - урок был выучен и zun darsuni uj - я был на уроке. Только во втором случае мы имеем бытийный глагол[101].

5. Прошедшее продолженное состоит из деепричастия настоящего времени и вспомогательного глагола прошедшего времени типа uj, uji: gadaji xurari uj; gedaji xuraj uj - мальчик читал. Прошедшее продолженное обозначает действие, не завершенное в прошлом, продолженное. Этим оно противостоит всем типам прошедшего времени, рассмотренным выше, в которых действия представляются как законченные в

[100]Там же, с. 133.

[101]Там же.

определенный момент прошлого. Терминологическое выражение "прошедшее определенное", предложенное А.А.Магометовым для его обозначения, неудачно: оно-то менее всего определенно по той причине, что выражаемое им действие в рамках прошедшего времени не ограничено и не локализовано. Функционирование прошедшего продолженного так же связано преимущественно со сложным предложением с временными отношениями.

6. Прошедшее повествовательное образуется сочетанием деепричастия прошедшего времени от основного глагола x'as в бытийном значении: insanar ɣ uzuna x'unaa - люди стояли; guris puna x'unaa - им, оказалось, было сказано. Прошедшее повествовательное выражается также деепричастием настоящего времени в сочетании с тем же прошедшим результативным (или констатирования) от глагола x'as: insanar ɣ urzari x'unaa - люди время от времени стояли; muris aɣ ari x'unaa - им время от времени говорилось. Этот второй случай условно можно назвать прошедшим повествовательным вторым. Прошедшее повествовательное первое и прошедшее повествовательное второе не тождественны между собой. Второе обозначает действие, лишенное ясных временных границ, начала и конца, а иногда - и прерывающееся. Вместе с тем и то, и другое характеризуются принципиальным единством в смысле назначения, речевой установки: это две во многом равнозначные формы, организующие повествовательные жанры со свойственными им плавностью и конструктивной последовательностью в раскрытии содержания речевого общения, формы, имеющие установку объединить в единое синтаксическое целое обширный текст и тем самым представляющие собою синтаксические центры, вокруг которых формируются более или менее крупные целостные единицы речи. Не случайно чаще всего они употребляются в языке сказок, особенно - в сказочных зачинах.

7. *Прошедшее ограниченное* впервые было отмечено А.М.Дирром под названием прошедшего первого на материале буркиханского говора. У А.М.Магометова оно не зафиксировано, хотя достаточно распространено помимо буркихан-

ского также в цирхинском, курагском, ричинском и других говорах. По формально-звуковому оформлению оно выделяется тем, что во всех говорах оканчивается на -ni. Отсюда следует, что первоначально прошедшее ограниченное образовывалось от деепричастия прошедшего времени плюс вспомогательный глагол настоящего времени i: ušuna + i > ušuni - пошел (тогда); puna + i > puni - сказал (тогда). Впоследствии основа деепричастия редуцируется, и в современном живом употреблении прошедшее ограниченное образуется от основы деепричастия прошедшего времени на согласный (т.е. усеченной основы) плюс вспомогательный глагол настоящего времени. По своему значению прошедшее ограниченное указывает, что действие совершилось в определенный момент прошлого, что его хронологические рамки были строго ограничены. Это - одна из наиболее конкретных форм прошедшего времени вообще. Оно чаще всего выступает в контекстах ограниченного объема, в которых описываются ситуации с четко обозначенными границами времени и места. Поэтому сообщение, включающее в себя прошедшее конкретное (ограниченное), как правило, всегда вызывает вопрос слушателя (собеседника), требующий точной или приблизительно точной датировки действия, если в самом сообщении время действия не очерчено наречными словами типа naḳ - вчера, ahal - сейчас, сас - в прошлом году, udihanjaɣa - позавчера.

8. Прошедшее отдаленное образуется от основы причастия прошедшего времени при помощи вспомогательных глаголов настоящего времени i, e и подобных: puf + e = pufe - сказал; aḳuf + e = aḳufe (aḳufi) - сделал. Оно отличается от прошедшего конкретного (ограниченного) не только по структуре, по составу компонентов, но и по функциям. Если прошедшее конкретное обозначает действие, совершившееся в ближайшем прошедшем и охватывающее лишь момент прошедшего, то прошедшее отдаленное, как можно судить уже по названию, представляет такое действие, которое относится к отдаленному прошлому. Отсюда и его сочетаемость с неопределенными наречиями либо же с наречиями с

обобщенным (общим) значением типа hete dah zamandi - во времена оные, mus išin - когда-то , lap dexe - очень давно и др.

9. *Прошедшее отдаленное эпизодическое* тесно примыкает к прошедшему отдаленному. Эта функционально близкая к нему форма состоит из причастия настоящего времени основного глагола и вспомогательной части, представленной глагольной лексемой прошедшего времени iri: aɣ afiri - говаривал, liķenfiri - писывал. Она обозначает действие, происходившее в отдаленном прошлом, но в отличие от прошедшего отдаленного реализуемое как процесс, состоящий из ряда эпизодов, из повторяющихся актов: urihdi lixunil werettar dexe ɣ ajiršafiri - в старые времена вставали рано, чтобы ходить на работу.

10. Синкретические формы прошедшего времени создаются на базе деепричастий настоящего и прошедшего времени и вспомогательного глагола x'as. Здесь имеется ряд комбинаций: а) деепричастие прошедшего времени основного глагола плюс форма прошедшего времени вспомогательного глагола aħajri, восходящая в свою очередь к старому деепричастию, настоящему времени и вспомогательному глаголу прошедшего времени iri: aķuna aħajri - сделано бывало, liķina aħajri - написано бывало, puna aħajri - сказано бывало; б) деепричастие настоящего времени основного глагола плюс вспомогательный глагол прошедшего времени aħajri: arķari aħajri - делал (делывал), aɣ ari aħajri - говаривал; в) деепричастие прошедшего времени основного глагола и вспомогательный глагол будущего времени ax'ase - будет: darsar qirķuna ax'ase puna gadajix ušunaj - уроки (по-видимому) кончились, пошел за сыном; эта форма омонимична одному из типов будущего времени и, функционируя в системе прошедших времен, реализует исключительно относительное значение. То, что приведенные формы являются формами времени, не подлежит сомнению. Они не только образуются в конструктивном плане однотипно со всеми другими формами времени, но и составляют с последними единое целое в функциональном аспекте. Тем не менее они глубоко специфичны: они синкретичны, поскольку совмещают в одной форме разновременные планы.

Итак, общий обзор форм прошедшего времени показывает большое разнообразие в морфологическом выражении временных отношений, создаваемое различными комбинациями деепричастий и причастий настоящего и прошедшего времени со вспомогательными глаголами. В процессе временного формообразования особенно велика роль деепричастий, прежде всего - прошедшего времени. Характером составных частей форм времени обусловливается специфика выражаемых ими значений. Все типы прошедшего времени можно разделить на три основные группы: 1) формы, представляющие действие как завершенное в какой-то момент прошедшего (образуются на базе деепричастий прошедшего времени), 2) формы, представляющие действие как процесс (образуются на базе деепричастий наст. вр.), 3) формы, представляющие действие обычно как постоянный признак его производителя (образуются основами причастий).

Образование и значение форм будущего времени. Морфология будущего времени несложна. Это вполне естественно, так как оно выделяется среди других времен бедностью семантической системы, функциональной однонаправленностью. Общее значение будущего времени, как известно, сводится к тому, что в нем действие представляется как происходящее после момента речи. Однако конкретное содержание его не ограничивается этим, оно оказывается богаче в процессе реализации в речи. Обогащение значения будущего обеспечивается особой его интерпретацией языковым сознанием либо путем его детализации, либо путем установления вторичных связей его с другими временами или как-то по-другому.

Будущее время имеет две формы, которые можно было бы квалифицировать как будущее основное и будущее синкретическое.

Будущее основное образуется от полной формальной (включающей все, что относится к инфинитиву) основы инфинитива при помощи вспомогательного глагола настоящего времени e, i, wu: aķas + e (i, wu) = aķase (aķasi, aķaswu) - сделаю, сделаем; pase (pasi) - скажу, скажем и т.д. Будущее основное, таким образом, - это результат простой, не затра-

гивающей звукового оформления сочетающихся основ, комбинации инфинитива со служебным глаголом. Исследователями А.М.Дирром и Р.Шаумяном было справедливо замечено, что будущее в агульском отличается от других времен отсутствием супплетивизма. Это действительно так. Если при образовании многочисленных форм настоящего и прошедшего времен супплетивизм и внутренние флексии являются обычными средствами наряду со вспомогательными глаголами, то здесь мы имеем дело с почти механическим объединением в одно целое двух основ - вещественной и служебной, создающих в итоге принципиально новую грамматическую форму. Это явление чистой агглютинации.

Будущее синкретическое первое образуется от основы деепричастия настоящего времени основного глагола при помощи формы будущего времени вспомогательного глагола ax'as - быть: aɣ ari + ax'ase = aɣ ariax'ase - будет (случится) говорить[102]; lixandi + ax'ase = lixandi ax'ase (lixandix'ase).

Будущее синкретическое второе представляет собой сочетание деепричастия прошедшего времени основного глагола со вспомогательным глаголом ax'as в будущем времени: liḳina + ax'ase = liḳinaax'ase > liḳinax'ase - будет написано, случится быть написанным. Общее значение будущего синкретического состоит в том, что оно обозначает действие, которое осуществится в будущем расчлененно: оно совмещает в себе в известной мере и значения других времен, благодаря чему оно само реализуется не как будущее "сплошное", а как будущее "разорванное" настоящим или прошедшим. Соответственно будущее синкретическое первое можно назвать формой настоящего в будущем, а будущее синкретическое второе - формой прошедшего в будущем. Иными словами, будущее синкретическое - это есть грамматический способ отнесения настоящего или прошедшего в план будущего. Употребляется будущее синкретическое как в простом предложении, так и в сложноподчиненном с временными отноше-

---

[102]Эти формы не поддаются адекватному переводу на русский, так как в русском нет соответствующих эквивалентов.

ниями. Оно отчетливо совмещает в себе сугубо временные значения со значениями модальными.

Факт совмещения в будущем времени собственно временного значения со значениями модальными порождало в лингвистике разноречивые толкования самого понятия "будущее время". Распространенное мнение, согласно которому будущее время - это необходимый и обязательный компонент системы времен глагола, разделяется не всеми. Е.Курилович вообще выводит будущее время за пределы индикатива и объявляет его особым наклонением. Он пишет: ". .. недопустимо рассматривать как параллельные противопоставления "момент речи:момент в будущем". Нельзя смешивать языковую реальность с логико-математической схемой... По сравнению с настоящим и прошедшим, выражающим действительность, будущее, обозначающее *возможность, вероятность, ожидание* и т.п., представляет собой наклонение, обозначаемое иногда неуклюжим термином "субъюнктив" или "конъюнктив"[103]. Вопрос об отношении будущего к индикативу решается и более компромиссно, и в этом случае подчеркивают его двойственный характер. Так, Ш.Балли писал, имея в виду латинскую форму с habeo: "В момент своего появления форма с habeo никоим образом не предназначалась для того, чтобы сделать *более ясной идею будущего времени.* Эта форма применялась для того, чтобы порвать с *чисто интеллектуальным* подходом к времени и выразить *субъективный элемент,* который содержится в идее будущего (долженствование, обязанность, необходимость). Перифрастические формы будущего времени объясняются субъективным восприятием будущего, которое мы воображаем себе *прежде всего как отрезок времени,* отведенный для наших желаний, наших опасений, наших решений и наших обязанностей"[104]. Согласно Ш.Балли, в будущем времени обнаруживаются, таким образом, два плана: план объективный, включающий в себя "идею будущего", и план субъективный,

---

[103]*Курилович Е.* Очерки по лингвистике. М., 1962. С. 144.

[104]Цит. по: *Косериу Э.* Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. Вып. 3. М., 1963. С. 251.

определяемый набором модальных значений, связываемых говорящими лицами с будущим временем. Противопоставление форм будущего и прошедшего времен достаточно отчетливо выражено и у А.Мейе, под влиянием которого Е.Курилович и разрабатывает свое учение о временах глагола[105]. А.Мейе пишет: "Процесс в прошедшем - это факт, о котором говорят объективно, процесса в будущем ждут, на него надеются или его опасаются, невозможно говорить о будущем, не внося в свою очередь определенного оттенка аффективности... Будущее классического латинского, формы которого были часто двусмысленны и которое всегда было недостаточно экспрессивно в народном языке, вышло из употребления. Оно было замещено оборотами, существовавшими еще с эпохи классической латыни, со смысловыми оттенками, определяемыми компонентами этих оборотов: facere habeo, facere nolo"[106]. Важнейшая особенность форм будущего времени, по А.Мейе, состоит в том, что они ничего не сообщают о действии как об объективном факте.

Очевидно, что будущее время индикатива обозначает действие, не являющееся или не ставшее еще фактом, такое действие, которое, с точки зрения говорящего, должно или может стать им, либо оно мыслится как желательное и ожидаемое и т.д. Этим, в сущности, и обусловливается модальность будущего во всяком языке, в том числе и в агульском. Можно отметить два модальных плана будущего в агульском, связанных с двумя его формальными разновидностями: а) будущее намерения, решения, актуализируемое синтетической формой; б) будущее предположения, прогнозирования, реализуемое преимущественно описательными, составными формами - формами настоящего и прошедшего в будущем. Таким образом, будущее модально, но это не является достаточным основанием для того, чтобы исключить его из числа форм индикатива, ибо, во-первых, в той или иной мере мода-

---

[105]См.: *Бунина И.К.* История глагольных времен в болгарском языке. Времена индикатива. М., 1970. С. 14.

[106]*Мейе А.* Очерк истории латинского языка. Цит. по: *Косериу Э.* Синхрония, диахрония и история. С. 251.

льностью характеризуются и другие формы времен; во-вторых, модальность будущего - это составная часть его семантической структуры, модальностью не исчерпывается его содержание; в-третьих, выделение будущего диктуется не семантикой, а грамматикой, отражающей языковое сознание народа в определенный этап его истории; языковое сознание же делит объективное время на три периода, основываясь на том, что центральный период (момент отсчета времени) как отправной совпадает с моментом речи. Дальнейшая периодизация предполагает выделение грамматических времен, предшествующих моменту речи или следующих за ним. Независимо от конкретной семантической наполненности глагольное время и есть выражение указанных трех периодов. Следовательно, компоненты, составляющие индикатив, - это прежде всего система соотносительных грамматических форм, объединенных общей функциональной нагрузкой - выражением отношения действия ко времени его совершения. Противопоставление "момент речи:момент в прошлом" предполагает и противопоставление "момент речи:момент в будущем". Это подтверждается, в частности, уже тем, что все три формы, объединяемые в индикатив, имеют нечто общее в структуре, грамматической организации их: все они как необходимый компонент включают в себя деепричастие, сочетающееся с соответствующими формами вспомогательных глаголов.

Подытоживая сказанное, можно заключить: будущее время - это одна из форм индикатива, оно не образует самостоятельного наклонения, которое бы не сводилось к индикативу. Будучи вырванным из контекста форм индикатива, будущее время лишается семантико-грамматической цельности и определенности[107].

В заключение можно представить общую картину форм индикатива в следующем виде: 1) индикатив имеет три времени: настоящее, прошедшее и будущее; 2) формы индикатива образуются преимущественно аналитически - сочетани-

---

[107] *Бунина И.К.* История глагольных времен в болгарском языке. С. 20.

ем вещественной основы со служебной, в роли которой выступает вспомогательный глагол соответствующего времени; 3) формы времени образуются по принципу аналитизма, но он не является единственным: иногда вспомогательный глагол восстанавливается лишь исторически, в образовании форм времени значительна и роль "внутренней флексии" содержательных основ; 4) содержательными основами служат деепричастия и причастия настоящего и прошедшего времени, а также инфинитив; 5) важнейшая конструктивная роль при образовании форм времени индикатива принадлежит прежде всего деепричастиям, являющимся составными частями всех трех времен; 6) наиболее ограничено формообразование с участием инфинитива, на базе которого образуется лишь будущее основное; 7) структура времен во многом изоморфна, изоморфизм поддерживается прежде всего благодаря конструктивному деепричастию; в этом отношении наиболее близкими оказываются настоящее и прошедшее времена, которым противопоставлено будущее, ибо оно, во-первых, не способно включать в себя в качестве компонента причастие, во-вторых, образуется и на базе инфинитива (будущее основное) и, в-третьих, в основной своей разновидности носит характер отчетливой агглютинации; 8) каждое из времен выступает в виде разветвленной формальной и семантической подсистем, особенно выделяется в этом плане подсистема прошедшего времени; 9) с точки зрения выражения времени действия относительно момента речи все разнообразие форм индикатива представляется возможным разделить на три группы: а) формы, выражающие время действия абсолютно (настоящее конкретное, прошедшее результативное, прошедшее конкретное (частично), прошедшее перфективное и будущее основное); б) формы, выражающие время действия относительно другого времени (прошедшее повествовательное, прошедшее продолженное, прошедшее синкретическое, обозначающее настоящее в прошедшем, давнопрошедшее, преждепрошедшее, прошедшее синкретическое, обозначающее прошедшее в прошедшем, будущее синкретическое первое и второе); в) формы, выражающие время действия безотносительно к моменту речи или ко времени действия дру-

гого глагола; представляемые ими действия воспринимаются как постоянные признаки предметов и явлений (настоящее обобщенное, настоящее обобщенное прерывающееся, настоящее постоянное, прошедшее отдаленное, прошедшее отдаленное эпизодическое, прошедшее отдаленное однократное). Следует, однако, заметить, что границы между отмеченными тремя группами не абсолютны, среди них обнаруживаются некоторые формы, совмещающие в себе разные временные планы. К ним можно отнести, например, прошедшее конкретное и прошедшее перфективное.

В заключение общего обзора грамматической категории времени остановимся на некоторых принципиальных соображениях, касающихся определения сущности указанной категории и методики ее описания в языках разных систем. Хотя работ, посвященных глагольным категориям в разных языках, достаточно много, обобщающих исследований в этой области все еще не хватает. Однако некоторые опыты здесь уже сделаны. В частности, несомненный интерес представляет исследование Е.Куриловича[108], в котором автор предлагает, в противовес младограмматическим представлениям, новую интерпретацию категории времени в индоевропейских языках. В нем выводится универсальная схема описания видо-временных отношений глагола. Е.Курилович считает, что категории вида и времени имеют нечто объединяющее их - это понятие "совершенности". Поэтому "в случае так называемых "языков с видами" мы имеем дело не с принципиально отличными глагольными системами, а просто с системами, относительно менее развитыми... по сравнению с западноевропейскими"[109]. Отличается категория времени от категории вида, по Е.Куриловичу, тем, что в первой "совершенность" обязательно соотносится с моментом речи. Вообще-то "совершенность может одинаково относиться как к моменту речи, так и к какому-то моменту в прошлом"[110]. "Западноевропейские времена содержат два элемента - 1) вид, 2) вре-

[108]*Курилович Е.* Очерки по лингвистике, с. 141-155.
[109]Там же, с. 142.
[110]Там же.

менную веху, с которой соотносится вид... Истинным, конституирующим содержанием глагольных форм является вид. Понятие временной вехи присоединяется к нему почти так же, как артикль... присоединяется к символическому содержанию"[111]. Концепция Е.Куриловича исключает будущее из системы времен индикатива, поскольку "по сравнению с настоящим и прошедшим, выражающими действительность, будущее, обозначающее возможность, вероятность, ожидание и т.п., представляет собой *наклонение*. В качестве такового оно противопоставляется настоящему + прошедшему, взятым вместе"[112].

Правомерна попытка Е.Куриловича найти схему, которая позволила бы унифицировать методику описания видо-временных отношений в разных языках не только индоевропейской семьи. Единообразие методики исследования при этом оказывается естественным следствием, вытекающим из того предположения, что категории вида и времени в качестве важнейшего включают в себя понятие "совершенность". Рассмотренные выше материалы, относящиеся к морфологии глагола, как будто подтверждают практическое удобство схемы Е.Куриловича и верность его основного тезиса. В самом деле, противопоставление "совершенность:несовершенность" проходит через все времена индикатива, включая и будущее, которое, конечно, не может квалифицироваться как особое наклонение, будучи составной частью парадигматики индикатива. Однако в процессе выражения грамматического времени категории вида и времени настолько тесно переплетаются между собой, что практически трудно их расчленить. В образовании всех форм времени, кроме будущего основного, вырастающего на базе инфинитива, лишенного видовых значений, участвуют основы, с которыми связывается либо идея совершенности, либо же идея несовершенности, процессуальности или законченности действия. При этом "совершенность" может относиться не только к настоящему и к какому-то моменту прошлого, но также и к како-

---

[111]Там же.
[112]Там же, с. 143.

му-то моменту будущего (ср. будущие синкретические). Общая система видовых форм, по Е.Куриловичу,

Г =нейтральная

В = несовершенная β =совершенная

ɣ = сложная -

в агульском, где видовое противопоставление не проходит через все глагольные формы (см. об этом раздел "Виды глагола"), получает следующее воплощение -

Г = нейтральная (инфинитив)

В = несовершенная β = совершенная

r= сложная (причастие).

Введя, согласно Е.Куриловичу, понятие временного отношения в систему видовых форм, получаем обогащенную (синкретическую) систему видов и времен, которая в агульском приобретает следующий вид:

1 (nunc)

Г 1 = наст. обобщ.

Г 2 = наст. обобщен. прер.

β 1 = наст. конкретн.

β 2 = прош. результ.

ɣ 1 = наст. постоян.

β 1 = прош. перфект.

2 (tunc)

β 1 = прошедшее перфективное

β 2 = прош. результативн.

β 3 = прош. повествоват.

β 4 = давнопрошедшее

β 5 = преждепрошедшее

β 6 = прош. конкретн.

β 7 = прош. синкретич.

β 8 = прош. отдал. однокр.

β 9 = прош. отдаленное

В 2 = прош. повествоват.

В 3 = прош. продолженное

В 4 = прош. синкрет. (наст. в прош.)

ɣ 2= прош. отдаленное

3 (tunc 2)

Г 3 = будущее основное

В 5 = наст. в буд.

β 10 = прош. в будущем.

В схеме обращает на себя внимание β1,β2, которые попали одновременно в разные столбики, что соответствует их употреблению в живой речи, но в разных ее жанрах. Это во-первых. Во-вторых, в нашем случае оказались заполненными все позиции универсальной схемы Е.Куриловича, но составляющих (компонентов) самих позиций больше, и это естественно, ибо потенциальные возможности разных языков в выражении видо-временных отношений и их конкретные реализации глубоко индивидуальны и специфичны. В-третьих, включение будущего времени в состав индикатива, как это должно быть, принципиально ничего не меняет в системе Е.Куриловича. Наконец, в-четвертых, первое знакомство со схемой Е.Куриловича создает впечатление, что она в полном виде состоит из такого количества компонентов, которые распределяются симметрично. Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что реальным видо-временным системам практически чужда симметрия. Так, "среди западноевропейских языков системой, наиболее близкой к полной, располагает английский"[113]. Среди всех времен наибольшей детализацией и разветвленностью форм отличается прошедшее время, в рамках которого возможности хронологизации особенно велики.

Рассмотренной выше точке зрения, согласно которой категории вида и времени объединены общим содержанием - понятием "совершенности", но "истинным конституирующим содержанием глагольных форм является вид"[114], противопоставляют тезис "о независимости категории времени от категории вида"[115]. Однако при этом остается неясным, как понимать независимость: как отсутствие иерархической последовательности в смысловой структуре указанных категорий или как отсутствие связи между ними вообще.

---

[113]*Курилович Е.* Очерки по лингвистике, с. 145.

[114]Там же, с. 142.

[115]*Бунина И.К.* История глагольных времен в болгарском языке, с. 10.

Безусловно, категории вида и времени - автономные категории глагола, они специфичны как в плане выражения, так и в плане содержания. По-видимому, трудно говорить о зависимости одной из них от другой. Вместе с тем очевидно и то, что обе они служат средствами собственно грамматической датировки действий и состояний в потоке речи. В известной мере их объединяет единство функций. Но функционально они не повторяют друг друга, а взаимно дополняют. В этом смысле показательны данные тех языков, в которых категория вида находит свое выражение, реализацию в лично-временных формах глагола. Неличные формы, нейтральные в отношении времени, нейтральны и в отношении вида. Если с помощью категории времени "периоды действия делятся на прошедшие, настоящие и будущие по отношению к точке отсчета на оси времени"[116], то дальнейшая детализация этих периодов, квалификация действий по характеру их протекания в рамках того или иного времени достигается уже средствами вида. А это и есть подтверждение того, что категории вида и времени объединены в языке некоторым общим содержанием.

В целом формы времени в агульском языке носят отчетливо выраженный аналитический характер, на что исследователями уже обращалось внимание: все они образуются сочетанием основного глагола со вспомогательным. Вместе с тем нельзя не заметить и того, что в отдельных случаях вспомогательный глагол имеет тенденцию к утрате глагольности, превращаясь в своеобразные аффиксы.

Сослагательное наклонение образуется от инфинитива основного глагола при помощи вспомогательных глагольных форм прошедшего времени idi, iri, i, wuj: pas + idi (iri, i, wuj) = pasidi (pasiri, pasi, paswuj) - сказал бы; aḳas + iri (i, idi, wuj)= aḳasiri (aḳasi, aḳasidi, aḳaswuj) - сделал бы; liḳes + iri (i, idi, wuj) = liḳesiri (liḳesi, liḳesidi, liḳeswuj) - написал бы. В сослагательном наклонении между высказыванием и действительностью нет прямого соответствия. Чаще всего оно реализуется в частном значении делиберативности, является спосо-

---

[116]Там же, с. 25.

бом выражения раздумья, размышления, анализа, связанного с уже свершившимися событиями, результаты которых не устраивают говорящего, и он воспроизводит прошлое, устанавливая между его событиями иные связи и отношения и гипотетически соотнеся их с действительностью. Отсюда непосредственная связь сослагательного наклонения с условным, проявляющаяся и в том, что они функционируют параллельно в рамках контекста одной или сходной модальности. Как правило, формы сослагательного наклонения выступают компонентами гипотетических строений, первая часть которых содержит условие, а вторая - обусловленное гипотетическое утверждение или отрицание, ср.: wun gis šab puničin, ge adesri - если бы ты его пригласил, он бы пришел. Но они функционируют и в составе простых предложений, если эти последние в рамках диалога либо более широкого контекста воспроизводят принципиальную схему сложноподчиненного предложения с условно-гипотетическими отношениями. Форма сослагательного наклонения, осложненная частицей xin, выражает размышление, раздумье с оттенком сожаления: Pasirixin, amma hujdawuj - сказал бы, но не знал. В некоторых говорах, чаще всего кошанского диалекта, иногда формы сослагательного наклонения и будущего основного изъявительного наклонения во внешнем звуковом оформлении совпадают. Например, лексемы aķasi, pasi могут быть поняты в зависимости от синтаксических условий употребления и как *сделаю, скажу* и как *сделал бы, сказал бы.*

Условное наклонение выражает разные значения в зависимости от синтаксических условий употребления. В самостоятельных предикативных единицах (не в составе сложного предложения) оно не встречается. Поэтому самое общее, потенциальное его значение можно было бы квалифицировать как выражение "нереальности (нереализованности) действия"[117]. Будучи употребленным в сложном предложении, оно указывает на действие, в зависимость от которого ставится осуществление другого действия: wun pušin, zura pase - если

[117] *Исаченко А.В.* Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология. Ч. 2. Братислава, 1960, с. 515.

ты скажешь, то и я скажу. Имея в виду образование форм условного наклонения, А.А.Магометов пишет: "В агульском языке ныне мы различаем формы условного наклонения органического и аналитического образования. Имеются две органические формы: условное настоящее общее и условное будущее. Различаются они между собой по тематическому гласному: а - для условного настоящего времени, и - для условного будущего времени. Условное накл. наст. общ. вр. xuraš (xurašin) - если читает. Условн. накл. будущ. вр. xuruš-(xurušin) - если прочтет"[118]. С этими утверждениями нельзя согласиться. Никаких аналитических форм условное наклонение в агульском не имеет. Аналитизм А.А.Магометов усматривает в построениях типа xurajačin, xurariašin, где части -ačin, -ašin трактуются как формы самостоятельного вспомогательного глагола в условном наклонении. Отдельно дается также образование форм условного наклонения от каждой временной формы, хотя для их дифференциации оснований нет, поскольку все они однотипны по структуре. Образование всех форм условного наклонения в агульском языке происходит по общему правилу: к формам индикатива прибавляются специфические форманты условного наклонения -šin, -čin, -ṭen. Ареал распространения каждого из них, однако, ограничен. В преобладающем большинстве говоров, относящихся как к собственно агульскому, так и к керенскому диалектам, находим -čin. -šin отмечается почти исключительно в буркиханском говоре, собственно кошанские же говоры характеризуются формантом -ten. Последний резко противопоставлен предыдущим как элемент, чуждый для традиционных агульских говоров. Возможность факультативных замен -šin, -čin, которая достаточно широко используется при общении между носителями соответствующих говоров (хотя подобные замены и не являются обязательными, ибо каждый из двух формантов воспринимается как не выходящий за рамки единой грамматической системы), совершенно исключена для -šin и -čin, с одной стороны, и -ṭen- с другой. Примеры форм условного наклонения: lixaj uj - работал - li-

[118]*Магометов А.А.* Агульский язык, с. 137-138.

xajujčin - если работал; lixaja - работает - lixajačin - если работает; lixase - будет работать - lixasičin - если поработает. С точки зрения семантики формы условного наклонения, образованные на базе настоящего и будущего времен индикатива, с одной стороны, и прошедшего времени - с другой, противостоят друг другу по тому, является ли выражаемое ими условие реальным или ирреальным: обозначение реального условия связано в основном с формами настоящего и будущего времен. Что же касается прошедшего времени, то оно выражает как реальное, так и ирреальное условие. При этом значение реального условия представляется теми формами, которые восходят к прошедшим, так или иначе ориентированным на настоящее, т.е. к прошедшему перфективному, прошедшему результативному и т.д. Значение ирреального условия оказывается закрепленным, таким образом, за формами условного наклонения, восходящими к прошедшим "несовершенным", характеризующим действие относительно не столько момента речи, сколько момента в прошедшем.

Повелительное наклонение служит для выражения побуждения, обращенного ко второму или третьему лицу. В зависимости от интонации говорящего, конситуации и других факторов общее значение побуждения может реализовываться как приказ, просьба, пожелание к совершению действия. Чаще всего императив бывает обращен ко второму лицу, однако может относиться и к третьему. Труднее охватывается императивностью лицо говорящее, которое к тому же выражает не чистое побуждение, а "исходящий от говорящего лица призыв к соучастию в действии, побуждение к совместному действию"[119].

Способы образования форм повелительного наклонения разнообразны.

Образование форм второго лица. Формы императива для 2-го лица ед. числа образуются по-разному от разных глаголов. Отчетливо противопоставлены прежде всего глаголы, оканчивающиеся в инфинитиве на -es и -as. Глаголы на -es в своем подавляющем большинстве образуют форму 2-го л. ед.

---

[119]*Виноградов В.В.* Русский язык, с. 594.

числа от той же основы безаффиксным способом, а также при помощи суффикса -е или его варианта -en, больше всего распространенного в собственно агульских говорах: lik̥es - писать - lik̥ - пиши; xik̥es - спрятаться - xik̥ - спрячься; ср.: k̥es - умереть - wik̥, jik̥ - умри, где в инфинитиве и повелительном наклонении выступают разные варианты одной и той же формообразующей основы.

От глаголов, оканчивающихся в инфинитиве на -as, формы императива образуются а) при помощи суффикса -е (-en): ak̥as - сделать - ak̥e (ak̥en) - сделай; ut̥as - есть - ut̥e (ut̥en) - ешь; б) безаффиксным способом: ɣurɣ as - разговаривать - ɣurɣ - разговаривай; uxas - пить - ux - пей; ik̥as - вложить - ik̥ - вложи; в) супплетивно: wes - идти - jax - иди; pas - сказать - up (jip) - скажи. Все три способа образования императива относятся к числу распространенных.

Для выражения вежливого императива употребляется частица sara, следующая непосредственно за глаголом (jax sara - иди, пожалуйста). В соединении с глагольной формой aɣ araj, aɣ aj - *говорю, говорят* повелительное наклонение реализует категорический приказ, исключающий возражение: jax aɣ araj was - иди, говорят тебе!

Форма 2 л. мн. числа указывает на то, что побуждение, исходящее от говорящего, относится к группе лиц. Образуется она от формы ед. числа при помощи суффикса -aj, который присоединяется к глаголам, оканчивающимся в инфинитиве на -as, и -ej, если инфинитив оканчивается на -es[120], напр.: ɣurɣ as - разговаривать - ɣurɣ , ɣurɣ aj - разговаривай, разговаривайте: pas - сказать - up, upaj - скажи, скажите; lik̥es - писать - lik̥, lik̥ej - пиши, пишите. Рассматривая подобные формы, А.А.Магометов пишет, что "в некоторых говорах в повелительном наклонении утрачен... суффикс множ. числа -aj"[121], и в подтверждение приводит иллюстрации из курагского говора (xur, ak̥e - читай, делай). Однако возможность употребления форм ед. числа при обращении ко многим ли-

---

[120]Ср.: *Магометов А.А.* Агульский язык, с. 140.
[121]Там же, с. 140-141.

цам не обязательно должна свидетельствовать об утрате суффикса или вообще формы мн. числа. Это один из вариантов употребления формы ед. числа, пусть и редкий, но все же допустимый при категорическом и грубом выражении приказа. Главное, дело в том, что нередко суффикс мн. числа может опускаться как плеоназм, если его значение факультативно выражается каким-либо другим словом, например, местоимением 2-го л. мн. числа čun: čun xur - вы читайте; čun l ik̥ - вы пишите; čun ak̥e - вы делайте. В системе форм 2-го л. мн. числа обращает на себя внимание то обстоятельство, что здесь идея множественности реализуется рядом элементов: а) ak̥e čun - сделайте вы, б) ak̥ewaj - сделайте, в) ak̥enaj - сделайте, г) ak̥e žžallaburi - сделайте все, д) ak̥e žžallaji - сделайте все, е) ak̥enaj čun - сделайте вы и т.д. Каждый из членов данного ряда может употребляться вместо другого, но значение множественности, представляемое каждым членом, довольно специфично; кроме того, важно и то, что типизированное значение императива реализуется то одной единственной формой, то двумя параллельными формами и т.д. Примечательно также, что элемент waj свободно отделяется от глагольной формообразующей основы путем вставки между ними других слов, ср.: ak̥ewaj - *сделайте* и ak̥e ha waj - *сделайте, пожалуйста.* Это дает основание предположить, что waj по своему происхождению является, может быть, застывшей формой местоимения 2-го л. мн. числа. В современном языке он чаще всего функционирует в обрядовой народной поэзии - в плачах - в составе синтаксических структур, включающих в себя обращение. Отсюда следует, что суффикс 2-го л. мн.числа должен быть возведен к древнейшему местоимению.

Для выражения императива, обращенного к третьему лицу, имеется одна основная форма, являющаяся общей для ед. и мн. числа: ею А.А. Магометов считает образование со сложным суффиксом -uraj, присоединяющимся к корневому согласному формообразующей основы. Иногда первая часть суффикса (-ur-) реализуется, как полагает исследователь, в виде -ir-, что объясняется, по его мнению, фонетическим изме-

нением u > i, а > е в положении после [ķ][122]. Однако подобное изменение нельзя признать регулярным, обусловленным фонетическим законом, так как соседство [ķ] в принципе не влияет на фонетическую природу последующего звука, ср.: ķaz - шелковая пряжа, arčef - черный, ķandil - кадило и др. Кроме того, -u-, -i-, квалифицируемые А.А.Магометовым как компоненты сложного суффикса, в действительности относятся к производящей основе, ср.: aķas - сделать - aķu-ni - сделал; aķu-f - сделанный, сделавший, aķu-raj - пусть сделает, aķunišin - если бы сделал и т.д. И сам суффикс едва ли на современном этапе осознается как сложный. Следовательно, в образовании формы императива 3-го л. участвует простой суффикс -raj, сочетающийся с различными производящими основами совершенного вида: aķas - сделать - aķuraj - пусть сделает, uxas - пить - uxuraj - пусть пьет. Это синтетические формы императива для 3-го л.ед. и мн. числа. Императив, адресованный третьему лицу, образуется и аналитически: сочетанием синтетической формы императива того же лица с модальной частицей ate, генетически восходящей к глаголу atas - оставлять, разрешать: ate ušuraj - пусть идет. В этом случае императив лишается категоричности и приобретает значение разрешительного наклонения: лицо говорящее, в сущности, не выражает своей непосредственной воли, которая должна быть исполнена третьим лицом, а лишь соглашается, санкционирует реализацию воли самого третьего лица.

Формы императива 1-го лица указывают на то, что "говорящее лицо не только изъявляет свою волю собеседнику, но и само "включается" в действие"[123]. Они образуются аналитически - сочетанием глагольных форм повелительного наклонения в ед. и мн. числе šab, šabaj с инфинитивом основного глагола. В сочетании šab, šabaj, по своему происхождению являющимися лексемами глагола wes в императиве[124], сох-

---

[122]Там же, с. 142.

[123]*Виноградов В.В.* Русский язык, с. 594.

[124]Глагол wes имеет две формы повелительного наклонения, образуемые супплетивно: форму jax для обозначения направления движения

раняется лишь модальное значение намерения совершить действие, приглашения к участию в осуществлении действия, названного в инфинитиве: šab pas - давай скажем, šab liķes - давай напишем. Приглашение, адресованное множеству лиц, куда входит и сам говорящий, оформляется с помощью формы 2-го л. мн. числа: šabaj liķes -давайте писать (напишем), šabaj xuras - давайте читать (почитаем). Впрочем, та же множественность может реализовываться путем присоединения форманта waj, naj к инфинитиву: šab liķeswaj - давайте напишем. Для выражения императива, адресованного грамматическому первому лицу, инфинитив, кроме šab, šabaj, может сочетаться и с такими компонентами, как ha, hawaj, diw, diwaj: ha (hawaj) wes - давайте пойдем.

Все формы императива, рассмотренные выше, составляют активную глагольную систему.

Долженствовательное наклонение. Сопоставим следующие две группы сочетаний слов: 1. Me ķiž xurubanf ej - Это письмо должно быть прочитано. 2. Me kar a̓ķubanf ej - Это дело должно быть сделано и 1. Me ķiž dadanf i - Это письмо - отца. 2. Me kar xalķdinf i - Это дело - народа.

Синтаксически сочетания обеих групп тождественны между собой, представляют двусоставные предложения, состоящие из одинакового количества членов. Синтаксическая однотипность поддерживается однотипностью морфологического выражения членов предложения: каждое из построений включает в себя подлежащее, выраженное именем существительным в именительном падеже, определение, представленное указательным местоимением, и именное составное сказуемое, именная часть которого, будучи оформленной совершенно одинаково, в первых двух примерах выражена причастиями, в последующих - прилагательными. Конструкции первой группы противостоят конструкциям второй группы не только по морфологической природе именных частей сказуемых: они глубоко различны и в плане функцио-

---

от говорящего, форму šab - для обозначения направления движения к говорящему.

нальном. Если в примерах первой группы называются предметы, которые должны быть подвергнуты действию, обозначенному в именной части сказуемого, то в примерах второй группы те же предметы характеризуются с точки зрения их принадлежности лицу или предмету, также названному в именной части сказуемого. Иными словами: в первой группе реализуются модальные отношения долженствования, дебитивности, а во второй - отношения посессивные. Коренные различия между конструкциями отмеченных групп еще отчетливее проявляются в процессе трансформации их в функционально однотипные структуры, грамматически организованные не так, как исходные: первые два построения преобразуются в предложения со сказуемыми, состоящими исключительно из глагольных лексем, последние два - в предложения со сказуемыми, состоящими из именных (в основной части) и глагольных (во вспомогательной части) лексем. Эти разные возможности трансформироваться в структуры иного типа, которыми располагают рассматриваемые предложения, есть выражение принципиальных различий между ними[125].

Таким образом, долженствовательное наклонение образуется формами некоторых косвенных падежей отглагольных существительных, а именно: 1) формами род. пад. ед. и мн. числа при помощи суффикса прилагательного -f: Me kar ak̤ubanf ej - Это дело, которое должно быть сделано; 2) формами локатива на -l в сочетании с формами времени глагола alx'as - находиться на...: Рич. Me kar ak̤ubalaldi - Дело, которое должно быть сделано. Оба способа образования долженствовательного наклонения активны.

Долженствовательное наклонение обладает системой форм времени, причем временные значения, как и во всех других случаях, выражаются вспомогательными глаголами, ср.: Me kar ak̤ubanf ej; Me ak̤ubanf ij; Me kar ak̤ubanf x'unaa - Это дело, которое должно быть (должно было быть) сделано. Действие в долженствовательном наклонении соотносится, как правило, лишь с настоящим и прошедшим временами,

---

[125]Ср.: *Магометов А.А.* Агульский язык, с. 143.

лишенными, однако, той детализации, которая отмечалась в соответствующих временах индикатива.

В имеющейся специальной литературе пока не ставились вопросы, касающиеся генезиса рассматриваемого наклонения. Между тем, предварительно не решив их, трудно говорить о путях формирования ряда глагольных категорий, а также о взаимоотношениях между именными и глагольными категориями в процессе исторического движения языка. Уже сам способ образования форм долженствовательного наклонения в известной мере наводит на мысль об их генезисе. Известно, что одна из важнейших функций родительного падежа - это выражение отношения принадлежности, однако реализуется эта функция лишь тогда, когда в род. падеже выступает любое существительное, кроме отглагольного, напр.: dadan kitab - книга отца. В этом случае выражены синтаксические отношения между словами, называющими реально существующие предметы, поэтому сами отношения тоже мыслятся как реальные. Нечто иное представлено в следующих сочетаниях: xuruban kitab (отношение не специализировано) и kitab xurubanf ej - книга, которую надо прочитать. Слово, обозначающее предмет в им. пад., сочетается со словом в род. пад., которое обозначает не предмет, как это было в конструкции типа dadan kitab - книга отца, а предметность, т.е. нечто фиктивное, не существующее как предмет. Существительное с конкретным значением оказывается по условиям синтаксического употребления как бы предназначенным для существительного абстрактно-действенной семантики. Следовательно, модальное отношение долженствования складывается на основе отношения принадлежности и исторически ориентировано на него. Иными словами, долженствовательное наклонение исторически связано с переосмыслением так называемых масдарных форм, вовлеченных в область посессивно-предикативных отношений.

Не менее интересна и история второй разновидности долженствовательного наклонения, генетически восходящей к локативу на -l в сочетании со вспомогательным глаголом al-x'as - находиться на... Первичное значение локатива на -l - это указание на то, что один предмет находится на поверх-

ности другого: ɣwan žžilil aldiuj - камень находился (лежал) на земле; kitabar ustulil aldia - книги на столе. Однако в зависимости от особенностей организации предложения, от лексико-грамматического своеобразия сочетающихся в нем слов это первоначальное значение может трансформироваться в ряд других. Вторая разновидность долженствовательного наклонения и представляет собой результат преобразования и перерождения именной формы в глагольную в процессе постепенного внедрения ее в сферу глагольности. Этому могли способствовать, по крайней мере, два фактора: а) подкласс слов в локативе на -l, ставших элементами структуры долженствовательного наклонения, никогда не выражал прямого, предметного значения, представляя отвлеченные действия, и тем самым противостоял в рамках того же падежа существительным с предметным значением; б) постоянство употребления тех же слов с одним и тем же глаголом alx'as в его конкретно-временных формах привело к тому, что со временем формы, генетически восходящие к глаголу и имени существительному, контаминируются и начинают восприниматься как единая форма глагольного наклонения. Ср. следующие конструкции: 1) čin xulaɣ il aldiaja - мы на крыше; 2) kitab ustulil aldiaja - книга на столе; 3) čin ušubal aldiaja - нам необходимо идти; 4) kitab xurubal aldiaja - книгу надо прочитать.

В первых двух случаях формы локатива на -l обозначают место действия сказуемых и выполняют тем самым обстоятельственную функцию. Те же формы в сочетании с некоторыми тематическими группами слов, являющимися наименованиями помещений, учреждений, создают синтаксическую омонимию. Так, выражение ge kulubil aldiuj может быть истолковано двояко: а) Он находился на крыше клуба и б) Он заведовал клубом. В том и другом случаях аналогичные конструкции противостоят тем, которые даны выше под номерами 3), 4), где падежная и глагольная формы реализуют не два отдельных значения, а представляют собою единую конструкцию с принципиально иным назначением: это морфологический способ выражения модальности долженствования. Характерно, что и здесь компонент долженствовательного наклонения восходит к отвлеченному имени действия, которое

сливается с глаголом alx'as - находиться на... Разумеется, ни одна из этимологических форм долженствовательного наклонения - ни именная, ни глагольная - не сохраняет их первоначальных значений. Таким образом, долженствовательное наклонение возникает на базе именных, восходящих к генетиву и локативу на -l, и глагольных форм, утративших исконно свойственные им функции и трансформировавшихся в самостоятельную глагольную категорию.

Запретительное наклонение. Исследователи агульского языка обычно не выделяют запретительного наклонения, включая его в парадигму повелительного наклонения[126]. При этом говорят о двух формах императива: утвердительной и запретительной. Однако такая оценка остается неаргументированной. Прежде всего нельзя не считать неудачными сами терминологические обозначения - утвердительная и отрицательная формы повелительного наклонения. Повелительное наклонение - это морфологический способ выражения побуждения, противопоставляемого таким семантико-грамматическим понятиям, как суждение и вопрос. Собственно побуждение вряд ли может быть утвердительным. Утверждение предполагает "указание формально-синтаксическими средствами на то, что связь, устанавливаемая между элементами высказывания, существует реально"[127]. Поэтому естественно выделение утвердительных и отрицательных типов среди предложений, выражающих суждение. Побудительные же предложения не содержат суждения, следовательно, они не могут быть утвердительными. Кроме того, запретительные формы - это формы, реализующие не побуждение, а запрет. Они по функциям и внешне не только отличаются от форм повелительного наклонения, но и противостоят последним, образуя самостоятельное наклонение - прохибитив (запретительное наклонение).

Формы запретительного наклонения образуются неодинаково от разных групп глаголов. Прежде всего различаются

---

[126]Там же, с. 140-141.

[127]*Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1957. С. 490.

ряды форм 2 и 3-го лица ед. и мн. числа. В качестве дифференциальных признаков здесь выступают префиксальные и суффиксальные элементы глаголов.

Общим для всех форм 2-го лица ед. числа выступает препозитивная морфема ma-, присоединяемая к основам глаголов, и суффикс -a, характерный для подавляющего большинства глаголов: aḳas - делать - marḳa (maḳa) - не делай; xas - принести - maxa - не приноси. У некоторых глаголов вместо суффикса -a выступает суффикс -e, являющийся результатом фонетических изменений в истории языка, ср.: liḳes - писать - maliḳe - не пиши; ḳes - умереть - malüḳe - не умирай. Нередко прохибитив образуется супплетивно: те же грамматические показатели присоединяются не к исходной, а к другой основе: pas - сказать - maɣa - не говори. Препозитивная морфема прохибитива функционирует в виде m-, когда присоединяется к основам, начинающимся на гласную фонему: uxas - пить - muxa - не пей; uqas - бежать - muqa - не беги.

Самостоятельного рассмотрения требует образование прохибитива от префиксальных глаголов. Своеобразие здесь состоит в том, что префиксальный глагол оказывается проницаемым для негативного префикса, который, производя запретительную форму, вклинивается между превербом и корневой частью. Тем самым один и тот же звуковой комплекс с одной и той же функцией (выражение отрицания, запрета) выступает одновременно и как префикс, и как инфикс, ср.: alattiwas - снять с... - almattiwa - не снимай. Возможность инноваций типа malattiwa - *не снимай* вместо обычного для всех говоров almattiwa не меняет общей картины, хотя и свидетельствует о том, что в языке имеется тенденция к унифицированию способов образования всех форм прохибитива по закону аналогии: производить прохибитив однотипно от всех глаголов по образцу бесприставочных.

Обращение к данным других лезгинских языков показывает, что в каждом из них запретительное наклонение оформляется по-своему, хотя это не исключает общих моментов в эволюции системы наклонений в языковой группе в целом. Так, в агульском и табасаранском языках обнаруживаются

принципиальные совпадения: формант прохибитива один и тот же; заметна тенденция к унификации способов образования прохибитива. Вместе с тем табасаранский язык отличается от агульского тем, что в нем (в части его говоров) препозиция аффикса прохибитива независимо от производности/непроизводности глагольной основы нормативна[128]. Иначе обстоит дело в лезгинском, в котором прохибитивный формант mir (mijir, ijimir) постпозитивен по отношению к глагольной основе и даже может быть формально равнозначным отдельному полузнаменательному слову, ср.: fin - идти - fimir - не ходи, fin ijimir (mijir) - не ходи. Последние две формы можно квалифицировать, по-видимому, как аналитические. Подобные формы встречаются не только в собственно лезгинском, но и в других языках лезгинской группы.

Формы 2-го лица мн. числа в запретительном наклонении, как и в повелительном, образуются от форм 2-го лица ед. числа посредством суффикса мн. числа -aj (-naj, -waj), напр.: malike (maliken) - не пиши - malikenaj (malikenwaj) - не пишите. По тому же правилу проходят и формы производных глаголов. Суффиксы мн. числа здесь те же, что и в повелительном наклонении.

Формы 3-го лица ед. и мн. числа обозначают запрет, адресованный лицу или лицам, не являющимся участниками речевого акта. Образуются они одинаково для ед. и мн. числа: путем присоединения к формообразующей основе (к основе повелительного наклонения) глагола префикса, а в производных глагольных основах - инфикса da- (du-, di- и т.д.): puraj - пусть скажет! - dapuraj - пусть не скажет!; xururaj - пусть читает! - daxururaj - пусть не читает!; alattiwuraj - пусть снимет! - aldattiwuraj - пусть не снимает! Как видно из примеров, форма 3-го лица запретительного наклонения в префиксальной части использует аффикс с отрицательной семантикой, кото-

[128] *Магометов А.А.* Табасаранский язык. Тбилиси, 1965. С. 310.

рый в разных фонетических вариантах в роли отрицания фигурирует во всех лезгинских языках[129].

Предостерегательное наклонение. Это морфологический способ выражения модального значения предостережения от совершения определенных действий, обращенного ко 2 или 3-му лицу. Форма предостерегательного наклонения - одна для всех лиц в ед. и мн. числе. Образуется она от формообразующей основы инфинитива при помощи префикса, а в производных глаголах - инфикса, da- в соединении с особой, предостерегательной, интонацией[130]: pas - сказать - dapas! - примерно: смотри, чтоб не проговориться!; wes - идти - (ge) dawes! - чтоб он не пошел! Префикс da- переносит значение всей глагольной формы в негативный план, однако это не отрицательная форма инфинитива, противопоставленная его положительной форме, а самостоятельное грамматическое образование, выражающее в сочетании с особой интонацией отдельный тип модальных отношений. Интересно, что значение предостережения реализуется не только по адресу 2 и 3-го лиц, но и инклюзива, ср.: x'in dapas! - Чтоб нам не проговориться!

Для усиления значения предостережения используются эмфатические частицы wari и ha. Первая употребляется как в препозиции, так и в постпозиции по отношению к основной форме, вторая - только в постпозиции: wari dapas! Dapas wari! Dapas ha! - Чтоб не проговориться ни в коем случае! Нередко в рамках одной формы объединяются обе частицы.

Формы предостерегательного наклонения одинаково активны в строе как простого, так и сложного предложений.

Предположительное (гипотетическое) наклонение. С помощью форм гипотетического наклонения глагольные действия, состояния переводятся в план предполагаемых с точки зрения говорящего. Образуются они на базе индикатива

---

[129]См.: *Услар П.К.* Кюринский язык. Тифлис, 1896. С. 177; Он же. Этнография Кавказа. Языкознание. Вып. 7. Табасаранский язык. Тбилиси, 1979; *Дирр А.* Агульский язык, с. 55.

[130]*Тарланов З.К.*, *Магометов А.А.* Агульский язык (рец.) // Вопросы языкознания. 1972. № 2. С. 143.

посредством суффикса -han[131]: Gur xala ahan? - (Интересно)дома ли они? Интонация предложений с формами этого наклонения - вопросительная, но сами подобные предложения не содержат вопроса, кому-то адресованного и требующего ответа, а составляют принадлежность речи, построенной в манере размышления, сомнения. Это способ выражения мысли, в реальности которой говорящий сомневается.

Для выражения неуверенного предположения употребляется и вторая форма, которая образуется от основ совершенного и несовершенного видов с помощью суффикса -tehere (tehari): Ti aɣ atehere - Он, наверное (по-видимому, может быть), говорит. А.А.Магометов считает такие образования описательными формами, состоящими из причастия и "деепричастия вспомогательного глагола о суффиксом..."[132], с чем едва ли можно согласиться, поскольку с точки зрения современного состояния языка -tehere(и его фонетические варианты)- это морфема, ничего общего не имеющая с деепричастием или какой-либо иной глагольной формой. Это подтверждается, в частности, тем, что указанная форма лишена способности функционировать самостоятельно, вне сочетания с полнозначными глагольными основами. Более того, по-видимому, в ее составе и исторически не было деепричастия, ибо она этимологически восходит к сочетанию существительного teher - *положение, состояние* со вспомогательным глаголом e, i - *есть,* которое, регулярно употребляясь с глагольной полнозначной основой и в одних и тех же синтаксических условиях, утрачивает свое первоначальное значение и трансформируется в один из глагольных формантов - в суффикс, выражающий предположение. То же модальное значение, но соотнесенное с прошедшим временем, реализуется посредством форманта -teheriri: Ti aɣ ateheriri - Он, может быть, говорил.

Наконец, последний компонент предположительного наклонения - это форма, включающая в себя деепричастие настоящего или прошедшего времени основного глагола, при-

---

[131]Там же.

[132]*Магометов А.А.* Агульский язык, с. 155.

частие тех же времен и связочный элемент x'ase, генетически восходящий к модальному глаголу x'as - мочь: Ge wej ax'ase - Он, может быть, идет; Ge adina x'ase - Он, может быть, вернулся.

Все приведенные формы предположительного наклонения являются живыми и активно действующими. Общее значение предположения каждая из них представляет по-своему: одни реализуют его в виде сосредоточенного размышления, другие- с оттенком неуверенности, третьи совмещают с ним значение возможности, вероятности и т.д.

Волюнтатив. Совершенно обособленно среди других наклонений стоит волюнтатив - способ выражения ответной воли лица, которому был адресован императив или запрет. Тем самым волюнтатив ближе всего примыкает к императиву и прохибитиву, кардинально отличаясь от последних, однако, как в плане выражения, так и в плане содержания. С содержательной стороны это антипод императива и прохибитива.

Волюнтатив имеет положительную и отрицательную формы, противопоставленные соответственно формам императива (реакция на императив реализуется в отрицательной форме) и прохибитива (реакция на прохибитив оформляется в полном противоречии с предписанием), ср.: xur! - читай! - daxura! (волюнт.) - не буду, не стану читать! (отдаленный аналог); maxura! - не читай! (прохибит.) - xura! (волюнт.) - буду, стану читать! (очень приблизительно). Функциональная связь волюнтатива с императивом и прохибитивом поддерживается и структурно-грамматически: их можно квалифицировать как соотносительные морфологические категории.

Как уже отмечалось, положительная форма волюнтатива соотносительна с прохибитивом, однако в отличие от последнего, адресуемого только второму лицу, она не обращена к какому бы то ни было лицу, а лишь выражает твердую волю, намерение самого говорящего осуществить то действие, на которое накладывается запрет. Она полярна прохибитиву, это, так сказать, наклонения-антонимы. Структурно положительная форма волюнтатива равна форме прохибитива без прохибитивного префикса ma-, т.е. она образуется от той же

производящей основы, что и прохибитив, посредством тех же грамматических средств, правда, выполняющих роль омонимов, ср.: muxa! - не пей! (прохибит.) - uxa! - буду, стану пить! (волюнтат.); murț a! - не ешь! - urț a! - буду, стану есть!

Отрицательная форма волюнтатива соотносительна с императивом: она выражает реакцию, противоположную той, которая предписывалась императивом: ɣ uze! - стой! (императ.) - daɣ uza! - не буду, не стану останавливаться! (волюнтат.). Образуется она префиксально-суффиксальным способом: а) префиксом da- в сочетании с суффиксом -a (от глаголов, оканчивающихся в инфинитиве на -as): uqas - бежать - duqa! - не буду, не стану бежать!; б) префиксом da- в сочетании с суффиксом -e (-en) - соотношение, которое отмечается у глаголов, оканчивающихся в инфинитиве на -es: sual jes - спросить - sual dajiçen.- не стану спрашивать!; в) префикса da- в сочетании с супплетивизмом: uț as - есть - da'el! - не стану есть!

Обзор формообразования прохибитива и волюнтатива выдвигает вопрос о направлениях специализации отрицательных префиксов и инфиксов, вступающих между собой в отношение противоположения. Прежде всего следует отметить оппозицию ma-:da-, в которой префикс ma- (как и инфикс -ma-) отличается монофункциональностью, являясь формантом только 2-го лица запретительного наклонения. В противовес ему аффикс da- полифункционален и может быть компонентом структуры 1 и 3-го лица. В свою очередь аффикс da-, образующий форму 3-го лица прохибитива, противостоит омонимичному аффиксу, составляющему форму 1-го лица волюнтатива не только по значению, но и формально-грамматически: первый всегда сочетается в суффиксальной части с -aj, последний - либо с суффиксом -a, либо с -e (-en), либо с супплетивной основой.

Желательное наклонение представляет то или иное действие как желательное с точки зрения говорящего. Оно не имеет форм изменения по временам, лицам и числам. Образуется аналитически путем соединения деепричастия и (или) инфинитива с полузнаменательными словами, обозначающи-

ми желание: 1) оптативная частица ha' + инфинитив: Ha' pas! - Если бы сказал! Частица обычно предшествует инфинитиву, хотя постпозиция для нее не является принципиально недопустимой, ср.: Ha' wes! Wes ha'! - Если бы пойти!; 2) частицы отглагольного происхождения qandiri (qanihan) + инфинитив или деепричастие настоящего и прошедшего времени: Pas qandiri - Хотелось бы сказать; Aɣ ari qandiri - Желательно было бы, чтобы говорил; Puna qandiri - Желательно было бы, чтобы сказал; в буркиханском и некоторых других говорах нередко вместо qandiri выступает его вариант qani, известный главным образом в устных поэтических произведениях; и здесь формант оптатива характеризуется тенденцией к позиционной закрепленности: он обычно следует за глагольной формой, но может и предшествовать последней, особенно в строе сложного предложения; 3)для выражения желания используется сочетание частицы qanihan с инфинитивом или деепричастием прошедшего времени: qanihan wes! - Если бы пойти! qanihan ušuna! - если бы пошел! Частица qanihan достаточно свободно перемещается в предложении, занимая постпозицию или препозицию по отношению к инфинитиву или деепричастию.

Допустительное наклонение (пермиссив) представляет такое глагольное действие, которое вступает с другим действием в отношение обратной обусловленности, это так называемое уступительное наклонение[133]. Образуется оно, как и другие глагольные формы, аналитически: путем соединения причастной или деепричастной основы с частицей (утвердительной) x'uraj (x'uru) - *ладно, пусть,* генетически восходящей к форме третьего лица повелительного наклонения: Ušuf x'uraj ge - Хотя он и пойдет... Пермиссив употребляется и в простом, и в сложном предложениях, однако в качестве основной синтаксической "среды" для него выступает сложное предложение с отношением обратной обусловленности.

Сказательное наклонение. В агульском языке есть еще одна глагольная конструкция, назначение и грамматическая

---

[133] *Марузо Ж.* Словарь лингвистических терминов / Пер. с франц. М., 1960. С. 209.

природа которой в специальной литературе не описаны и не осмыслены. Имеются в виду построения типа Dada gedajis učihdi ruķ (ruķen) punaa - Отец предложил сыну прийти к нему. Подобные конструкции включают в себя, по крайней мере, два постоянных компонента - это глагол речи pas - сказать, употребленный в индикативе или редко - в ином наклонении, и любой другой глагол в повелительном наклонении (в нашем случае это ruķ, ruķen - прибудь). Они в рамках завершенной синтаксической структуры соединяются с именными формами в эргативном (dada) и дательном (gedajis) падежах. При этом оказывается, что в плане выражения логических отношений обе глагольные формы обнаруживают одностороннюю зависимость от эргативного падежа, хотя характер отношения каждой из них к последнему неодинаков: глагол в повелительном наклонении - это то самое действие, к совершению либо несовершению которого направлена воля лица (предмета), стоящего в эргативном падеже; что это именно так, что императивная глагольная форма внутренне спроецирована на эргативный падеж, мы узнаем по глаголу речи, соотносящему действие императива, с одной стороны, с лицом, по чьей воле оно должно или не должно быть совершено, и, с другой - с лицом (в дат. пад.), которому надлежит совершить это действие. С помощью формы глагола речи говорящий воспроизводит, передает волю другого лица (в эргат. пад.), которая мыслится в различных временных и модальных планах. Весь этот комплекс значений и относится к содержанию сказательного наклонения. Таким образом, с помощью сказательного наклонения говорящий выражает волю лица, не участвующего в акте речи, а также объективированную волю самого говорящего: Me'elimdi čas heme kitab xur puni - Учитель велел нам прочитать эту книгу; Zun čwas heme kitab xur puni - Я вам велел прочитать эту книгу.

Оформляется сказательное наклонение, как уже указывалось, аналитически: сочетанием форм 2-го лица императива или прохибитива с глаголом pas - *сказать* в разных его формах. Изменяется лишь глагол речи, а императивные или прохибитивные формы при этом остаются неизменными.

Конструкция сказательного наклонения по своему содержанию примыкает к каузативной конструкции, с одной стороны, и к конструкции с прямой речью - с другой. С каузативной структурой ее сближает то, что она имеет в своем составе переходный глагол, зависящий от эргативного падежа, аналогичный каузативному глаголу, соотнесенному с именительным падежом, но в отличие от него глагол в сказательном наклонении лишен соотносительной падежной формы и соединяется с императивом. Построение со сказательным наклонением несводимо и к конструкции с прямой речью, хотя оно и включает в себя форму повелительного наклонения, прямо выражающего волю лица, не участвующего в акте речи: дело в том, что глагол речи и форма императива (либо прохибитива) образуют одну синтагму, чего нельзя сказать об авторских словах и прямой речи в конструкции с прямой речью. В плане характеристики структуры сказательного наклонения, поскольку она является аналитической, важно отметить и то, в каком порядке располагаются составляющие ее части. Компоненты сказательного наклонения обычно придерживаются фиксированного порядка следования: императивная или запретительная форма неизменно предшествует глаголу речи, замыкающему предложение. Сами глагольные формы располагаются контактно. Случаи разрыва их, а также инверсивного размещения чрезвычайно редки и всегда производят впечатление искусственности.

Категория вида глагола. "Истинным, конституирующим содержанием глагольных форм", по Е.Куриловичу[134], следует считать вид. Идущее от младограмматического противопоставления языков, имеющих вид, языкам, выработавшим категорию времени (компенсирующую отсутствие видов), Е.Курилович объявляет "не соответствующим более методическим требованиям структурной лингвистики . В настоящее время, - продолжает он, - целесообразнее, видимо, рассматривать данное расхождение (между языками, имеющими вид и лишенными его. - З.Т.) как различие количественного порядка, основанное на большей или меньшей степени грам-

---

[134] *Курилович Е.* Очерки по лингвистике, с. 142.

матикализации определенных семантических признаков глагола"[135]. Эти замечания Е.Куриловича имеют принципиальное значение не только для исследователей, изучающих языки индоевропейского ареала. Нельзя не считаться с ними также и при изучении глагольных форм и категорий в языках иных генетических групп.

В кавказоведческой литературе, насколько нам известно, пока не делались попытки изучать видо-временные отношения глагола комплексно. Более того, в грамматических трудах категория вида и видовые формы обычно занимают подчиненное и второстепенное положение по отношению к формам временным. Сведения о виде носят характер небольших заметок, лишенных композиционной цельности.

А.А.Магометов констатирует различия в основах деепричастий настоящего и прошедшего времени в ряде говоров и находит в них "след утраченной категории аспекта"[136], хотя при этом не дает перечня говоров, где бы вид был утрачен, а лишь указывает, что "в речи аула Кураг деепричастия настоящего и прошедшего времен не различаются, но различие сохранилось в основах повелительной и запретительной форм"[137]. Утрата видовых различий в упомянутом говоре иллюстрируется формами diržžaj - *складывая* и diržžuna - *сложив*, в которых, по мнению автора, "не приходится говорить о различии вида"[138]. Здесь многое вызывает возражения. Во-первых, нет оснований говорить об утрате в агульском языке или отдельных его говорах видовых противопоставлений. Во-вторых, наблюдения над видовыми формами не могут быть объективными, если при этом не учитывать морфологических изменений, вызванных законом аналогии. И, в-третьих, нуждается в точном описании само видообразование.

Семантической основой категории вида считается, как известно, понятие совершенности/несовершенности, выражаю-

---

[135]Там же, с. 141.

[136]*Магометов А.А.* Агульский язык, с. 156.

[137]Там же, с. 157; см. также: *Магометов А.А.* Табасаранский язык, с. 195.

[138]Там же.

щее отношение действия к его внутреннему пределу. Согласно Е.Куриловичу, оно составляет семантическую базу не только категории вида, но и категории времени. Имея общее основание, эти две категории тем не менее отличаются друг от друга: "совершенность" в категории времени обязательно соотносится с моментом речи, а также с каким-либо моментом в прошлом[139].

Видовые значения в агульском выражаются противопоставлением глагольных основ, образующих бинарную оппозицию. Однако конструктивная роль отдельных частей основ при этом неодинакова: на первый план по функциональной значимости выходят определенные суффиксы, попарно противопоставленные друг другу в рамках соответствующих основ. Например, формы uč̣aria и uč̣unaa, имеющие общий инфинитив uč̣as - *заходить (о солнце),* представляют собой соответственно компоненты подсистем настоящего и прошедшего времен. Релевантными в них являются причастия настоящего и прошедшего времен - uč̣ari и uč̣una. Далее из них вычленяются основы несовершенного и совершенного видов uč̣a- и uč̣u-. Вернее, именно эти последние первичны и на их базе образуются все формы причастий и деепричастий, а также индикатива. Отсюда следует, что несовершенный и совершенный виды глагола противопоставлены друг другу прежде всего по суффиксам, причем эта противопоставленность нейтрализована в инфинитиве, в котором всегда представлена основа несовершенного вида. Деривационно видовые основы не связаны между собой, они соотносительны (так же, например, как русские видовые формы типа *решить/решать*). Основе несовершенного вида с суффиксом -а- соответствует u-основа совершенного вида[140]; основе с -е- - основа с суффиксом -i-, ср.: xiḳas - *закрыть на крючок* - xiḳari - *закрывая* / xiḳuna -*закрыв*; xiḳes -*прятаться* с - xiḳeri - *прячась* / xiḳina - *спрятавшись*. Кроме соответствующих суффиксов, нередко видовые различия выражаются ва-

[139]*Курилович Е.* Очерки по лингвистике, с. 142.

[140]Случаи типа diZas - сложить - diZari (dirZari) // diZina (a//i) немногочисленны и не меняют общей картины.

риантами основ (супплетивизмами или основами с наращением): pas - сказать, говорить - aɣ aj (aɣ ari) - говоря // puna - сказав; aḳas - делать, сделать - aḳaj (arḳari) - делая // aḳuna - сделав. Наращение -r-, имеющее место в некоторых основах деепричастий настоящего времени, нерелевантно в видовом отношении[141]. Оно, по-видимому, никогда не было функционально важным, ибо видовые различия актуализировались другими аффиксами; оно же в лучшем случае дублировало функции первых, становясь плеоназмом, ср.: aḳas - делать - aḳaj, arḳaj, arḳari - делая; xiḳas - закрывать наглухо - xiḳaj, xirḳaj, xirḳari - закрывая. При рассмотрении подобных фактов обращает на себя внимание одно обстоятельство: наращение основы элементом -r- отмечается, во-первых, только у деепричастий; во-вторых, сами эти деепричастия образованы посредством суффикса -ri. Это дает основание полагать, что появление -r- в основе деепричастия - это результат редупликации деепричастного суффикса, вызванной тенденцией к разграничению инфинитивной основы, иррелевантной в видовом отношении, и основы несовершенного вида. Косвенно такое объяснение подтверждается и тем, что генетически все современные суффиксы агульских деепричастий восходят к -di[142], следовательно, вторичны.

Важная особенность категории вида в агульском языке состоит в том, что она не универсальна, не всеобъемлюща в рамках глагольной системы. Инфинитив нейтрален в видовом отношении, как и основная форма будущего времени, образующаяся на базе инфинитива. Что же касается других форм глагола - причастий, деепричастий, парадигмы времени, то у них их видовые противопоставления выражены совершенно отчетливо. Нельзя не усмотреть в этом факте проявления глубокой связи между категориями вида и времени. Принадлежность к одному из двух видов - неотъемлемое свойство

---

[141]Ср.: *Шаумян Р.* Грамматический очерк агульского языка, с. 103; *Магометов А.А.* Агульский язык, С. 157; Он же. Табасаранский язык, с. 196.

[142]*Магометов А.А.* Агульский язык, с. 128. Между прочим, А.А.Магометов неправ, утверждая, что в глаголе alarx'as -r- того же происхождения, что и в глагольной форме arḳari - *делая.*

всякой темпоральной формы, включая причастия и деепричастия, играющие исключительно большую роль в семантико-грамматической системе индикатива.

Залог - одна из наименее разработанных в лингвистике глагольных категорий. Сущность и процедура описания его форм продолжают вызывать ожесточенные споры в теоретических грамматиках различных языков, в том числе и индоевропейских, которые изучаются давно и большими научными силами.

Способы передачи залоговых отношений в дагестанских языках еще даже не описаны хотя бы в первом приближении. Касающиеся их сведения весьма скромны и сбивчивы. То, что имеется в научной литературе, не систематизировано. Общее представление о состоянии разработки указанной проблематики в дагестанских лингвистических исследованиях дает, например, толкование термина *залог* в русско-дагестанских словарях. Так, в авторитетном русско-лезгинском словаре, составленном М.Гаджиевым, комментарий к нему ограничивается указанием на то, что это одна из форм глагола. В морфологических описаниях, а также в синтаксических исследованиях по дагестанским языкам, которые только-только стали появляться, категория залога пока не занимает подобающего ей места.

Сущность категории залога в современном теоретическом языкознании определяется противоречиво. Объем отношений, квалифицируемых как залоговые, не знает ясно очерченных границ. Но в общем можно сказать, что залог выражает отношение глагольного действия 1) к его субъекту и объекту[143]; 2) к объекту[144]; 3) к субъекту[145]; 4)субъекта действия к объекту[146]. Более широким и полнее охватываю-

---

[143]*Фортунатов Ф.Ф.* О залогах русского глагола // Изв. ОРЯС. Т. 6. Кн. 4. СПб, 1899; *Виноградов В.В.* Русский язык, с. 620.

[144]*Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. Т. 4. М.; Л., 1941. С. 200.

[145]*Марузо Ж.* Словарь лингвистических терминов, с. 106; *Исаченко А.В.* Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология. Ч. 2. С. 349.

[146]*Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов, с. 152.

щим сущность залога, по-видимому, должно быть признано первое из приведенных мнений.

Залог в агульском, как и в других дагестанских языках, не имеет особого морфологического выражения, что затрудняет не только теоретическое определение, но и практическое описание его как морфологической категории. В связи с этим представляется практически удобным попытаться описать отношения, подводимые под залоговые, в терминах "переходность/непереходность глагола", "личные/безличные формы глагола" и "актив/пассив", как это предлагал в свое время С.О.Карцевский[147].

Глаголы переходные и непереходные. Всестороннее и углубленное изучение переходных глаголов имеет важное теоретическое значение, ибо "проблема эргативной конструкции в конечном счете сводится к проблеме переходного глагола соответствующих языков. Теории эргативной конструкции являются теориями переходного глагола, его специфики. С тем или иным пониманием природы переходного глагола должно сочетаться толкование сущности эргативного падежа"[148].

Переходными, как известно, называются глаголы, сочетающиеся с падежом прямого объекта. Следовательно, категория переходности/непереходности - это не столько морфологическая, сколько морфолого-синтаксическая категория. Потенциальная способность или неспособность сочетаться с падежом прямого объекта составляет неотъемлемую часть семантико-грамматической структуры соответствующих глаголов. Падежом прямого объекта в агульском, как и в других языках эргативного строя, является именительный падеж. Такова традиционная установка кавказоведения, хотя в последнее время правильность ее ставится под сомнение. Не вдаваясь в анализ основных положений, высказанных по дан-

---

[147] *Karcevski S.* Systeme du verbe russ. Prague, 1927. P. 81.

[148] *Чикобава А.С.* Проблема эргативной конструкции в иберийско-кавказских языках (Основные вопросы ее истории и описательного анализа) // Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л., 1967. С. 12.

ному вопросу, отметим лишь, что природа именительного падежа в языках эргативного строя еще не может считаться до конца выявленной[149].

Приведем примеры переходных глаголов в контексте:Zun kitab xuraria - Я читаю книгу; Gedaji kar arķaja - Сын делает работу; Zun ķiž liķeja - Я пишу письмо. Если сопоставить синтаксические отношения между переходным глаголом и прямым объектом, например, в русском и агульском языках, то окажется, что в первом они неразрывны, неделимы, монолитны, чего нельзя утверждать относительно тех же отношений во втором. В русском языке один и тот же глагол в зависимости от наличия или отсутствия прямого объекта в винительном падеже может быть переходным или непереходным, ср.: Он читает книгу (переходн.); Он уже давно читает (непереходн.); Он лежит и читает (непереходн.). Ряд переходных глаголов без винительного прямого объекта вообще не употребляется, напр.: получить (письмо, место, деньги), вернуть (книгу, долг, убыток) и др.[150]. Иное дело в агульском, в котором переходность/непереходность глагола не зависит от наличия или отсутствия прямого объекта: в нем переходность определяется сочетаемостью глагола не столько с падежом прямого объекта, сколько с падежом эргативным. Эргативной формы достаточно, чтобы глагол был переходным, ибо синтаксическая связь между переходным глаголом и эргативной формой более тесная, чем между тем же глаголом и прямым объектом. Аналогично положение и в языках, близкородственных агульскому. Например, лезгинские конструкции *Ада ктаб кlелзава - Он (она) читает книгу* и *Ада кlелзава - Он (она) учится* синтаксически тождественны соответствующим агульским *Gi (gidi) kitab xuraja - Он (она) читает книгу, Gi (gidi) xuraja - Он (она) учится.* Исходя из этого, переходными можно было бы называть

---

[149]*Мещанинов И.И.* Основные грамматические формы эргативного строя предложения // Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л., 19657. С. 7-8.

[150]*Исаченко А.В.* Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким, с. 350.

глаголы, являющиеся сказуемыми к подлежащим в эргативном падеже. Однако эргатив, семантически всегда ясный, иногда формально не отличается от номинатива. Речь идет о следующих случаях: 1) о личных местоимениях 1 и 2-го лица ед. и мн. числа, у которых эргатив совпадает с номинативом (исключение составляют керенские говоры, выработавшие, подобно лезгинскому языку, особую форму для эргатива); 2) об именах собственных, оканчивающихся в номинативе на -i, совпадающем с окончанием эргатива (явление, отмечаемое только в некоторых говорах), ср.: бурких. Tamari ḳiž xuraria - Тамари читает письмо.

Непереходные глаголы, сочетаясь с субъектом в номинативе, характеризуют его с различных сторон. Действия их не переходят на объект и не могут соотноситься с эргативным падежом.

Активные и пассивные глаголы. Категория залога предполагает существование в языке определенным образом оформленных активных и пассивных значений. Сами по себе значения не создают залога, ибо "морфологическая категория... проявляется в системе формально выраженных противопоставлений (оппозиций)"[151].

Исследователи уже обращали внимание на то, что в агульском языке представлены и действительные и страдательные значения и что оба они выражаются одной и той же формой[152]. Тот факт, что указанные значения не знают раздельного оформления, не дает оснований говорить о залоге в агульском как сложившейся морфологической категории[153]. Вместе с тем пока нет также хотя бы приблизительного списка конструкций, в рамках которых реализуется значение страдательности, пассивности.

Известно, что значения пассивности активности в языках эргативного строя ставятся в зависимость от природы - хотя и по-разному понимаемой - самого эргативного сочетания

---

[151]Там же, с. 355.

[152]*Магометов А.А.* Агульский язык, с. 169.

[153]Это общее положение, касающееся иберийско-кавказских языков.

слов, в центр которого выдвигается переходный глагол. Сущность его опять-таки изучена недостаточно. Крупнейшие отечественные и зарубежные языковеды природу глагола в эргативной конструкции понимают различно: 1) П.Услар, Фр.Мюллер, Х.Шухардт, Н.Марр, частично И.И.Мещанинов отстаивают тезис о пассивности его; 2) Н.Финк, Н.Ф.Яковлев, С.Л.Быховская усматривают в переходном глаголе, следовательно, и в эргативной конструкции, лишь активное начало[154]; 3) по мнению А.С.Чикобава, "переходный глагол, не различающий системно залогов (действительного и страдательного), не может быть ни активным, ни пассивным"; "переходный глагол иберийско-кавказских языков индифферентен в отношении залогов"[155].

В последних своих работах И.И.Мещанинов предложил компромиссное решение проблемы. Он писал: "В эргативной конструкции используется субъект с придаваемым ему различным содержанием. Он передает вложенное в него содержание соответствующим членам предложения в образуемых ими синтаксических построениях. В них субъект действия выделяет подлежащее переходного предложения, получая в нем грамматическую форму активного или косвенного падежа. Субъект состояния выступает и в переходных и в непереходных, сохраняя в них грамматическую форму абсолютного падежа. В переходных им оформляется объект, передаваемый прямым дополнением. В непереходных им же оформляется подлежащее. Выступая прямым дополнением, субъект состояния сочетается с подлежащим, передающим объект действия. Таким образом, в переходном предложении оказываются оба субъекта - и действия и состояния"[156]. Анализ субъектно-объектных отношений в эргативной конструкции и специфики их связи с переходным глаголом, данный

---

[154]Подробнее см.: *Чикобава А.С.* Проблема эргативной конструкции в иберийско-кавказских языках, с. 22-27; Он же: Проблема эргативной конструкции в иберийско-кавказских языках. 2. Теории сущности эргативной конструкции. Тбилиси, 1961. С. 131-136.

[155]*Чикобава А.С.* Проблема эргативной конструкции в иберийско-кавказских языках, с. 27.

[156]*Мещанинов И.И.* Указ. соч., с. 215.

И.И.Мещаниновым, являясь вполне плодотворным, показывает, что индифферентность иберийско-кавказских языков в отношении залога не может считаться абсолютной.

Обратимся к следующему примеру: Me ḳiž ti xurunaa. Это эргативная конструкция, в которой ti - *он (она)* - форма эргатива, ḳiž - *письмо* - прямое дополнение, xurunaa - *прочитано* - переходный глагол в прошедшем результативном и me - *это* - определение к прямому дополнению в абсолютном падеже. С точки зрения современного языкового сознания, конструкция допускает двоякую трактовку, т.е. воспринимается и как активная - *Он прочитал это письмо,* и как пассивная - *Это письмо им прочитано.* Перед нами построение явно синкретического типа, способное, в силу его синкретичности, трансформироваться как в активную конструкцию, так и в пассивную. Абсолютно пассивное значение эргативной конструкции оказывается следствием устранения самой эргативной формы, с которой связано активное начало. Тут возникает вопрос: какова синтаксическая функция абсолютного падежа в конструкции с пассивным значением? В результате нейтрализации и устранения эргативной формы - субъекта действия на позицию синтаксического подлежащего выдвигается субъект состояния, который, в противоположность нейтрализованному, не действует, а лишь подвергается действию. Благодаря этому предложение Me ḳiž xurunaa - *Это письмо прочитано* не воспринимается как неполное: в нем основные синтаксические позиции - позиции подлежащего и сказуемого - заполнены. Это дает основание думать, что в эргативных языках отношения между субъектом и объектом носят не субординационный, а координационный характер: субъект и объект соотнесены со сказуемым параллельно. Другими словами: если в номинативных языках субъект и объект переходного глагола занимают позиции соответственно слева и справа от последнего, что является выражением отчетливо уловимой синтаксической иерархии между ними, то в эргативных языках оба они занимают позиции слева от переходного глагола, с которым они связываются автономно по смыслу и синтаксически. Схематически сказанное

можно изобразить так: номинативный тип S - Vf - O, эргативный тип S - O - Vf.

Итак, эргативная конструкция, особенно с устраненной эргативной формой, - один из способов реализации в языке пассивного (страдательного) значения. Наиболее ярко этот способ действует при наличии двух условий: а) при нейтрализации эргативной формы; б) если переходный глагол стоит в форме прошедшего результативного.

Печать пассивности лежит и на конструкции с дательным субъекта при глаголах чувствования: Zas x'ed qandi - Я хочу воды; čas kitabar qandiuj - Мы хотели (нам нужны были) книги. Значения пассивности/активности реализуются также причастными формами настоящего и прошедшего времен: Gi xuruf i - Он ученый; Kitab xuraf ej - Книга читаемая (подлежащая чтению); Aķuna aje lixun čef ej - Сделанная работа - наша. Из иллюстраций ясно, что пассивность/активность причастий, как и других глагольных форм, актуализируется исключительно синтаксически. Поэтому обзор способов выражения этих значений - задача синтаксиса.

Личные и безличные формы глагола. При рассмотрении индикатива уже отмечалось, что глагольные формы в агульском языке, как и в других лезгинских, образуются аналитически. Другая важная особенность агульского глагола - это его индифферентность по отношению к лицу и числу: одна и та же форма характеризует субъекты действий, представленные 1, 2 и 3-им лицом ед. и мн.числа. Следовательно, агульский глагол не спрягается по лицам и числам, изменяясь только по временам, что и составляет содержание спряжения в агульском. Личных собственно глагольных форм в нем нет. Отсюда ясно, что в нем нет и собственно безличных глаголов. Вместе с тем очевидно, что некоторые грамматические (синтаксические) конструкции находятся на пути к безличности (бессубъектности).

Известно, что в индоевропейских языках, в которых безличные предложения распространены достаточно широко, ядро синтаксической безличности образуют прежде всего безличные глаголы и безлично употребленные личные формы глагола. Что же составляет основу синтаксической безлич-

ности в агульском как, впрочем, и во многих других лезгинских языках? В них безличность утверждается как одно из следствий синтаксического сгущения некогда развернутых и вполне расчлененных структур, обозначавших и обозначающих состояния природы,ср.: 'Ekw weja - этимологически *свет идет;* Muç̌ weja - (тоже этимологически) *тьма идет.* Совершенно очевидно, что компоненты 'ekw и muç̌ в приведенных и аналогичных им конструкциях выполняли роль грамматических субъектов и были олицетворены, в силу чего конструкции в целом были образными. С потерей образности они лишились и статуса автономных составляющих предложения, которое, редуцируясь, само трансформируется в бессубъектную глагольную лексему, служащую для обозначения состояния природы, - 'ekw x'as - светать, muç̌ x'as - смеркаться. Так же обстоит дело и в других лезгинских языках, ср. в собственно лезгинском: экв жезва - светает, мичӀи жезва - смеркается. Таков один из основных путей становления безличности (бессубъектности) в лезгинских языках.

Общий обзор грамматических явлений, охватываемых понятием залога, показывает, что сами по себе залоговые отношения не чужды для агульского языка, но выражаются преимущественно синтаксически. Говоря о залоговых значениях, нельзя обойти вопрос о специфической группе глаголов, именуемых в лингвистике каузативными глаголами.

Каузативные глаголы. Природа и назначение каузативных глаголов не всегда и не всеми лингвистами определяются одинаково. О.С. Ахманова термин "каузативный" характеризует как "имеющий значение причины (повода) для действия (лат. kausa)"[157]. По Ж.Марузо, это "глагольная форма, способная выразить ту мысль, что субъект заставляет выполнять действие, а не действует сам"[158]. Определение Ж.Марузо вызвало критическое замечание А.И.Моисеева, с точки зрения которого, "субъект КГ является не только инициатором действия другого лица или предмета, но и действует

[157] *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов, с. 193-194.
[158] *Марузо Ж.* Словарь лингвистических терминов, с. 131.

сам"[159]. Однако трактовка указанного явления Ж.Марузо представляется более приемлемой, если иметь в виду собственно каузатив, а не конструкцию с причинно-следственными отношениями. Ряд авторов каузативными называет глаголы, которые могут выполнять роль связки КК (каузативной конструкции. - З.Т.)"[160]. В свою очередь каузативной "будет считаться любая конструкция, выражающая КС (каузативную ситуацию. - З.Т.)". "Непосредственно составляющими КС являются по меньшей мере две микроситуации, связанные между собой отношением каузации или причинения"[161]. Отношение каузации рассматривается как синоним причинно-следственного отношения[162].

Таким образом, каузатив трактуется двояко: либо как глагольная форма, которая указывает на то, что субъект выступает лишь инициатором действия, но сам не действует (Ж.Марузо), либо же как такая конструкция, составляющие части которой связаны между собой причинно-следственными отношениями. Оба подхода, на наш взгляд, могут быть приемлемы. Но они различны по целям, принципиально-теоретическим установкам, объему материала, который должен или может быть охвачен исследованием. Значит, они не могут не отличаться и по конечным результатам. Однако очевидно и то, что столь расширительное толкование каузатива, когда между отношениями каузативными и причинно-следственными ставится знак равенства, практически уводит исследователя в сторону от собственно каузатива и переводит в область широких синтаксических описаний. Поэтому в настоящей работе каузатив понимается в узком смысле слова.

---

[159]*Моисеев А.И.* Типы каузативных глаголов в современном русском языке // Вопросы грамматики. Программа и краткое содержание докладов на 13 научно-методической конференции Северо-Западного объединения кафедр русского языка, 27-29 января 1971 г. Л., 1971, с. 114-115.

[160]Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив / Под ред. А.А.Холодовича. Л., 1969.

[161]Там же, с. 6.

[162]Там же.

В агульском языке каузатив связан с функционированием глаголов xačikas - *предложить, вынудить, заставить* и ak̦as - *делать, сделать*, которые, соединяясь с другими глаголами, образуют аналитические каузативные формы. Оба они в реальных синтаксических сочетаниях обнаруживают семантическую близость между собой, в значительной степени утрачивая исконно свойственные им специфические лексические значения. Они обозначают каузирующие состояния. Хотя каждый из них вполне способен заменить другой, все же нельзя утверждать, что они функционально тождественны. Если отвлечься от иногда заметных оттенков лексических значений (действие-состояние, каузируемое глаголом ak̦as - *делать*, должно обязательно реализоваться, в то время как между каузирующим состоянием xačikas - *заставить* и каузируемым им состоянием нет такой связи), эти глаголы неравноценны по их синтаксической валентности: xačikas - *заставить* практически не знает ограничений, а ak̦as - *делать* употребляется главным образом в сочетании с переходными глаголами, а также и с некоторыми другими группами глаголов. Валентность последнего не безгранична.

Каузативная глагольная конструкция образуется сочетанием изменяемой формы каузативного глагола с другим глаголом-инфинитивом: Dada geda lixas xučikunej - Отец заставил сына работать. Каузатив тесно связан с категориями переходности глагола, с одной стороны, и эргативности - с другой. Поскольку глаголы xačikas - *заставить* и ak̦as -*делать*, составляющие основной стержень каузатива, являются переходными, то каузативная конструкция теоретически всегда должна быть эргативной: Dada geda uqas xučikuni, Dada geda uqas ak̦uni - Отец попросил сына побегать. Оба эти построения в принципе не отличаются друг от друга.

Глагол, обозначающий каузируемое состояние, фактически всегда предшествует глаголу, обозначающему каузирующее состояние, хотя в принципе обратный порядок и не является недопустимым. Что же касается слов, называющих логические субъекты глаголов в каузативной конструкции, то они располагаются свободно: агенс (субъект каузирующего действия-состояния) может предшествовать патиенсу (субъ-

екту каузируемого состояния или действия) либо следовать за ним, ср.: Geda dada uqas xučikuni - Сына отец побегать попросил. Но в любом случае имена, как правило, препозитивны по отношению к глаголам.

Субъект каузативного глагола стоит в эргативном падеже, а субъект каузируемого, если он переходный, может стоять и в именительном и в эргативном падежах; если же каузируемый глагол не переходный, то субъект его стоит только в именительном падеже.Каузируемый глагол в каузативной конструкции выступает исключительно в форме инфинитива.

К каузативным относится и глагол atas - *позволить, разрешить, допустить*, который отличается от рассмотренных выше модально-семантическими оттенками: он обозначает не принуждение, а согласие, допущение говорящим лицом того, что названо каузируемым глаголом.

Таким образом, в агульском языке три собственно каузативных глагола-связки: xačikas, aķas, atas. С их помощью выражаются разнообразные модально-синтаксические отношения, составляющие существенную часть залоговых отношений. Каузатив - это и есть один из отчетливо оформленных залогов агульского языка.

Основы глагола. Выделение глагольных основ - это проблема, которая, строго говоря, еще даже не ставилась в специальной литературе по лезгинским языкам. Не разработаны принципы их установления и систематизации, а без этого последовательно описать систему форм и формообразования глагола едва ли возможно, не говоря об удовлетворении потребностей типологических штудий.

В агульском языке явственно прослеживается противопоставленность прежде всего трех основ, функционально тесно связанных с индикативом: это, во-первых, основа, образующая формы настоящего, частично прошедшего и будущего времен; во-вторых, основа, образующая формы только прошедшего времени; и, в-третьих, основа, на базе которой образуется только будущее первое. Условно назовем их *основа-1*, *основа-2, основа-3.* Наибольшими конструктивными возможностями обладает *основа-1.* С ее помощью формиру-

ются все функционально-грамматические разновидности настоящего времени, прошедшего продолженного и будущего второго. Ее основное содержание - это обозначение действий и состояний, относящихся к одному из грамматических времен, но лишенных указания на внутренний предел, напр.: liķeja - пишет сейчас, liķejuj - писал тогда, liķejx'ase - (будущее, которому нет соответствия в русском). *Основа-2* образует только те формы прошедшего времени, которые представляют действие-состояние как законченное, внутренне локализованное, ср.: liķini - написал тогда, liķinauj - было написано тогда , liķinaa - написано. Наконец, *основа-3* занимает совершенно особое место, будучи нейтральной к самой идее внутреннего предела действия. Кроме инфинитива, она выступает в будущем первом: aķase - сделаю, x'ase - будет, xase - принесу.

Таким образом, семантической опорой для разграничения всех трех типов основ является выражаемое в них различное отношение к внутреннему пределу глагольного действия-состояния. Соответственно они отличаются и по внешнему оформлению, в котором, кроме специальных суффиксов, важную роль играют чередования звуков и супплетивизм: основы, содержащие указание на предел действия, включают в себя суффиксы -u-, -i- (последний мало распространен и встречается, как правило, тогда, когда в инфинитиве ему соответствует -e-, следующий за фонемой [ķ]: liķes - писать - liķinaj - написал; xiķes - спрятаться - xiķinaj - спрятался; ķes - умереть - ķinaj - умер; pas - сказать - punaj - сказал; uqas - бежать, побежать - uqunaj - побежал. Основы с суффиксами -u-, -i- соотносительны с основами, включающими в себя суффиксы -a- (uqas - бегать, uqari - бегая), -ü- (ķes - умирать- lüķüri - умирая), -e- в части говоров, относящихся к собственно агульскому диалекту (liķes - писать, записывать - liķej - записывая), и др. Для практического удобства рассматриваемые основы можно было бы называть a-основами, i-основами, ü-основами и т.д. В ряде случаев основы, семантика которых лишена указания на внутренний предел действия-состояния, кроме специализированных суффиксов, характеризуются та-

кже супплетивизмом, ср.: pas - сказать, говорить, - aɣ ari - говоря; ķes - умереть, умирать - lüķüri - умирая.

При сопоставлении отмеченных трех типов основ обнаруживается одно весьма интересное явление: а-основы, на базе которых образуются формы индикатива, представляющие действие-состояние, лишенное внутреннего предела, в подавляющем большинстве случаев осложняются компонентом -r, ср.: xaķas - рассказать, рассказывать - xarķari - рассказывая; xiķas - закрыть - xirķari - закрывая; axas - спать - arxari - засыпая; huķas - наклоняться - hurķari - наклоняясь. Эти и подобные им формы, однако, не являются единственно допустимыми. Наряду с ними достаточно свободно встречаются и основы без -r-, но они воспринимаются носителями языка как отклонения от нормы, как образования даже дефектные. Между прочим, любопытно, что ими изобилует обычно детская речь. Факт вариативности основ с компонентом -r- и без него свидетельствует о том, что они семантически не дифференцированы. Отсюда следует, что -r- не влияет на значение исходной основы. Но какова же его функция в таком случае? И как он появился? Эпентетический его характер представляется вполне очевидным: он мог быть результатом действия определенных фонетических условий, от которых зависели правила фонетической организации слова. Если иметь в виду, что эпентеза закреплена почти исключительно за формами с имперфективными значениями, образованными от основ деепричастий с суффиксом -ri, то источник аналогического влияния оказывается выявленным - это согласный, входящий в состав суффикса деепричастия. Сугубо фонетические условия, породившие ее, могут быть описаны в специальном фонетическом исследовании. Однако предварительные наблюдения как будто убеждают в том, что среди них значительна и роль ударения, вернее - места ударения: если оно падает на гласный деепричастного суффикса, т.е. на конечный слог слова, то эпентеза не отмечается, ср.: axas - спать, засыпать - arxari - засыпая; uţas - есть, поесть, поедать - urţari - поедая; atas - оставить, оставлять - artari - оставляя; qix'as - свалить, сваливать - qirx'ari - сваливая; xaķas - рассказать, рассказывать - xarķari - рассказывая; uxas - пить, выпивать - uxari -

выпивая; uqas - бегать, бежать - uqari - бегая; utas - бить, колотить - utari - колотя и т.д.

Появившись первоначально по фонетическим причинам, эпентеза постепенно утрачивает свой фонетический характер, поступая в распоряжение морфологии. В этом отношении примечательно то, что в ряде говоров, например собственно агульских, функционирование ее не связано с деепричастным суффиксом: она встречается и в тех формах, которые утратили этимологически первичный деепричастный суффикс -ri[163], замененный вторичным суффиксом -j, ср.: axas - спать - axa-ri > arxari > arxaj; ata-s, ata-di > atari > artaj. Современные агульские говоры дают возможность судить обо всех основных исторических этапах развития указанного явления: наиболее архаичный этап представлен кошанскими говорами (ср. фитинские xuras - читать - xura-d - читая; aḳas - делать - aḳa-d - делая), новейший - собственно агульскими и близкими к ним говорами; буркиханский говор представляет собой переходную стадию от древнейшего состояния к новейшему. Поэтому естественно, что фонетические истоки эпентезы в имперфективных основах легче всего прослеживаются по данным буркиханского говора.

В дальнейшем направление специализации вставочного элемента -r- определяется общей тенденцией к формальному разграничению основ с имперфективными и перфективными значениями, свойственной агульской глагольной системе.

Причастие в агульском, как и во многих других языках, представляет собой гибридный, смешанный лексико-грамматический класс слов, сочетающий в себе признаки двух отчетливо противопоставленных друг другу частей речи - глагола и прилагательного. С глаголом его объединяет не только общность лексического значения, но и целый ряд важнейших грамматических показателей, куда относятся 1) общность формообразующих основ, 2) способность обозначать действие, соотнесенное с определенным временем, 3) общность категории вида, 4) образование на базе причастия ряда

---

[163] "Этимологическая первичность" понимается как этап, предшествующий другому, но не отождествляется с "изначальностью".

собственно глагольных форм (формы времени, наклонения и др.). С другой стороны, причастие сближается и с именной частью речи - прилагательным, с которым его объединяют 1) однотипность суффиксального оформления, 2) однотипность склонения, 3) во многих случаях тождество синтаксических функций и т.д.

Сложность самой природы причастий, недостаточная изученность классов слов, с которыми они связаны, в первую очередь - глаголов, создают много препятствий на пути исчерпывающего описания и объяснения причастий. Здесь следует искать и причины очень заметных расхождений, которые обнаруживаются в специальных исследованиях. Так, по данным Р.Шаумяна, в агульском языке пять типов причастий со своими специфическими суффиксами и назначением[164], с чем нельзя согласиться, поскольку автор смешивает типологию причастий с их функционированием, причастные формы - с формами наклонений: в качестве причастия-5 под названием *супин* выделяется форма долженствовательного наклонения, говорится об употреблении разных типов причастий в значении соответструющих времен индикатива. А.А.Магометов справедливо не принимает классификацию Р.Шаумяна и предлагает более компактное и достаточно адекватное описание системы агульских причастий, разделив их на причастия настоящего-будущего времени и причастие прошедшего времени[165]. По его мнению, в агульском "различаются органические и аналитические формы причастий"[166], но тезис этот автором не развивается. Касаясь формообразования причастий, А.А.Магометов пишет: "Причастие настоящего-будущего времени образуется от основы деепричастия настоящего времени, причастие прошедшего времени - от основы деепричастия прошедшего времени; причастие настоящего-будущего времени имеет тематический гласный *a*, причастие прошедшего времени - *i*"[167]. Однако многое здесь пред-

---

[164]*Шаумян Р.* Грамматический очерк агульского языка, с. 95-98

[165]*Магометов А.А.* Агульский язык, с. 145.

[166]Там же, с. 144.

[167]Там же, с. 145.

ставляется неясным. Во-первых, что имеется в виду, когда говорится об основе деепричастия? В разделе, посвященном деепричастиям, это понятие не раскрывается. Во-вторых, не комментируется, чем вызвано тождество так называемых тематических гласных в причастиях и деепричастиях. В-третьих, выдвинув тезис о тематических гласных, далее автор ничего не говорит об их функциональной нагрузке. Все это свидетельствует о недостаточной разработанности причастий в целом.

Образование и значение причастий настоящего времени. Причастия настоящего времени образуются синтетически и аналитически: первые производятся от основ глаголов несовершенного вида настоящего времени с помощью суффиксов -d, -tt, -f, характерных для разных территориальных говоров; суффиксы -d и -tt отмечаются в кошанских, включая и фитинский, суффикс -f - в агульских и керенских говорах. Нередко основа глагола, образующая причастие, совпадает с основой инфинитива без суффикса -s, но это совпадение нерегулярно. Необходимо заметить также, что во многих случаях причастия образуются от супплетивных основ. Напр.: liḳes - писать - liḳef (liḳenf) - пишущий, кому должно писать; pas - сказать - aɣ af - говорящий.

Аналитические формы причастий настоящего времени образуются от основ деепричастий настоящего времени при помощи причастий вспомогательных глаголов ax'as - быть и x'as - мочь, напр.: liḳes - писать - liḳendi + ajef = liḳendiajef - пишущий; pas - сказать - aɣ ari + ajef = aɣ ariajef - говорящий.

Синтетические и аналитические формы причастий распространены во всех говорах, однако продуктивность их в живой речи неодинакова, и определяется она тем, что сами эти формы в известной степени отличаются функционально: синтетические формы обозначают окачествленные действия, относящиеся как к настоящему, так и к будущему времени, т.е. они в отношении времени характеризуются синкретичностью. Конкретная отнесенность причастия к тому или другому времени определяется синтаксически. Аналитические же формы лишены синкретизма: окачествленные действия, обозначаемые ими, всегда относятся к настоящему конкрет-

ному, поскольку они образуются на его базе. Аналитические формы причастий настоящего времени употребляются тогда, когда время описываемых действий совпадает с моментом речи.

Причастия прошедшего времени образуются от основ глаголов совершенного вида с помощью тех же суффиксов, что и причастия настоящего времени: xuras - читать - xuru + f = xuruf - прочитавший; wes - идти - ušuf - ушедший.

Формы множественного числа причастий. У причастий, как и у прилагательных, суффиксу -f в ед. числе противостоит суффикс -t(-tt) во мн. числе почти во всех говорах, а за ним следует второй аффикс множественности -ar, общий для всех имен: ušuf - ушедший - ušuttar - ушедшие. Несколько иначе обстоит дело в кошанских и близких к ним говорах, где суффикс -t- выступает не только во мн., но и в ед. числе. Отличается от собственно агульских, керенских, а также кошанских говоров дурунтульский говор, в котором суффикс ед. числа -f не исчезает во мн. числе, а сосуществует с суффиксом множественности -tt-: adif - пришедший - adiftar - пришедшие. Здесь мы имеем цепное нанизывание суффиксов друг на друга.

Синтаксическая роль причастий. В предложении причастия выполняют атрибутивную и предикативную функции. Синтаксическая роль их определяется той позицией, которую они занимают по отношению к господствующему слову. Действующая в языке закономерность такова, что атрибутивная функция причастия, как и прочих подобных форм, реализуется только в том случае, если оно предшествует определяемому. Употребляясь постпозитивно, оно выступает (одно или в сочетании с иными формами) в роли сказуемого. От синтаксической позиции же зависит и согласование причастия в числе и падеже с определяемым. Препозитивное причастие не согласуется с определяемым ни в числе, ни в падеже, оно вообще лишено формального показателя согласования - согласовательного суффикса -f или -t: ušu edemi - ушедший мужчина, ušu edemar - ушедшие мужчины, ušu edemaris - ушедшим мужчинам, mur ušu edemar i - это ушедшие мужчины. В этих и во всех подобных случаях позицию при-

частия занимает, в сущности, не собственно причастие с его специфическим аффиксальным оформлением, а та глагольная основа, которая является производящей для причастия. Тем самым получается, что собственно глагольная основа оказывается способной регулярно выступать в роли определения к существительному. Это обстоятельство дает основание думать, что агульское причастие (в принципе, так же обстоит дело и в других лезгинских языках) сохраняет очень тесную связь с глагольной системой.

Следуя за определяемым и, как правило, сочетаясь со вспомогательными глаголами, причастия настоящего-будущего и прошедшего времени (включая и аналитические образования) принимают на себя функции сказуемого: ge ušuf ej - он ушедший; teɣ urɣ af ej - он болтливый. Составное именное сказуемое, выраженное сочетанием причастия со вспомогательным глаголом, внешне напоминает некоторые формы индикатива, генетически восходящие к причастию со связкой. Но это сходство действительно внешнее. При ближайшем рассмотрении легко выявляются структурные и семантические различия между ними. Формы индикатива языковым сознанием не воспринимаются как составные, разлагающиеся на генетические элементы, в то время как компоненты составного сказуемого существуют раздельно. Отсюда проистекают и функциональные различия между ними, ср.: gi pufe - он сказал (как-то давно); ge puf ej - он сказавший; guri pufe - они сказали (когда-то); gur puttar i - они сказавшие. Трансформы показывают, что форма индикатива, генетически восходящая к сочетанию причастия со вспомогательным глаголом, остается величиной постоянной, в то время как причастие, составляющее часть именного составного сказуемого, изменяется в зависимости от изменения господствующего (определяемого) слова.

Предикативная функция причастия может реализовываться также и в сочетании с эмфатическими частицами: Fišttinttar ej šiniqwar? - Каковы дети? - (Ah) sa uqattar! - Такие драчливые! Ответная реплика представляет собой неполное двусоставное предложение со сказуемым, выраженным причастием в сочетании с эмфатическими частицами. Подобные

конструкции используются в непринужденной обстановке, в эмоционально насыщенных речевых ситуациях.

Вполне обычно для причастий выполнение функций подлежащего, прямого и косвенного дополнений: Reqü aef ruķafe (посл.) - Кто в пути, тот дойдет; Xurattis punaj - Читающему сказал. Функционируя в роли субъекта или объекта в предложении, как и тогда, когда оно предикативно, причастие выступает в своей полной морфологической форме.

В заключение еще одно замечание о значении причастий. В агульском, как и в других лезгинских языках, причастия настоящего и прошедшего времен наряду с другими значениями реализуют и залоговые значения. Общее правило здесь сводится к тому, что причастия, образованные от переходных глаголов, обычно представляют значение страдательного залога; причастия же, образованные от непереходных глаголов, - значение действительного залога.

Деепричастие сочетает в себе признаки глагола и наречия. Как и другие глагольные формы, оно обозначает действие и имеет видовые значения. Более того, оно играет важную конструктивную роль в системе глагола, являясь неотъемлемым компонентом его временных форм. Вместе с тем деепричастие сближается и с наречием, с которым его роднит способность определять действие.

Деепричастие имеет специфически ему свойственные аффиксы, представляет собой более замкнутую грамматическую категорию, чем причастие. В качестве специализированных аффиксов деепричастия выступают суффиксы -na (прошедшего времени), -di (настоящего времени), который считается генетически первичным, а также его позднейшие рефлексы -ri (в буркиханском говоре), -d (в некоторых кошанских говорах), -j (в подавляющем большинстве говоров). Ареалы распространения вариантов деепричастного суффикса настоящего времени сравнительно полно описаны в исследованиях Р.Шаумяна и А.Магометова.

По образованию и значению деепричастия делятся на две группы: 1) деепричастия настоящего и 2) прошедшего времени.

Деепричастия настоящего времени образуются от основ несовершенного вида при помощи одного из суффиксов -di, -ri, -d, -j, характерных для разных говоров: xuras - читать - xurari - читая; liḳes - писать - liḳendi (liḳej)- записывая. Они обозначают действие, которое совершается одновременно с действием глагола-сказуемого и, являясь как бы дополнительным по отношению к нему, характеризуют его со стороны признака и различных обстоятельств. Синтаксически и по смыслу сочетаются со сказуемыми, выражающими как незаконченные, так и законченные, недлительные действия. Если действия глагола-сказуемого и деепричастия дуративны (внутренне неограниченны), тогда они взаимно покрывают друг друга, полностью совпадают во времени: tebur uqaj wej uji - Они шли бегом (бегая). Глагол-сказуемое, выражающее недлительное действие, по времени лишь частично совпадает с действием, обозначенным причастием: Geɣ urɣ aj ušunej - Он, говоря (разговаривая), ушел. Следует заметить, что отдельно употребленное деепричастие, обозначая дополнительное действие, гораздо ближе к собственно глаголу, чем к наречию. Сугубо наречное (обстоятельственное) значение реализуется редупликационными формами деепричастий, назначение которых - выражение не столько дополнительного действия, сколько обстоятельств, характеризующих основное действие: ɣ urɣ aj-ɣ urɣ aj ušunej - ушел, бормоча.

Практически деепричастие всегда предшествует глаголу-сказуемому, с которым располагается контактно, хотя в принципе может употребляться и постпозитивно.

Деепричастия прошедшего времени не знают выраженных диалектных различий. Их морфологический показатель - суффикс -na (или -n в некоторых кошанских говорах), присоединяющийся к основе глагола совершенного вида: pas - сказать, говорить - (pu) + na = puna - сказав; liḳes - писать, написать - (liḳi) + na = liḳina - написав. Действия, обозначаемые деепричастиями, предшествуют действиям глаголов-сказуемых, а сами деепричастия препозитивны.

В заключение одно замечание терминологического порядка: типы деепричастий здесь квалифицируются по времени

лишь условно, по традиции; логичнее было бы именовать их деепричастиями несовершенного и совершенного видов.

Словообразование глагола, как и словообразование в целом, остается неразработанным. Не определены пути и принципы выявления морфологической структуры глагольного слова, не очерчены границы формо- и словообразования глаголов, недостаточно выявлен и совершенно не систематизирован арсенал их словообразовательных средств. Первые попытки в постановке и решении некоторых из этих вопросов сделаны лишь в работах А.А.Магометова. В них предлагаются списки отдельных групп превербов с указанием на их назначение и общую семантику[168], проводятся аналогии с подобными формативами в табасаранском языке[169]; особо (изолированно от глагольного словообразования) рассматриваются так называемые *обстоятельственные формы глагола*[170]. При этом опять-таки остается неясным место этих формативов в системе глагольного формообразования и словообразования, не говоря о том, что требует уяснения и сама природа различных типов глагольных аффиксов. Эпизодические комментарии, которыми иногда сопровождаются те или иные превербы или их группы, порождают еще больше вопросов. "Пространственные превербы, - пишет автор, - определяя положение предмета и уточняя действие в пространстве, могут также внести существенные изменения в лексическое значение глагола"[171]. Таким образом, здесь пространственные значения превербов отграничиваются от лексических значений глаголов и в известной мере противопоставляются им. Естественно, возникает вопрос: куда же их следует отнести - к грамматическим значениям? Ответ зависит от решения другого вопроса - где место превербов: в системе средств формообразования или в системе средств словообразования?

---

[168]Там же, с. 90, 158-166.

[169]Там же.

[170]Там же, с. 151.

[171]Там же, с. 164.

Все существующие в агульском языке глагольные аффиксы четко делятся на две основные группы: 1) аффиксы формообразования и 2)аффиксы словообразования.

Аффиксы формообразования, присоединяясь к соответствующим производящим основам, новых лексических единиц не создают, но лишь грамматически модифицируют их, представляя то же действие-состояние как локализованное во времени либо окачествленное, либо сопутствующее другому действию-состоянию, либо, наконец, переводя его в различные модальные планы. С их помощью образуются разнообразные формы наклонений, причастия и деепричастия, а также специфические глагольные структуры, функционирующие в сложноподчиненном предложении, организуя его и создавая в нем определенную синтаксическую перспективу.

В зависимости от того, для образования каких именно грамматических форм они служат, среди глагольных аффиксов выделяются:

1. *Суффиксы форм времени.* В разделе, посвященном обзору форм индикатива, отмечалось, что времена глагола образуются преимущественно аналитически - сочетанием причастных и деепричастных основ с временными формами вспомогательных глаголов. Вместе с тем здесь наблюдаются и некоторые новые тенденции, обусловливающие процессы полной грамматикализации отдельных форм связок, на что, судя по косвенным свидетельствам (например, по характеристике ряда временных форм как суффиксальных образований), было обращено внимание уже А.М.Дирром. Наиболее показательными в этом плане следует считать формы типа puni, pune, aȟajri, pase и под. Сюда же тесно примыкают форманты uj, ij (puna uj/ij). В современном языковом сознании они не воспринимаются как аналитические образования. Этимологические части, составляющие их, объединены в цельнооформленное единство, чему, несомненно, способствовали и изменения в звуковой организации этимологических частей, ср.: aȟajri < aȟari + iri. С другой стороны, процесс этот поддерживался и тем, что в ряде групп говоров вообще утрачиваются сами формы связок. Таким образом, есть основание утверждать, что некоторые формы вспомогательных

глаголов утрачивают свойственные им первоначально формально-грамматические признаки и превращаются в морфемы.

2.*Суффиксы других наклонений:* условного -šin, -čin, повелительного -e (-en), -naj (-waj), -raj, запретительного -a в сочетании с префиксом ma-; гипотетического - han, -tehere, волюнтатива -a.

3. *Суффиксы причастий:* -d, -tt, -f.

4. *Суффиксы деепричастий:* -na, -di, -ri, -d, -j.

5. *Суффиксы основ, выражающих видовые значения:* имперфективные -a-, -e-; перфективные -u-, -i-; нейтральные (суффикс инфинитива) -s.

6. *Суффиксы обстоятельственных форм глагола*[172], которые функционируют преимущественно в сложном предложении с подчинительными отношениями. Бесспорно, они образуют самостоятельную группу, поскольку противостоят всем прочим глагольным формам с суффиксами. Но вызывает возражение квалификация их как "обстоятельственных форм". Важнейший признак их - это способность создать синтаксическую перспективу. Выступая преимущественно в сложном предложении, они составляют стержень, ядро синтаксического единства, принимающего на себя функции придаточного предложения с обстоятельственным значением. Исходя из этого, суффиксы рассматриваемой группы можно было бы квалифицировать как синтаксические суффиксы глагола. Перейдем к обзору их.

Суффиксы, при помощи которых в сложном предложении образуется придаточное времени. В разных говорах они по-разному оформлены, но различия главным образом - фонетические, ср.: в кошанских - -gana, в собственно агульских - -guna, в буркиханском - -guni, в керенских - -hela (параллельно с -guna). Присоединяются они к производящим основам с имперфективным и перфективным значениями, следуя непосредственно за видовыми суффиксами, а также и к отдельным целым формам времени: aɣ agana (-guna, -hela); aɣ ajgana (-guna, -hela) - когда говорят; pugana (-guna, -guni, -hela) - ко-

[172]Там же, с. 151-155.

гда сказали. Соотношения между временными значениями главного и придаточного временного предложений зависят от используемых в каждом из них временных форм и от типа производящей основы: если придаточное предложение включает в себя формы с суффиксом -gana (-guni, -guna и пр.), образованные от основ с имперфективным значением либо от форм настоящего времени, то действия главного и придаточного предложений протекают частично или полностью совпадая во времени; перфективные основы с теми же суффиксами, становясь компонентами придаточного, обозначают действие, предшествующее во времени действию главного предложения: čin iḳugana, teburɣ uzuni - Когда мы сели, они встали. И перфективные основы могут выражать одновременность действий с действиями главного предложения, если они в деривационном отношении связаны с причастными формами, образуясь на их основе: čin iḳuna ajeguni, turɣ uzunauj - Когда мы сидели, они стояли. В подобных случаях важным оказывается не только характер основы (перфективность, имперфективность) глагольной формы в придаточном, но и то, какая из глагольных форм времени реализуется в главном предложении[173]..

Суффикс -ganas (-gunas, -gunis). А.А.Магометов упоминает лишь первый вариант этого суффикса, квалифицируя его как синоним -gana, распространенный только в кошанских говорах[174]. Однако он известен в различных фонетических видах всем говорам агульского языка и представляет собой самостоятельную морфему. Как по звуковому оформлению, так и по содержанию он несводим к -gana (-guna, -guni): фонологически -ganas сложнее, что есть результат иного, чем -gana, происхождения; что же касается его содержательного плана, то он также специфичен: произведенная с его помощью основа обозначает время, либо полностью покрывающее время действия главного предложения, либо уже прошедшее ко времени начала действия последнего. Значения оборотов с данными глагольными формами аналогичны зна-

---

[173]Подробное рассмотрение этих отношений - задача синтаксиса.
[174]*Магометов А.А.* Агульский язык, с. 153-154.

чениям, реализуемым, например, в русском языке конструкциями типа *Пока придешь, приготовим; к тому времени, когда придешь* и под. Рассматриваемый суффикс присоединяется к обоим типам основ - имперфективным и перфективным, а также к причастным формам ((как правило, - аналитическим): Wun weregunas čin ruḳase - К тому времени, когда ты вернешься, мы прибудем; čun adigunas čin hebzurdi uji - К тому времени, когда вы пришли, мы были готовы.

Суффикс -hela распространен во всех говорах и образует глагольные формы, выражающие причинные отношения, - это его главная функция, однако может представлять и временные отношения: ɣ urɣ attarin unar x'uhelan arife zuṅ - Так как услышал голоса разговаривающих, я пришел; zaš ruxahela kitab waš jirḳw alix' (керенск.) - Пока я читаю книгу, ты слушай. В буркиханском и некоторых других близких к нему говорах -hela выступает и в варианте -helan, реализуя только причинные отношения. Присоединяется к имперфективным, перфективным и причастным основам.

Суффикс -tti употребляется в значении *до, прежде чем* в говорах разных диалектов, присоединяясь к собственно инфинитивной основе: Muç̌ x'astti šab - Пока не стемнеет, приходи. Интересно отметить, что в кошанских говорах формы с -tti встречаются и там, где в других говорах употребляется инфинитив, ср.: Lexen qirḳistti ç̌uk waxt ame (буршагск.); Lixun qirḳwas ç̌uk waxt ame (буркиханск.) - До конца работы осталось мало времени.

Суффикс -ttehen (-dehen) присоединяется к имперфективным, перфективным, инфинитивным основам, а также к некоторым временным формам, образованным с помощью причастий: X'in iḳudehen waxt ušundawa, adina attarx'unej - Не прошло и столько времени, сколько сидим, как вдруг грянуло. Конкретные значения форм, образованных посредством этого форматива, многообразны. Они определяются тем, каковы характер и семантико-грамматическое своеобразие производящих основ. Так, сочетаясь с инфинитивной основой, нейтральной в видовом отношении, -ttehen (-dehen) обозначает, как правило, действие, предшествующее другому действию, выраженному в главном предложении; в соединении с

имперфективной и перфективной основами представляет действие, соизмеримое во времени с другим действием: Wun kar ark̦adehen gahdi zun xurase - Пока ты будешь работать, я почитаю.

Суффиксы -na, -ra. Первый распространен в собственно агульских, керенских, некоторых кошанских говорах, а второй - в буркиханском и некоторых других. Присоединяясь к формам условного наклонения с суффиксом -čin (-šin), выражают значение обратной обусловленности (уступительности): Wun fi pučinna, zun westta' - Что бы ты ни сказал, я не пойду. Однако выражением уступительности в составе сложноподчиненного предложения не исчерпываются функции форм, произведенных посредством -na, -ra. Нередко значение обратной обусловленности осложняется значением предостережения или интенсификации, и в этом последнем случае дериваты с указанными суффиксами вполне употребляются и в простом предложении в условиях определенного контекста, ср.: Hegi pučira - А вдруг (а если) он скажет.

Проведенный краткий обзор глагольного суффиксального формообразования показывает, что способы, средства, с помощью которых создаются различные категории глагола (наклонения, виды, причастия, деепричастия и т.д., рассмотренные в соответствующих разделах), многообразны. Суффиксы формообразования в зависимости от их способности образовывать глагольные формы, функционирующие в простом или сложном предложениях либо и в том, и в другом, делятся на две группы: 1) суффиксы, образующие формы глаголов, выступающие как в простом, так и в сложном предложениях; сюда относится подавляющее большинство их; 2) суффиксы, образующие формы глаголов, выступающие главным образом в составе сложного предложения с подчинительными отношениями и выражающие значения условия, уступки, причины, времени и т.д. Они являются сугубо синтак-

сическими формами, функционально аналогичными подчинительным союзам во флективных языках[175].

Аффиксами словообразования агульский глагол небогат. Среди активно используемых можно отметить лишь так называемые превербы, изоморфные формантам локативных падежей[176] и служащие для пространственной характеристики действия, а также некоторые вспомогательные глаголы типа aḳas (лезг. авун, таб. апІуз и т.д.), часто выступающие как средства синтаксического словообразования. Вопросы, связанные с их описанием, должны быть рассмотрены отдельно.

---

[175]Здесь не упоминаются формообразующие префиксы и инфиксы, поскольку о них достаточно подробно говорилось в разделах, посвященных описанию соответствующих глагольных категорий.

[176]См.: *Тарланов З.К.* К вопросу об изоморфизме глагольно-именных формантов в дагестанских языках.

Глава седьмая

НАРЕЧИЯ. СЛУЖЕБНЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ.

НАРЕЧИЯ

Наречия обозначают признак действия и различные обстоятельства, в которых протекает действие глагола-сказуемого. В зависимости от типа семантики и в известной степени также от своеобразия оформления они подразделяются на наречия 1) образа действия, 2) меры и степени, 3) места и направления, 4) времени, 5) причины и цели, 6) вопросительно-относительные, 7) отрицательные.

Наречия образа действия отвечают на вопрос fišti? - как? каким образом? и образуются от прилагательных чаще всего морфологически - суффиксальным способом. При этом важнейшими суффиксами являются -di, отмеченный во всех говорах, а также варьирующийся в разных говорах -ri//-ji//-j: baṭ ar(f) - baṭ ardi - красивый - красиво; zurba(f) - zurbadi - смелый - смело; ekwe(f) - eküri - светлый - светло; č̣erhe(f) - č̣erhiri - грязный- грязно. В буркиханском и некоторых других говорах сравнительно употребительным становится суффикс -ri, ему в остальных говорах соответствует -uj, -j, ср.: itte(f) - сладкий - ittidi, ittij, ittiri - сладко. Суффиксальные варианты наречий возникают, по мнению некоторых исследователей, как результат фонетических изменений, однако при этом остается неясным, какие именно фонетические условия вызывают те или иные варианты. Разнообразие суффиксального оформления наречий рассматриваемого типа можно объяснить скорее всего взаимодействием между словообразовательными средствами наречия, с одной стороны, и дее-

причастия, с другой, - категориями, функционально близкими друг к другу. Так становятся наречными суффиксы деепричастий -ri,-uj, -j. Это подтверждается и тем, что от одной и той же производящей основы наречия могут быть образованы и с помощью собственно наречного суффикса -di, и с помощью деепричастного суффикса -uri (-uj), но с разными значениями, ср.: jaɣ – день- jaɣ di- в течение дня, весь день; jaɣ uri (jaɣ uj)- днем (наречие времени). Кроме основ прилагательных наречия образа действия образуются также от некоторых существительных: ǯǯin - черт, невидимый - ǯǯindi - тайно. Если иметь в виду диахронический аспект, то разряд наречий образа действия довольно активно пополняется за счет форм инструментального падежа, легко подвергающихся адвербиализации.

Наречия меры и степени. Эти наречия немногочисленны. К ним относятся непроизводные и производные слова, обозначающие меру проявления действия-состояния, его количественную характеристику: c̣uḳ - мало, para - много, acuna - много, 'ezamatin - несколько, много, 'elam - безмерно много, sa kadar - некоторое количество, baha - дорого, uǯǯuz - дешево.

Наречия пространственные. Среди пространственных наречий отчетливо выделяется несколько групп, каждая из которых характеризуется той или иной конкретно-пространственной семантикой: места, направления, нахождения относительно чего-либо.

Ядро *наречий места* составляют слова, восходящие к указательно-локативным местоимениям mewus - это место, lewus, tewus, gewus - то место, от которых наречия места образуются при помощи суффикса -a. Поскольку суффикс наречия оказывается под ударением, то вся предшествующая ему часть слова, будучи акцентологически ослабленной, подвергается определенным фонетическим изменениям (редукция гласного первого слога, синкопа и т.д.): mewus + a = mewusa > misa - здесь; tewus + a = tewusa > tisa - там; gewus + a = gewusa > gisa - там внизу. Наречный аффикс представляет собой застывшую форму инессива указательно-локативного местоимения. Так как наречия места обозначают пространст-

венные отношения "точечно", то они сочетаются чаще всего с глаголами направленного действия.

С наречиями места соотносительны *наречия направления* mič - сюда, tič - туда, lič - туда наверх, gič - туда вниз, суффиксальная часть которых этимологически восходит, по-видимому, к превербу č- (ču-), некогда обозначавшему идею незначительного перемещения. В пользу правдоподобности такого предположения свидетельствует ряд обстоятельств: во-первых, сегмент č- выступает как суффикс наречий направления, перемещения в пространстве; во-вторых, он занимает позицию префикса у глагола, выражающего незначительное перемещение (čuķas - подвинуться) и сочетающегося с рассматриваемыми здесь наречиями; в-третьих, тот же звуковой сегмент присутствует и в вопросе, задаваемом.для выявления направления движения (najič? - куда?);); в-четвертых, слово, обозначающее место, например в лезгинском, опять-таки начинается тем же сегментом (čqa - место) и т.д.[177]. Следовательно, образование наречий направления можно представить в таком виде: mewusa čuķ - подвинься сюда > misa čuķ > mičuķ, далее в результате аттракции - mič (čuķ); аналогично mič (čuķ)- сюда (подвинься); tič(čuķ) - туда (подвинься). Такая этимологизация находит типологическое подтверждение в системе наречного словопроизводства как в агульском, так и в родственных языках, ср.: xabax xaruc - пройди назад; udih haruc - пройди вперед. Показательно и то, что наречия направления, как впрочем, и наречия места, способны принимать дополнительно и собственно наречный суффикс -di, тогда в наречии сильнее оттеняется семантика направления, ср.: mič čuķ, mičdi čuķ - сюда подвинься. Тот же суффикс может присоединяться, как уже говорилось, и к наречиям места: misa iķwe и misadi iķwe - сиди здесь. Аналогично обстоит дело и в других языках. Ср. лезг.: инихъ хьухь, инихъди хьухь - подвинься сюда. Наречная агглютинация как

---

[177]Представляется вполне допустимым предположение, что в основе слов, обозначающих родство (ču - брат, či - сестра), местоимения če - наш, а также глагольно-наречного аффикса -č- в конечном счете лежит одна и та же глубинная сема - *смежность, соприкасаемость.*

бы конкретизирует, уточняет семантику исходного наречия. Характерно, что наречная семантика может уточняться не только справа, но и слева. Поскольку слева располагается местоименная часть, то левосторонняя конкретизация ведет к углублению дейксиса, ср.: mič š ab - mičdi šab - hemičdi šab - hawhemičdi šab - сюда иди.

Аналогично обстоит дело и с наречиями места. Рассмотренные наречия служат для обозначения направления горизонтального движения. Для обозначения вертикального направления используются наречия wartt - вверх, ejs - вниз.

И по семантике, и по словообразовательным связям несколько особо стоит третья группа пространственных наречий - *наречия нахождения* относительно чего-либо. Они обозначают место локализации действия-состояния относительно сторон какого-либо предмета. Такими сторонами оказываются *верх, низ, сторона (точнее - бок), перед (передняя сторона), тыл (задняя сторона).* Напр.: urih (urihdi) hawč̣ - выйди вперед; xabax (xabaxdi) xawč̣ - отступи назад; bagux (baguxdi) xawč̣ - отойди в сторону. Характерно, что все подобные наречия, если они и в самом деле наречия, а не формы локативов, потеряли живую деривационную связь с именами существительными в именительном падеже. Наличие формы существительного в им. пад., с которой такие лексемы синхронно соотносятся, является показателем того, что перед нами не наречия места, а формы местных падежей существительного. В этом последнем случае строго прослеживается и принцип изоморфизма между падежными аффиксами существительных и глагольными префиксами[178]. Слова, о которых идет речь, трудно квалифицировать и как послелоги[179], хотя отдельные из них (напр., bugu как изолированная форма) действительно перешли в разряд послелогов, свидетельством чего является, в частности, невозможность употребления их перед глаголом.

---

[178]*Тарланов З.К.* К вопросу об изоморфизме глагольно-именных формантов в дагестанских языках // Вопросы языкознания. 1980. № 3.

[179]*Магометов А.А.* Агульский язык, с. 171.

Наречия времени. Относясь к глаголу-сказуемому, наречия времени служат важнейшим лексическим средством создания временной перспективы предложения в целом. Количество их довольно значительно, это hal (hel, hil) - теперь, ahal (hahal, hehel) - сейчас, haldis (hildis) - до сих пор, haldixas xab, haldin xab - отныне, с этих пор; daxe (dexe) - рано, давно; kandi - поздно; waxttuni (waxtt waxttuni) - вовремя; jah̄a - сегодня; bagah - завтра; sajiɣ a - послезавтра; nak - вчера; hariɣ a(n) - ежедневно; daim (daiman) - постоянно, беспрерывно; xawdi (xabdi) - после, потом; xani (xpaj) - потом, после; xawdi(suman) - позже; sa-sa gelan (gelaj) - иногда; cac - в прошлом году; jaɣ di - в течение дня. По своему образованию эти наречия неодинаковы. Некоторые из них неразложимы с точки зрения современного языкового сознания, производность других очевидна. Среди последних обнаруживаются такие, которые произведены лексико-семантически (sajiɣ a - послезавтра, hariɣ a - ежедневно), путем повторения концевых частей (waxt waxtuni - вовремя), суффиксацией (jaɣ di - в течение дня, непрерывно). Заслуживают быть отдельно отмеченными наречия, образованные от одних и тех же именных производящих основ посредством разных суффиксов: jaɣ - день - 1) jaɣ uri - днем, jaɣ di - весь день, все время; üš - ночь - 1) üširi - ночью, üštti - всю ночь. Число подобных наречий и образующих их именных основ, однако, очень ограничено. Для выражения значения *очень редко* используется ряд способов: а) сочетание форм мн. числа эссива слов jaɣ - день и waz - месяц - jaɣ ar-wazariq; б) сочетание повторяющихся эссивных форм слова is - год: isar-isuḳariq; в) объединение обоих этих способов.

Наречия причины и цели. Для выражения причины и цели действия используются наречия fas? - почему?, fiḳas? - зачем? с какой целью?, fibalaldi - зачем?, mišttimiri - просто так, ḳasustti - намеренно, xelaas - назло. Все эти наречия прежде всего реализуют причинное значение, выражение цели выступает как значение, сопутствующее для них.

Наречия вопросительно-относительные. Вопросительные наречия служат для оформления вопроса о месте, направлении, времени действия глагола-сказуемого. К ним от-

носятся слова nandi? - где?, najič? - куда?, nandias? - откуда?, mus? - когда?, musanxab? - с каких пор?, musasttehen? - до каких пор?, fas, fibalaldi? - зачем? Вопросительные наречия либо начинают фразу, либо (редко) следуют за подлежащим; в первом случае сказуемое следует за вопросительным словом, занимая второе место; если же вопросительному слову предшествует подлежащее, тогда сказуемое отодвигается на третье место.

Становясь компонентами сложноподчиненных предложений, вопросительные наречия выполняют роль относительных слов, принимая на себя роль грамматических скреп. В обычной речи придаточное предложение начинается не вопросительно-относительным наречием, а местоимением-подлежащим. Относительное слово, вынесенное в начало придаточного, свидетельствует о его акцентированном характере. Среди вопросительно-относительных слов непроизводных единиц немного. Основная масса их вторична и образуется при активном участии форм локативных падежей, а также послелогов.

Отрицательные наречия характеризуются четкой и довольно однотипной словообразовательной структурой: большинство их включает в себя два обязательных компонента - это вопросительное наречие и союз-частица -ra, ср.: nandi? - где? + ra = nandira - нигде; fišttі? - как? + ra = fišttira - никак; nandias? - откуда? + ra = nandiasra - ниоткуда и т.д. Кроме вопросительных наречий, частица ra соединяется и с существительными, обозначающими очень малые величины, преобразуя их в отрицательные наречия меры и степени: muz - малость, tika, ķus - малость + ra = muzra, tikara, ķusra - нисколько. Все отрицательные наречия сочетаются лишь с глаголами в запретительном наклонении: najičra mawa - никуда не ходи; tikara malixa - нисколько не работай.

При рассмотрении отрицательных наречий, как, впрочем, и местоимений, в историческом аспекте обращает на себя внимание то обстоятельство, что они генетически оказываются связанными с вопросительными словами - местоимениями и наречиями. Другими словами, вопрос и отрицание как категории языка обнаруживают несомненные точки соприкос-

новения. Причем так обстоит дело не только в восточнолезгинских языках, но и в языках разных типологических систем. В чем же тут дело? Вовсе не претендуя на раскрытие характера историко-генетической связи между вопросом и отрицанием как общими категориями языка, обратим внимание на следующие факты из жизни восточнолезгинских языков: 1. Собственно лезгинский язык значительно отошел, например, от агульского по моделям образования отрицательных наречий: в первом преобладающее распространение получили аналитико-супплетивные способы выражения отрицания за счет разрушения исконных типов образования отрицательных наречий (и местоимений) на базе вопросительных с присоединением обобщающей частицы -ни, ср.: гьинай?- откуда? + ни = гьинайни - ниоткуда; гьиниз?- куда? + ни = гьинизни - никуда, санизни - никуда, санайни - ниоткуда; низ? - кому? + ни = низни - никому > садазни - никому. 2. В агульском, как и в других лезгинских языках, частица -ra имеет двоякое назначение: а) она служит для обобщения: wura tera - и ты и он; jaɣ urira üšürira - и днем и ночью; б) для выражения включения: wunra šab - и ты приходи. 3. В соединении с условно-гипотетическими формами -ra образует неопределенные наречия, ср.: Nandira ax'asehan? - Окажется ли где-нибудь? 4. Сочетаясь с вопросительными словами, частица -ra придает производной основе значения усиления, обобщения, включения; сочетаясь с теми же вопросительными словами, управляемыми уже прохибитивными формами, она переводит дериват в разряд отрицательных значений. Отсюда следует, что усилительное, обобщающее значение частицы -ra исторически первично. То же значение сохраняется у нее и при сочетании с запретительными формами, однако, соединяясь с последними, она обобщает в направлении, предопределенном предикативным членом, т.е. сказуемым, выраженным соответствующим наклонением глагола. Если общий грамматический смысл, передаваемый запретительным, предостерегательным наклонениями, а также отрицательными формами глагола, обозначить знаком "минус", соответственно сами эти наклонения условно назвать отрицательными, а смысл остальных наклонений глагола обозначить знаком "плюс" и

сами наклонения назвать положительными, то функционирование усилительно-обобщающей частицы -ra в окружении каждой из упомянутых двух групп наклонений можно представить в следующем виде: -ra обобщает путем включения какой-то величины в класс однотипных - отрицательных или положительных а) в окружении положительных наклонений дает усилительно-обобщающее значение, б) в окружении отрицательных наклонений дает отрицательно-обобщающее значение.

Поскольку сама частица -ra может выражать и отрицательную, и неотрицательную (положительную) семантику в зависимости от того, с какими глагольными формами она сочетается, то напрашивается вывод: отрицательные местоимения и наречия исторически складываются позже аналогичных форм глаголов, лишь на семантическом фоне последних.

В заключение краткого обзора разрядов наречий, способов их образования и значений отметим общую особенность всех наречий, свойственную в той или иной степени каждому из восточнолезгинских языков: при первом ознакомлении с морфологией наречий складывается впечатление, что слова этой лексико-грамматической группы изменяются по падежам, как обычные именные группы, ср., напр., вопросительные наречия: nandi? - где?, nandil? - где наверху?, nandiq? - где внизу?, nandias? - откуда изнутри? Можно ли говорить в подобных случаях о склонении наречий? Если нет, тогда что же это за формы? Наречия сами по себе, конечно, не склоняются. Но тот факт, что, во-первых, многие наречия образуются от падежных форм существительных, с которыми они сохраняют ощутимую связь по ряду моментов; во-вторых, локативные падежи имени существительного и локативные наречия нередко трудно отделимы как по семантике, так и структурно-грамматически, что создает видимость склонения наречий, поддерживаемую также парадигматической соотнесенностью всех локативных слов, бесспорную способность локативных наречий сочетаться с аффиксами локативных падежей, следует квалифицировать как факт словообразования, но не формообразования, ср.: misa, misan, misaas, misal, misah, misax, misa'q - здесь. Присоединение аффиксов локативных

падежей ничего не меняет в природе локативных наречий, но дает возможность семантически модифицировать и конкретизировать их в соответствии с семантикой аффиксов.

Союзы. В научной литературе по агульскому языку уже обращалось внимание на то, что он, как и все восточнолезгинские языки, беден союзами. Все же они выделяются в особый разряд.

К числу сочинительных союзов относятся такие незнаменательные слова, которые, соединяя друг с другом формы и их сочетания, занимающие тождественные синтаксические позиции, выступают как средства реализации отношений однородности[180]. В этом смысле сочинительные союзы в дагестанских языках не отличаются от аналогичных форм в языках иного строя.

Наиболее употребительны из сочинительных союзов ra, na. Ra - это повторяющийся союз, соответствующий, например, русскому повторяющемуся союзу *и:* Dadra gedara adini - Пришли и отец и сын. Одиночное (не повторяющееся) ra выполняет функцию усилительно-обобщающей частицы, ср.: Wunra šab! - И ты приди! Союз na, соединяя два или более синтаксических компонентов, служит все же главным образом средством перечисления. Синтаксически и интонационно примыкая к предшествующему слову, na повторяется при каждом члене перечисления, кроме последнего, замыкающего, ср.: jaɣ na üš - день и ночь; čuna či - брат и сестра; aɣ zurna jerx'iweršna q̣anna x'ibud - тысяча шестьсот двадцать три[181]. Однако обычно для союза na соединение лишь двухкомпонентного синтаксического единства типа nisna guni - сыр и хлеб.

Хотя союзы ra и na характеризуются несомненным функционально-синтаксическим инвариантом, тем не менее они заметно отличаются друг от друга: na более ограничен в упо-

---

[180]*Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М., 1956. С. 465.

[181]В восточнолезгинских языках количественные и порядковые числительные строятся как сочинительные ряды.

треблении и совершенно не используется в сложном предложении.

Разделительный повторяющийся союз ja... ja... - *или... или* указывает на то, что компоненты сочинительного ряда находятся между собой в отношении альтернативности: ja adese, ja adesttawa - или (либо) придет, или (либо) нет. Подобные ряды могут быть и развернутыми. В отрицательном предложении тот же союз реализует совершенно другое значение, соответствующее значению, например, русского союза *ни ... ни.* Однако значение это актуализируется в тех случаях, когда союз относится к собственно отрицательным или прохибитивным формам. Если же он соединяет, например, две именные формы, относящиеся к одному и тому же глаголу, в том числе и к прохибитиву, тогда он выражает значение *или ... или,* ср.: ja ħahal mark̥a, ja ƅagah - ни сейчас не делай, ни завтра; ja ħahal ak̥e, ja ƅagah - или сейчас сделай, или завтра. Тот же союз в сочетании с прохибитивом в составе сложного предложения может быть компонентом синтаксического единства с условным значением.

Достаточно активны также и заимствованные сочинительные союзы wa - и, amma (ama) - но, nu, недавно заимствованный из русского (но).

Намного сложнее вопрос о подчинительных союзах, их составе, количестве и происхождении. В специальных грамматических описаниях они вообще не выделяются, что не в последнюю очередь объясняется тем, что синтаксис агульского языка совершенно не разработан. Проблема, таким образом, сводится к следующему: есть ли в агульском подчинительные союзы? Если есть, то каков их состав и как они возникли? Если же нет, то каким образом в нем передаются те специфические обычно (типологически) закрепленные за сложноподчиненным предложением отношения, без которых язык едва ли может обходиться? Следует заметить, что эти вопросы в равной мере справедливы применительно и к другим восточнолезгинским языкам.

Среди несомненных подчинительных союзов в агульском необходимо выделить в первую очередь условные союзы egera (eger), nagah - *если,* заимствованные, по-видимому, из

иранских языков. Однако это не означает, что в агульском не развиты подчинительные отношения и самобытные средства их выражения. Отнюдь нет. Дело в том, что в нем, как и в других языках восточнолезгинской группы, довольно специфичны сами средства и способы грамматического выражения подчинительных отношений в сложном предложении. К таким средствам относятся причастия, деепричастия, относительные местоимения и наречия, форманты синтаксического формообразования, выполняющие роль подчинительных союзов, и т.д.

Остановимся лишь на формантах синтаксического формообразования, служащих для образования обстоятельственных придаточных предложений: 1) *-ttehen (-dehen) - пока,* этимологически восходит, по всей вероятности, к неопределенно-количественному наречию, приобретшему впоследствии значение прикомпаративного элемента; его непосредственная функция заключается в выражении той меры, которая обозначается словом, присоединяющим к себе этот формант: zun adesttehen, wun ɣ uze - Пока я приду, ты постой; 2) *-guna (-guni, -gana) - когда,* служит компонентом сложноподчиненного предложения с придаточным времени, отвечающим на вопрос *когда?:* Wun hebzur x'eguna, šab - Когда подготовишься, приходи; формант этот восходит к локативу существительного gah - время: gahuni в конце слова, оказавшись в безударной позиции, редуцируется, звуковой состав изменяется в результате синкопы: gahuni > gana(guni, guna); 3) *-tti - до, прежде чем,* выступает компонентом придаточного предложения времени, действие которого предшествует действию главного: Zun adestti, čwe lixun qirḳwas aḳe - Пока я не пришел (до моего прихода), кончайте свою работу; 4) *-gunas (-gunis) - к тому времени, когда,* образует придаточное предложение времени, конец действия которого соответствует началу действия главного предложения: Wun xabar xarḳagunas tebur adese - Они придут к тому времени, когда ты кончишь рассказывать; 5) *-hela (-helan, -helaj) - по причине*, образуют придаточное предложение причины: Wun we lixun daḳuhelaj, x'in xattarx'uni - Так как ты не сделал своей работы, мы отстали.

Перечисленными формантами не исчерпывается состав средств выражения подчинительных отношений. Это особая проблема, требующая отдельного монографического исследования.

Частицы. Выражая различные модальные оттенки, частицы служат для углубления и расширения общей семантической перспективы слова или группы слов в речи, а также для образования тех или иных грамматических форм. Количество и функциональные возможности их довольно разнообразны. Все частицы условно можно разделить на ряд семантических групп.

1. *Частицы, выражающие предположение, сомнение, неуверенность, опасение* и т.д. Сюда относится прежде всего -han, сочетающаяся со всеми глаголами во всех формах индикатива; стоит только в постпозиции. Конструкциям с -han свойственна особая, вопросительного типа, интонация: Arķahan, darķahan? - Делать ли, не делать ли? Подобные конструкции обычно составляют принадлежность текста, составленного по типу размышления.

2. *Частицы, выражающие просьбу, побуждение в виде просьбы,* сочетаясь в этом значении только с формами императива и прохибитива: Jax sara - Пойди, пожалуйста; Up sara - Скажи, пожалуйста; Maxura sara - Не читай, пожалуйста. Частица sara, соединяясь с формами прошедшего и будущего времен индикатива, реализует а) значение безысходности, а также предопределенности действия, которое как бы навязывается лицу обстоятельствами, от него не зависящими: Wese sara, fiķas x'ase - Придется идти, раз уж нельзя не идти; б) значение противопоставления, решимости совершить действие, которое соотносится в таких случаях с первым лицом: Wese sara! - Пойду вопреки всему!; в) возможности, правомерности действия; при реализации этого значения sara может сочетаться также и с утверди тельно-усилительной частицей xani (xa), ça: Pase sara ça - Скажут, разумеется. В сочетании с формами прошедшего времени та же частица актуализирует значение сожаления по поводу совершившегося действия.

3. *Частицы, выражающие угрозу, начало (разовость), просьбу и другие значения в соединении с формами, как правило, императива, - xadur, awč̣* : Awč̣ ha! - Смотри, выйди обязательно!

4. *Частица xi* представляет значение противопоставления, решимости совершить действие, досаду, субъективную уверенность в том, что действие совершено, и пр.: Pase xi - Скажу обязательно.

5. *Частица keri (kej)* употребляется с именными формами и реализует значения исключения, пренебрежительно-усилительное в сочетании с присоединительно-усилительной частицей-союзом ra: Hegera kejɣ urɣ aja - И даже он говорит.

6. *Частица xu,* сочетающаяся с условными формами и выражающая значение безразличия со стороны говорящего к тому, кто совершает или совершил действие: Ušušin xu - Пошел, так пошел.

7. *Частицы сравнительные, служащие для образования сравнительных форм.* Сюда относятся: а) *постпозитивная частица* ***suman***, служащая для выражения сравнительно-уподобительного отношения между компонентами сравнительной конструкции, состоящей из двух именных слов: zun suman - как я; dad suman - как отец; dad suman ušuni geda - сын пошел, как отец. Компонент сравнительной конструкции, соответствующий предмету, с которым сравнивают (которому уподобляют), может стоять в любом падеже в зависимости от семантики сочетающегося с ним глагольного слова. Компонент, выражающий предмет, который уподобляется, сравнивается, - дублирует падеж первого компонента, но сверх того может включать в себя и присоединительно-усилительную частицу ra. Примечательно, что сравнительно-уподобительная частица способна принимать суффикс прилагательных -f, тем самым переводя всю группу, составляющую первый член сравнительно-уподобительной конструкции в разряд качественных слов (прилагательных); б) *частица-союз -dahen (-dehen, -tehen), выражающая сравнение по размерам, количественным характеристикам предметов*, указывая на то, что сравниваемые предметы, качества примерно соизмеримы: Ge

zun dehen x'une - Он стал (вырос), как я; Giw zaw dehen kitabar fa - У него столько же книг, сколько у меня. И в этом случае частица способна принимать аффикс прилагательных, тем самым трансформируясь в определенных синтаксических условиях в качественное слово; в) *частица -faj (-fuj, -fari), выражающая такое сравнение между двумя компонентами, при котором каждый из них в чем-то равен другому:* Geda dadaw faj lixune - Сын поработал наравне с отцом. В отличие от первых двух частиц, при которых компаративные именные формы стоят в параллельных падежах, компоненты сравнительной конструкции с частицей -faj (-fari) располагаются в разных падежах: предмет, который сравнивается, занимает им. падеж, а предмет, с которым сравнивается, приобретает форму, генетически равную adhaessivus, оканчивающемуся на -w. Впоследствии связь с местным падежом утрачивается, и за конструкцией утверждается статус компаративного оборота. Рассматриваемый сравнительный оборот отличается от первых двух еще и тем, что входящая в него компаративная частица не способна сочетаться с аффиксом прилагательного.

Если попытаться сопоставить все три сравнительные конструкции с точки зрения их содержательной структуры, то окажется, что, объединяясь между собой семантическим инвариантом, они вместе с тем специфичны и в функционально-содержательном отношении: конструкция с частицей suman более нейтральна и по употреблению, и по способу выражения сравнения, которое представляется статично; конструкция же с частицами -dehen и -faj реализует сравнение динамично, поскольку сравниваемые предметы характеризуются здесь количественно: либо как достигающие соизмеримости, либо как заданно соизмеримые, параллельно проявляющие какие-то качества, свойства, действия и т.д. Примечательно, что сравнение, выражаемое последними двумя конструкциями, может быть квалифицировано соответственно как сравнение по вертикальной оси и как сравнение по горизонтальной оси (плоскостное сравнение).

8. *Частицы ограничительные:* а) *постпозитивная -dala (-ttala),* выражающая чаще всего выделительно-ограничите-

льное значение, реализующееся в отрицательных предложениях: Bagahdala mawa - Не ходи (никогда), кроме завтра; в положительных конструкциях ей соответствует уже упоминавшаяся частица sara, находящаяся с частицей -dala в антонимическом отношении, ср.: Bagahdala mawa - Не ходи (никогда), кроме завтра; Bagahsara šab - Приходи еще завтра; б) препозитивная ограничительно-выделительная частица sa, генетически восходящая к количественному числительному и функционирующая в сочетании с постпозитивной частицей -dala (-ttala).

9. *Частицы, выражающие неизбежность, обязательность, приписываемую говорящим лицом.* Сюда относятся, например, wajsara, ha... ha: Ha aluq̣unaj, wajsara šab aɣ aj - Как упорствовал, приглашая.

10. *Частицы длительности, актуализирующие это значение редупликационно:* Ha rucunaj, ha rucunaj - Ну и искали, ну и искали.

11. Частицы указательные, генетически восходящие к указательным местоимениям: maha - вот, laha, taha, gaha - вот (с пространственной ориентацией).

12. *Частицы отрицательные,* чаще всего выполняющие роль морфем при образовании соответствующих глагольных форм и наклонений, ср.: Up! - Скажи! - Daɣ a! - Не буду говорить! (волюнт.). Впрочем, вопрос о грамматической сущности их едва ли можно считать вполне ясным. Вместе с тем при сопоставлении этих фактов с аналогичными явлениями в родственных языках, например в лезгинском, сомнения отпадают.

13. *Частицы, выражающие волеизъявление другого лица:* Wa' sara uč wese aɣ aj aluq̣uni - Ой как настаивал, что поедет.

Послелоги. Вопрос о послелогах в агульском, как и в других языках лезгинской группы, специально, насколько нам известно, не ставился, хотя о послелогах и говорят как о морфологической принадлежности этих языков. Исследователь лезгинских языков А.А.Магометов отдельно не выделяет их как самостоятельную группу грамматических средств, а говорит о наречиях-послелогах, куда относит локативы типа xabax, udih, bugu, warttal и пр. Однако нет достаточных основа-

ний ни для объединения наречий и послелогов, ни для утверждений о существовании самостоятельной группы формантов, которые можно было бы квалифицировать как послелоги. Едва ли могут быть названы послелогами локативные аффиксы имен, которые по принципу изоморфизма оказываются функционально тождественными при выражении пространственных отношений и у имен, и у глаголов, и у наречий. У наречий они появились по аналогии с локативными падежами, с которыми их объединяет общность семантики. У глаголов же пространственные префиксы сформировались скорее всего как результат аттракции контактно располагавшихся именных локативов и глагольных форм.

Что же касается собственно послелогов, то их немного. Это незнаменательные слова-форманты bugu, dala, suman, fari, служащие для образования различных грамматических форм. Функции многих из них описаны в соответствующих разделах настоящего исследования.

Междометия.. Междометия являются эквивалентами чувств, сопровождающих те или иные сообщения либо соответствующих определенным ситуациям. Кроме того, междометия могут представлять собою нечленораздельные команды и (или) призывы, адресуемые тем или иным животным.

Междометия, соответствующие эмоциям человека: ah!, aharaj! (выражают сожаление по поводу чего-то неожиданно случившегося); pah! (удивление, изумление); haharaj! (когда что-то случается вопреки ожиданиям); waj-haraj (сильное потрясение); wah! (когда случается что-либо непредусмотренное).

Разнообразны междометия, представляющие собою призывы и команды, адресуемые домашним животным. Список их и закрепленные за ними значения (функции) могут быть обобщены в следующем виде:

Животные	**Команды к себе**	**Команды от себя**
Куры	qax-x-x !	Kiš!
Петухи	qax-x-x!	Tuɣ !
Собаки	čap-čap!	Jari!

Кошки	Pis-pis!	Wa'sk!
Овцы	t üh-t üh!	S-s-sk!
Бараны	t üh-t üh!	R-r-r!
Козы	Bažž-bažž!	čawš!
Козлы	Bažž-bažž!	čawš! keca!
Коровы	čix'aj-čix'aj!	čah! čix'aj!
Телята	ši-ši-ši!	ši!
Быки (волы)	Bec-bec!	Haw!
Лошади	Mah-mah! Qut-qut!	Hej!
Жеребята	Qut-qut!	Hej!
Ослы	Makuš-makuš!	Heč!
Цыплята	Cip-cip-cip!	Kiš!

Животные	**Команды остановиться:**
Козлы, козы	ča-awš!
Быки (волы)	Waw-w-ha!
Лошади	Pr-r-r!
Ослы	ča-a-wš!

Список команд мог бы быть и более подробным, однако это интересный вопрос для отдельного и развернутого рассмотрения. Следует отметить также, что команды, адресуемые некоторым животным (например, коровам, быкам, овцам и баранам), более разнообразны и включают в себя, в частности, команды изменить направление движения (Waha! čix'aj и т.д.).

Глава восьмая

СИНТАКСИС

Синтаксис агульского языка совершенно не описан и не изучен. В монографии А.А.Магометова, в которой впервые затрагиваются и синтаксические вопросы, на него отводится менее двух страниц текста, где речь идет в самом общем и предварительном плане об управлении, согласовании, выражении субъекта и объекта, а также об отдельных глаголах. Что же касается систематического описания типов предложения, их структуры, способов выражения субъектно-объектных отношений, образования сложных предложений, выявления важнейших синтаксических позиций и их лексико-морфологического заполнения, то такие задачи и не ставились. Поэтому предлагаемый здесь вариант синтаксиса представляет собой первый опыт синтаксического описания агульского языка.

Способы и порядок выражения субъектно-объектных отношений. Субъект, действие-состояние которого характеризуется сказуемым, может стоять в агульском языке, главным образом, в двух падежах: в именительном (абсолютивном), если сказуемое выражено непереходным глаголом, и в эргативном, если сказуемое выражено переходным глаголом: Dada kitab xuraja, gedaɣ arx'una aja - Отец читает книгу, сын спит. Это правило нарушается в случаях, когда субъект представлен личным местоимением 1 и 2-го лица: в большинстве говоров подлежащее в форме личного местоимения стоит только в именительном падеже, независимо от того, сочетается ли оно с непереходным или переходным глагола-

ми: Zun weja - я иду; Zun kitab xuraja - я читаю книгу. Исключение составляет керенский диалект, в котором именительный и эргативный падежи в подобных случаях четко противопоставлены друг другу формально: в эргативном падеже личные местоимения оканчиваются на -aš: Zaš punaa - Я сказал. Вместе с тем очевидно, что тенденция эргативного падежа к дифференциации дает о себе знать везде: в отдельных говорах личными местоимениями в эргативе утрачивается конечный [n], что создает основу для новой грамматической оппозиции типа zun:zu (za, zaš).

Морфологически субъект и объект выражаются любым субстантивом или субстантивно употребленной формой. Грамматический субъект стоит, как уже говорилось, в именительном или эргативном падеже, однако субъектные отношения реализуются и другими (косвенными и локативными) падежами. Способ выражения субъектных отношений зависит прежде всего от лексико-семантической структуры глагола, с которым имя соотносится, координируется.

Субъект-подлежащее обычно стоит на первом месте, объект - на втором, причем если в предложении имеются и прямой и косвенный объекты, то косвенный, как правило, предшествует прямому, а тот и другой - глаголу-сказуемому, ср.: Zun was sa ç̌al pase - Я тебе кое-что скажу. Такой порядок следования компонентов предложения складывался постепенно и в течение длительного времени. В прошлом он был более строгим и обязательным, чем сейчас, и об этом свидетельствует история глагольных префиксов, восходящих к падежным формантам имен. Обстоятельство времени чаще всего ставится в конце предложения. Что же касается обстоятельств места и вообще обстоятельств, выраженных локативами и близкими к ним формами, то они подчиняются общим правилам расположения именных групп, т.е. предшествуют глаголу. В целом порядок расположения всех указанных компонентов может быть и иным, это зависит от коммуникативных задач. Однако любой другой порядок будет субъективным для соответствующих компонентов.

Если постановка субъекта в именительном или эргативном падеже зависит от переходности/непереходности глагола, то

выражение субъектных отношений косвенными и локативными падежами опять-таки детерминируется глаголом, его семантикой: определенным глаголам или группам глаголов соответствуют вполне определенные падежи субъекта. Тем самым субъектные отношения реализуются как бы дифференцированно для разных тематических групп глаголов, что дает основание связать проблему выражения субъектных отношений с семантической классификацией глаголов.

Если падежи грамматического подлежащего назвать прямыми и отнести сюда именительный и эргативный, то остальные падежи, естественно, будут косвенными (родительный, дательный и орудийный) и локативными. Одна из общих тенденций развития падежной системы лезгинских языков заключается в том, что у локативных падежей появляются вторичные (переносные) значения, разрушительно действующие на глагольно-именной изоморфизм, в результате чего число их (локативных падежей) сокращается в пользу косвенных. Это обстоятельство необходимо учесть, в частности, и для того, чтобы понять действующий в языках синтаксический закон, согласно которому количество субъектных падежей со временем нарастает. В принципе, в агульском, как и в других лезгинских языках, нет глаголов бессубъектных, ибо для них чужда категория лица, утрата форм которой, как известно, трансформирует личный глагол в безличный. Следовательно, в нем нет таких глаголов, которые бы вообще не управляли именем, не соотносились с ним.

С другой стороны, указанные три группы падежей (прямые, косвенные и локативные) отличаются друг от друга по их обобщенному грамматическому содержанию, хотя, вне сомнения, они имеют и объединяющий их семантический инвариант.

Каждой из трех групп падежей соответствует свой круг глаголов: 1) с субъектом в именительном или эргативном падеже сочетаются все глаголы, кроме а) глаголов чувственного восприятия, б) некоторых глаголов мысли, в) глагольных образований, выражающих внутреннее состояние (nečdaj - совестно, lamusdaj - стыдно и под.), г) всех глаголов, производных от x'as - *мочь* и синонимичных с ними; 2) с субъектом

в дательном падеже сочетаются глаголы групп а), б), в); 3) с субъектом в локативном падеже, который таковым является лишь исторически, сочетаются глаголы группы г).

Субъект, сочетающийся с непереходными глаголами, стоит в именительном падеже, с переходными - в эргативном. Семантические различия между этими падежами, обусловленные их сочетаемостью с теми или иными глаголами, сводятся к тому, что действия, приписываемые субъекту в эргативе, воспринимаются как активные, в то время как активность или пассивность субъекта в именительном падеже зависит от лексического значения сочетающегося с ним глагола. Важно отметить также, что глаголы состояния типа rašman x'as - *печалиться,* 'ešas - *плакать,* use x'as - *состариться,* ittar x'as - *заболеть* могут характеризовать лишь субъект в именительном падеже. Вместе с тем каузативные глаголы, уже по своей семантике требующие активного деятеля, сочетаются исключительно с эргативом. Это дает основание квалифицировать именительный падеж как падеж нейтрального или пассивного субъекта. Аналогичные различия обнаруживаются и между косвенными субъектами, стоящими в дательном и локативном падежах: первый ближе к именительному, второй - к эргативному.

В целом, если отвлечься от сказанного выше, субъекты, выражаемые именительным и эргативным падежами, не вызывают особых замечаний. Они оформляют грамматическое подлежащее. Что же касается субъектных отношений, реализуемых дательным и локативным падежами, то следует отметить следующее.

1. Дательным падежом выражается косвенный субъект, сочетающийся, как уже упоминалось, с глаголами чувственного восприятия zas ȟur aguni - Я увидел зайца; Zas un weja - Я слышу (Мне слышно), физического состояния (Zas mik̨il-daj - Мне холодно; Zis kučiraj - Мне жарко); внутреннего состояния (Zas lamusdaj - Мне стыдно); мысли (Zas wun haja - Я тебя знаю). Субъект этот пассивен: действия или состояния, которые приписываются ему, представляются не как совершаемые им, а как соотносительные с ним, проявляющиеся помимо его воли, вернее - без усилий с его стороны. Это ста-

новится особенно явственным при сопоставлении с конструкциями, в которых осуществление действия оказывается сопряженным с усилием со стороны субъекта, ср.: Zas argwaja - *Я вижу,* вернее - *мне видно* ; Zun xudurfaja - Я смотрю. Высказывания с дательным субъекта трансформируются в определенных синтаксических условиях в конструкции страдательного типа с грамматическим подлежащим в форме именительного падежа и сказуемым в форме причастия, ср.: Zas ge argwaja - Мне его видно; Zas ge argwafe - Он видим мне (мною). Что дело здесь мы имеем с двусоставной конструкцией страдательного типа, подтверждается согласованием в числе, которое устанавливается между именительным падежом и причастием. Возможность трансформации исходной конструкции в двусоставную со связью согласования между грамматическим подлежащим и сказуемым говорит еще и о том, что субъект базовой конструкции является косвенным.

2. Субъект, выражаемый локативным падежом, сочетается лишь с глаголами x'as - *мочь,* его производными atɣ arukas - *мочь* с оттенком уверенности: Zafas x'ase lič wes - Я смогу туда пойти. Эта конструкция тоже может быть трансформирована в двусоставную, в которой роль подлежащего переходит к прямому дополнению исходного высказывания, а согласуемое сказуемое выражается причастием, ср.: Me lixun zafas atɣ arukase - Эту работу я смогу сделать; Zafas x'ase me lixun akas - Эта работа мне под силу. Косвенный субъект в локативном падеже по своему содержанию существенно отличается от косвенного субъекта в дательном падеже тем, что с ним сочетается дополнительный признак активности. Семантически субъект в локативном падеже инвариантен субъекту в эргативе, а субъект в дательном падеже - субъекту в номинативе. Следует отметить, что форма активного косвенного субъекта лишь генетически восходит к локативу (аблативу), в аспекте синхроническом это уже обособившаяся форма, отошедшая от локатива не только содержательно (локативное значение трансформируется в субъектное), но и формально: с одной стороны, он парадигматически отпадает от локативов, с другой - теряет изоморфную соотнесенность с глаголами, содержащими префикс, совпадающий с падежным

аффиксом имени, ср.: šiniqdiwas kant fatiw - Отбери нож у ребенка (аблатив); šiniqiwas mištti akas x'asttawa - Ребенок не сможет сделать так (косвенный активного субъекта). Из сказанного следует, что субъектные отношения в агульском языке составляют вполне определенную систему, объединенную двумя содержательными инвариантами, пронизывающими все типы падежной парадигматики, начиная от прямых и кончая локативными: а) инвариант субъективности, б) инвариант активности/нейтральности (или пассивности).

Из сказанного очевидно, что именительный падеж по индифферентности своей семантики с точки зрения активности деятеля стоит ближе к косвенным падежам, чем к локативным, которые способны развивать вторичное значение активности субъекта, тем самым приближаясь к эргативному падежу. Именно тот факт, что именительный падеж выражает субъект либо нейтральный, либо пассивный, делает его также и падежом объекта при переходном глаголе, сочетающемся с активным деятелем, стоящим в эргативном падеже. Таким образом, субъектность включает в себя оппозицию *активность*: *нейтральность (или пассивность)* деятеля независимо от того, в каком падеже он стоит. В целом одна из ведущих тенденций в развитии падежной системы агульского языка, как и всех лезгинских языков, - это появление у локативов вторичных, нелокативных, значений, приводящих в конечном счете к увеличению числа косвенных падежей. Так зарождаются, например, инструментальный падеж, падеж косвенного субъекта активного действия и некоторые другие.

Вообще же следует заметить, что в отличие от субъекта объект в агульском может быть выражен всяким локативным падежом. При этом объектная и обстоятельственная (собственно локативная) функции локатива детерминируются лексико-семантически, что находит свое выражение уже в возможности постановки к падежу как вопроса, требующего в ответе обстоятельства, так и вопроса, требующего в ответе дополнения, ср.: Kitab taxtil aldia - *Книга находится на тахте.* К падежной форме taxtil можно поставить два вопроса: а) nandil? - где? и б) firil - на чем? Аналогично обстоит дело со всеми локативными падежами, но не со всеми группа-

ми лексики, принимающими те или иные падежные аффиксы. Так, в этом отношении выделяются три группы лексики: 1) слова, обозначающие стороны света, направление, место (напр.: bagw: ḳibla bagw - кыбла, raɣ urea bagw - запад, raɣ fawč̣a bagw - восток; wartt - верх, ejs - вниз, tič - туда, mič - сюда, xabax - назад, udih - вперед, bagulix - сбоку и др.), которые, сочетаясь с аффиксами локативов, допускают постановку лишь вопроса, требующего в ответе обстоятельства: nandiras?, nandiqes?, nandixas? - откуда?; nandi? - куда?, nandiq? - где? В эту группу объединяются слова наречной семантики; 2) слова, обозначающие одушевленные предметы, относящиеся к классу людей, а также к классу животных, напр.: к формам insandilas (от слова insan - человек), wecunalas (от слова wec - вол) и подобным нельзя ставить вопросов собственно локативной семантики - nandilas? К ним уместны лишь вопросы косвенного субъекта типа hanalas? (к классу людей) и fittilas? (к классу животных, которые в этом отношении оказываются приравненными к классу вещей); 3) слова, обозначающие неодушевленные предметы, к локативным формам которых могут быть поставлены вопросы как обстоятельственной, так и объектной семантики, ср.: ɣwandilas (от слова ɣwan - камень) - nandilas? откуда? и fittilas? - с чего? С точки зрения обогащения языка новыми семантическими единицами особенно важны слова второй и третьей групп, которые очень активно развивают вторичные, переносные значения, тем самым разрушая традиционную морфемную обусловленность семантической структуры слова.

Подлежащее и сказуемое. Как уже отмечалось, субъект, стоящий в прямом - именительном или эргативном - падеже, соответствует в агульском подлежащему. Выражение подлежащего особых замечаний не вызывает. То, что достойно комментариев, сводится к следующему: подлежащие, стоящие в именительном и эргативном падежах, различаются не только по семантике, но и по оформлению (по падежным аффиксам). Исключение составляют личные местоимения 1 и 2-го лица, которые в собственно агульском и кошанском диалектах полностью совпадают в указанных падежах. В керенском диалекте те же местоимения развили, как и в лезгин-

ском языке, специфические формы эргативного падежа - zaš, čaš, x'eš, waš, выполняющие роль активного подлежащего в отличие от подлежащего в именительном падеже.

С подлежащим соотносится сказуемостная, или предикатная, форма, которая может быть представлена любой глагольной либо именной лексемой, но при этом в повествовательной речи обязательно включает в себя вспомогательный глагол. Важнейшая особенность предиката в том, что в нем заключается высказывание. Такова норма, хотя не исключается возможность инверсии. Однако инверсия перестраивает дальнейшую перспективу повествования, чаще всего прерывая плавность ее течения, ср.: Tebur xabarsuzdi adini - Они неожиданно пришли; Adini tebur xabarsuzdi - Пришли они неожиданно. Первое высказывание типично для неторопливого, ровного повествования, в то время как второе сигнализирует поворот в течении речи или изменение в ее ритме, переход к иной манере рассказывания и т.д. Инверсивный порядок предупреждает слушателя о том, что дальше последует нечто неожиданное, причем такая функциональная нагрузка наиболее характерна для сказуемых, выраженных формами прошедшего времени с имперфективным значением. Как правило, подобные конструкции широко используются в сказочном повествовании, а также в устных рассказах. Сказуемое, вынесенное вперед, способствует перестройке не только семантической структуры предложения, но и формальной: в таких случаях возникает тенденция к контактному размещению главных членов, ср.: čin dara' uj - Мы были в лесу.

Поскольку вспомогательные глаголы (*a*, *e* и др) отличаются друг от друга семантически, то семантически различаются и сказуемые, в состав которых эти глаголы входят: глагол *a*, актуализируя общее значение бытия, наличия и сочетаясь как с именными, так и с глагольными формами, образует основной тип сказуемого с широким диапазоном синтаксических функций; слово *e* выступает как связка именного сказуемого с указательно-подтвердительной функцией, функцией отождествления, констатации и т.д., ср.: Zun misa a - Я здесь; Gi aɣ aja - Он говорит; Hege wec e - Это - вол; Hege insan zis haf e - Тот человек мне знаком. Таким образом,

вспомогательные глаголы выполняют не только конструктивную роль, конституируя сказуемые и тем самым - предложения, но и роль дифференциальных признаков каждой из двух важнейших групп предложений - глагольных и именных.

Глагольные конструкции составляют основную группу предложений с широким спектром временных, модальных, логико-синтаксических значений. Именные же предложения лишены подобной разнонаправленной содержательной перспективы, что обусловливается прежде всего конструктивными возможностями связочных формантов.

Как было замечено на материале индоевропейских языков А.А. Потебней[182] и вслед за ним А.М.Пешковским[183], сказуемость, хотя и является синтаксическим понятием, связана с глагольностью, ибо сказуемое оформляется в первую очередь глаголом. Это положение вполне приемлемо и для дагестанских языков, относящихся к иному морфологическому типу: без сказуемого нет предложения, если не принимать во внимание некоторые аффективные построения, а сказуемое обязательно включает в себя глагольный компонент. Такими глагольными компонентами наряду с уже упоминавшимися *а*, *е* являются слова x'as - мочь, aḳas - делать, ax'as - находиться. Роль их в предложении велика не только потому, что они выражают модально-временные отношения, но и потому, что с их помощью именное слово переориентируется на глагольность, переводится в сферу сказуемого и, следовательно, глагола, ср.: lixun - работа, lixun a - есть работа, čin lixase - мыоработаем. čin lixun aḳase - мы сделаем работу (мы поработаем).

Сказуемое выражается не только собственно глагольными формами, но также причастиями и деепричастиями, однако это относится лишь к сложному предложению, в составе которого действие одного из предикативных единств характеризуется не абсолютно, а через время действия другого пре-

[182]*Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике.Т.1-2. Изд. 2-е. Харьков, 1889. С. 77-78.

[183]*Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении, с. 166.

дикативного единства. Отсюда очевидно, что можно говорить о сказуемых, отличающихся друг от друга по тому, как они выражают время действия. Если сказуемое, включающее в себя собственно глагольные формы, выражает время действия как абсолютно, так и относительно (в зависимости от контекста и ситуации), то сказуемое, выраженное причастием или деепричастием, функционируя исключительно в составе сложного предложения, характеризует время действия лишь относительно.

Безглагольные конструкции встречаются либо в аффективной речи, либо в диалогах в качестве ответных реплик, в которых они представляют собой неполные предложения.

Второстепенные члены предложения

Обстоятельства выражаются наречиями, также падежными формами имен с обстоятельственными значениями. В повествовательном предложении обычно они стоят перед сказуемым. При наличии дополнения обстоятельство предшествует ему. Но оно может также занимать начальную и конечную позиции предложения, при этом и остальные члены перестраиваются соответствующим образом.

Дополнения могут быть прямыми и косвенными. Прямое дополнение стоит в именительном падеже при переходном глаголе. *Косвенное дополнение* выражается формами косвенных падежей: čin čwas bagah üķer ucase - Мы завтра вам сена накосим. Общая схема расположения членов предложения в повествовательной речи такова, что дополнение, как правило, непосредственно соседствует со сказуемым. При наличии в предложении двух дополнений они могут располагаться по-разному относительно сказуемого в зависимости от коммуникативных задач высказывания. Однако чаще встречается ситуация, когда оба дополнения либо предшествуют сказуемому, либо окружают его слева и справа. При этом общий синтаксический закон языка состоит в том, что второстепенный член, несущий наибольшую нагрузку, стремится занять место рядом со сказуемым.

Определение выражается прилагательным или его субститутом, стоит всегда в препозиции по отношению к определяемому и не согласуется с ним: muçe rang - темный цвет, muçe rangar - темные цвета. Слово, стоящее в позиции определения, вообще не изменяется, хотя и могло бы согласоваться с подлежащим в числе и падеже. Однако стоит тому же слову переместиться в позицию сказуемого, как оно принимает форманты числа и падежа, т.е. грамматически уподобляется определяемому (подлежащему), ср.: rangar muçettar e - цвета темные. Отсутствие согласования качественных слов с определяемыми в позиции атрибута и наличие его в позиции предиката - это факт, требующий объяснения с привлечением необходимых сравнительно-исторических данных. Однако пока можно лишь предположить, что рассматриваемый феномен есть выражение того, что в агульском, как и в других лезгинских языках, процесс оформления качественных слов еще не получил своего завершения. Атрибутивность исключительно синтаксична, еще не выработала специфических морфологических средств, свидетельствующих о ее самостоятельности как грамматической категории. Качественное слово качественно по семантике, а атрибутивно - по положению в предложении. Поэтому оно способно относиться как к имени, так и к глаголу.

*Типы связи между членами предложения..*В агульском языке существует четыре типа связи: 1) согласование, действующее между качественными словами, выступающими предикативно, и определяемыми - подлежащими: ruɣ u x'ed - холодная вода; x'ed ruɣ ufe- вода холодная; x'edar ruɣ uttar e - воды холодные; 2) координация, действующая между главными членами в предложениях отождествления (тождества), констатации, локативными падежами и глаголами с локативными превербами; 3) управление (между сказуемым и дополнением); 4) примыкание (примыкают все неизменяемые слова и слова, не изменяемые в определенных синтаксических условиях).

Типы предложений по цели высказывания.. Предложения делятся на повествовательные, вопросительные и побудительные. О повествовательном предложении, его структуре,

порядке размещения в нем главных и второстепенных членов уже была речь.

Структурная особенность вопросительных предложений состоит в том, что они обязательно включают в себя вопросительные слова (наречия и местоимения) и частицы. Обычно вопросительное слово начинает предложение, за ним следует сказуемое, далее - подлежащее. Это общее правило реализуется по-разному в зависимости от того, к какому члену предложения ставится вопрос: Najič wej wun? - Куда идешь ты?; Nandiras adife ge? - Откуда приехал он? При наличии в вопросительном предложении дополнений они располагаются после подлежащего: Nandiras fajife wun me? - Откуда принес ты это? Возможен и другой порядок слов, когда вопросительное слово стоит не в начале предложения: Wun me nandias fajif e? - Ты это откуда принес? В любом случае должны соблюдаться два непременных условия: а) чтобы вопросительное слово и сказуемое располагались контактно и б) чтобы вопросительное слово предшествовало сказуемому.

Вопрос к глаголу-сказуемому выражается с помощью вопросительной частицы -wa (-w), присоединяемой к глагольной форме и приобретшей статус постфикса: Wesew wun? - Пойдешь (ли) ты?; Wun wesew? - Ты пойдешь?; Waş puniwa ti? - Тебе сказал (ли) он? Компонент с вопросительным постфиксом может стоять и за подлежащим в зависимости от речевой ситуации и задач говорящего.

Судя по данным диалектов агульского языка, а также других лезгинских языков, в частности собственно лезгинского, вопросительная частица (постфикс) как средство выражения вопроса сформировалась не очень давно. Чтобы проследить историю ее становления, необходимо учесть, во-первых, то, что в вопросительном предложении вопросительно интонированное слово должно было занимать начальную позицию (для такого члена, как сказуемое, это было обязательно, поскольку для выражения вопроса к нему специальных вопросительных слов не существовало); во-вторых, то, что вопрос имел конкретного адресата, являвшегося участником акта речи, т.е. вопрос ставился в диалоге; следовательно, в-третьих, за вопросительно интонированным словом (сказуемым)

должно было следовать личное местоимение второго лица. Но дело в том, что это личное местоимение могло стоять в одном из двух падежей - именительном или эргативном (активном). Тот факт, что вопросительная частица (постфикс) в собственно лезгинском имеет форму -ni (-n), дает основание полагать, что личное местоимение, к которому относилось вопросительно интонированное сказуемое, стояло в эргативном падеже, и лезгинский формант вопроса -ni (-n) не что иное, как синтаксически и морфологически трансформировавшееся личное местоимение в эргативном падеже: Neda wuna?- Съешь ты? Интонационно сильно выделялось первое слово neda na?, происходила редукция интонационно слабого личного местоимения, причем сохранялась вторая его часть, представлявшая собой показатель падежа; в падежном отношении индифферентный слог wu- выпадает (синкопа) > nedan? (конечное *a* исчезает, и согласный, оставшийся от личного местоимения второго лица ед. числа в эргативном падеже, переосмысляется как вопросительная частица). Со времени образования вопросительной частицы, выступающей исключительно в роли глагольного постфикса, глагол перестает быть по-особому интонированным. Что же касается современных вопросительных форм глагола с конечным *и* (Недани? - Съешь ли?; Фидани? - Пойдешь ли?), то они не противоречат предложенному объяснению: поскольку новая вопросительная форма (форма с постфиксом) не перестает сочетаться с личным местоимением в том же эргативном падеже, то вопросительная форма глагола характеризуется либо конечным согласным, либо таким гласным на конце, который отличается от гласного в составе аффикса эргативного падежа, - иначе неизбежна грамматическая омонимия, ср.: *Ийидан (ийидани)? - Сделаешь ли?* и *Ийида на - Сделаешь ты.* Из сказанного следует также, что специальное средство оформления вопроса к глаголу-сказуемому сначала вырабатывается в эргативной конструкции, затем становится достоянием предложения вообще.

Аналогичен путь образования вопросительной глагольной частицы и в агульском, объяснительные возможности которой придают диалектам особые различия. Здесь представлены

разные стадии одного и того же процесса: кошанский диалект пережиточно сохраняет интонирование как способ выражения вопроса к глаголу (ak̦ase wun? - Сделаешь ты?), керенский - с той же целью использует форму эргативного падежа личного местоимения 2-го лица ед. и мн. числа (Ak̦aj waš? (čwaš)? - Сделаешь ты (сделаете вы)?, лишь в собственно агульском мы имеем дело с вполне сложившейся вопросительной частицей, которая генетически восходит к личному местоимению 2-го лица ед. числа, не различающему именительного и эргативного падежей: Ak̦asew(a)? - Сделаешь (сделаете)?; Xurasew(a) - Прочитаешь (прочитаете)?.

В заключение необходимо наметить относительную хронологию формирования вопросительной частицы в агульском и шире - лезгинских языках. Совершенно ясно, что это было инновацией, относящейся уже к периоду раздельного существования лезгинских языков, о чем свидетельствует неодинаковость ее оформления в каждом из них. Это во-первых. Во-вторых, оно могло иметь место лишь после формальной дифференциации именительного и эргативного падежей личных местоимений там, где такая дифференциация вообще произошла.

Структура глагола и структура предложения. Роль глагола в структуре предложения хорошо осознана на материале разных языков. Это нашло свое выражение, в частности, в том, что в науке о языке важнейшие признаки предложения, такие, как *предикативность, модальность, наличие определенной семантической перспективы* связываются прежде всего с глаголом-сказуемым. Более того были вполне обоснованные попытки определить само понятие *предложение,* например в индоевропейских языках, через глагол.

Тесная связь между структурой глагола и структурой предложения отчетливо проявляется и в дагестанских языках, в которых исторически сложившееся своеобразие глагольного слова, его морфемного состава, изоморфной соотнесенности с именем выдвигают глагол в центр предложения с вершинообразующей функцией. Это особенно наглядно видно на примере глаголов движения, перемещения и других смежных с ними групп. Семантика глагола, реализуемая составом его

морфем, уже содержит в себе информацию о падежных формах, с которыми глагол сочетается, и в целом о его синтагматике. Так, аффикс, начинающий основу глагола, указывает на направленность действия в пространстве, является изоморфным форманту соответствующего локативного падежа; следующий аффикс, тоже относясь к пространственной семантике, конкретизирует ее с точки зрения направленности действия по вертикальной или горизонтальной оси, напр.: alɣ adiwas - поднять; alčadiwas - натянуть. Корень нередко тоже содержит достаточно ясный намек на характер перемещения действия (это - наиболее обобщенный и постоянный элемент лексического значения)[184], с суффиксами временных форм связывается синтагматика обстоятельственных слов.

Порядок синтагматического расположения глагольных приставок и падежных аффиксов, служащих для выражения пространственных отношений, один и тот же: поскольку каждым аффиксом реализуется, как правило, одно значение, то в последовательности аффиксов передается последовательность и актуальность соответствующих смыслов, ср., напр., значения превербов al-, -a- в глаголе *aladiwas - снять,* а также соотносительных с ними падежных формантов -al (-il), -as, в существительном *gunṭalas - с горки* в словосочетании *gunṭalas aladiwas - с горки снять.* Как видно из примеров, наиболее отчетливой способностью предварять структуру предложения обладают производные многоморфемные глаголы. Что же касается непроизводных или производных маломорфемных глаголов, то они довольно индифферентны по отношению к структуре предложения: они характеризуются свободной лексико-синтаксической валентностью, ср.: aḳas - делать, lixas - работать, uččas - мыть, стирать, daḳas - болтать, качать, ɣ uzas - встать, liḳes - писать, xuras - учить, учиться, ɣ urɣ as - говорить, lixwas - танцевать, uqas - бежать и др. В подобных случаях глагол не навязывает направления развертывания предложения, ибо он может свободно сочетаться со многими словами как предметной, так и обстоятельственной семантики.

---

[184]*Тарланов З.К.* Язык и культура. Петрозаводск, 1984. С. 56-58.

Сложное предложение

Среди сложных предложений различаются сложносочиненные, сложноподчиненные и бессоюзные.

Типы и возможности *сложносочиненных предложений* ограничены, поскольку невелико число сочинительных союзов, к которым относятся повторяющиеся ra-ra - и-и ('urdra adinej, meķera x'unej - *и зима пришла, и холода наступили*), ja-ja - *или-или* (ja wun šab, ja ge adiraj - *Или ты приходи, или пусть он придет*), gah-gah - *то-то* (gah uɣ al uɣ aj, gah raɣ wej - *То дождь идет, то солнце светит*); одиночный противительный amma - *но* (zafas pas x'asiri, amma qan x'undawuj - *Я бы мог сказать, но не захотелось мне*). Конструкции с повторяющимися союзами имеют ту особенность, что часто вторые предикативные единства, образующие их, оказываются неполными. Сложносочиненными предложениями чаще всего выражаются последовательность, чередование событий, а также значение противопоставления.

Сложноподчиненное предложение располагает разнообразными формантами, создающими придаточные предложения и тесно связанными с глаголом-сказуемым, конституирующим соответствующий тип придаточного. Среди придаточных выделяются объектно-изъяснительные, обстоятельственные (условные, причинные, временные, уступительные) и определительные. Средствами связи придаточного с главным выступают относительные местоимения, наречия и подчинительные союзы.

Объектно-изъяснительные придаточные предложения (Up, *fi išin was qanef* - Скажи, что тебе нужно; žallaburis agunaa, *ge fišttinf idin* - Все знают, каков он; *Wafas fi wejčin,* zas agunaa - На что ты способен, я знаю) могут занимать как препозицию, так и постпозицию по отношению к главному, однако предпочтительна препозиция. В главном предложении они чаще всего относятся к глаголам речи, мысли, чувственного восприятия, раскрывая и развертывая их содержание. В главном предложении могут употребляться соотносительные слова: *Fi was qanef ičin, hele* up - Что тебе нужно, то и назови.

Определительные придаточные предложения не получили широкого распространения. В выполнении соответствующих функций они не идут даже в сравнение с причастными конструкциями. Наиболее характерный и активный тип придаточного определительного - это предложение атрибутивно-уподобительное, присоединяемое к главному посредством относительных местоимений: Dadna bab fišttinttar ičin, hetišttinttar werefe šiniqwara - Каковы родители, такими бывают и дети. Определительное придаточное обязательно предшествует главному.

Одна из структурных особенностей придаточных объектно-изъяснительных и атрибутивно-уподобительных предложений состоит в том, что для них обязательна постановка глагола-сказуемого в условное наклонение. Без формы условного наклонения сложноподчиненное предложение трансформируется в два самостоятельных простых предложения, одно из которых является вопросом, второе - контекстуально связанным с ним утверждением, отрицанием или побуждением, ср.: 1. Up, fi ičin was qanef - Скажи, что тебе нужно. Up. Fi i was qanef - Скажи. Что тебе нужно? 2. Dadna bab fišttinttar idin, hetišttinttar x'ase šiniqwara - Каковы родители, такими бывают и дети. Dadna bab fišttinttar i? Hetišttinttar x'ase šiniqwara.- Каковы родители? Такими бывают и дети.

В результате подобных трансформаций общий смысл не меняется, меняется лишь синтаксический статус реализующих его текстов. Этот факт дает основание предположить, что по своему происхождению сложноподчиненные предложения с объектно-изъяснительными и определительно-уподобительными придаточными предложениями восходят к сочетаниям конструкций, представлявших собой вопрос и комментарий к нему. Поскольку конструкция, выражающая конкретный вопрос, не может стать частью сложного предложения, ибо он направлен на получение вполне определенной информации, соотнесен с тем или иным временем, вопросительная конструкция должна быть преобразована в невопросительную. И достигается это путем включения в генетически исходное построение формы условного наклонения, обобщающей значение глагола-сказуемого, ср.: Fi i was qanef? Up. -

Что тебе нужно? Скажи. - Fi i+čin was qanef, up. - Что тебе нужно, скажи.

Более разнообразны по структуре и распространены в речи сложноподчиненные предложения с обстоятельственными придаточными (условными, временными, причинными, уступительными).

Условные придаточные образуются при помощи форманта -šin(-čin), присоединяемого к глаголу: Wun pičin, zun ak̹ase - Если ты скажешь, я сделаю; Hawa iže x'ičin, x'in daradi wese - Если погода будет хорошая, мы пойдем в лес; Wun puničin, zun ak̹asij - Если бы ты сказал, я бы сделал.

Придаточное временное образуется по-разному: 1.При помощи форманта -guni (-guna), присоединяемого к глаголу-сказуемому; такое придаточное обычно стоит в препозиции. Например: Wun adiguna, zun xula adawuji - Когда ты пришел, меня дома не было; čin ruk̹uf čun maktabi ušuguna ij - Мы доехали, когда вы ушли в школу. Придаточное времени может включиться и в середину главного, как это видно из второго примера. Семантически оно представляет такое действие, которое либо предшествует действию главного предложения, либо протекает параллельно с ним. Сказуемое в нем может быть выражено соответственно формами глагола прошедшего или настоящего времени. 2. При помощи форманта -dehen (-tehen). Такое придаточное обозначает действие, хронологически соизмеримое с действием главного предложения, сказуемое его выражается глаголом будущего времени: Tin sara we kitab, dars hewzur ak̹asttehen - Дай, пожалуйста, твою книгу, пока приготовлю урок. Придаточное может стоять и в препозиции, и в постпозиции. 3. При помощи форманта -tti: Muč̹ x'astti herekat ak̹e - Пока не стемнело, старайся; такое придаточное выражает время, предшествующее времени действия главного предложения. 4. При помощи форманта -gunas (-gunis).Такие придаточные реализуют время, конец которого совпадает с началом времени действия главного предложения: če kar qirk̹wagunis šab - Приходи к тому времени, когда кончится наша работа.

Придаточное уступительное отличается от придаточного условного тем, что в нем формант условности -šin (-čin)

осложняется союзом-частицей ra с обобщающе-противительным значением, ср.: Wun pučin, zun wese - Если ты скажешь, я пойду (усл.); Wun pučira, zun westtawa - Если даже ты и скажешь, я не пойду (уст.). В сложноподчиненном предложении с придаточным уступительным главная и придаточная части противопоставлены семантически. Это выражается и в том, что главное предложение при придаточном уступительном может быть только отрицательным.

Придаточное причины можно считать находящимся на стадии формирования. Оно всегда постпозитивно и присоединяется к главному посредством союзного сочетания fas pudin (pušin), стоящего на стыке частей сложноподчиненной конструкции. Союзное сочетание восходит к вопросительному наречию fas? - почему? и глагольной форме pas в условном наклонении. Все сочетание буквально значит *если спросить - почему?* Как союзное средство оно лишено вопросительности в какой бы то ни было форме и характеризуется интонацией пояснения, объяснения и т.д.: Zun wese xer ucas, fas pičin šiniqüs čatin lixun e ge - Я пойду на сенокос, потому что для ребенка эта работа тяжела. Едва ли подлежит сомнению, что сложноподчиненное предложение с придаточным причинным восходит, как и некоторые другие типы сложноподчиненных предложений, к конструкциям с вопросом, причем вопрос был риторическим, предупредительным, рассчитанным на собеседника, и располагался между двумя повествовательными предложениями, связывая их по смыслу, ср.: Urdana čin čwe bugudi adesttawa. Fas pučin? Urdin reqer čatin wej - Зимой мы к вам не приедем. Если спросить "почему?". Зимние дороги бывают трудными. Urdana čin čwe bugudi adesttawa, fas pučin urdin reqer čatin wej - Зимой мы не приедем к вам, потому что зимние дороги бывают трудными.

Придаточные причины образуются также при помощи форманта -hela (-helan, -helaj), восходящего к синтаксическому сочетанию hel a (an, aj) - *похоже,* потерявшему свое первоначальное значение и трансформировавшемуся в средство подчинительной связи. Причинное отношение, представляемое придаточным с формантом -hela, отличается тем, что оно имеет ясно выраженный оттенок субъективности: связь ме-

жду событиями главного и придаточного предложений воспринимается здесь не столько как данная объективно, сколько как установленная самим говорящим лицом, ср.: Wun šab puhelaj adife zun - Так как ты меня пригласил, я пришел. Одна из особенностей лексического наполнения рассматриваемого типа конструкций состоит в том, что они обязательно включают в придаточную часть глагол pas- *сказать*, к видовой основе которого и присоединяется подчинительная скрепа: Wun jax puhelaj ušuni čin - Поскольку ты сказал "идите", мы пошли; Wun aķe puhelaj geburi aķuni - Поскольку ты велел, они сделали. Приведенные примеры наталкивают еще на одну особенность этих конструкций: в придаточном предложении непосредственно перед глагольной формой с послелогом -helaj (-helan) необходимым является также императив основного (смыслового) глагола, временная форма которого выступает как сказуемое главного предложения.

Несколько особо стоит *сложноподчиненное предложение с альтернативными отношениями*, в котором придаточное, всегда занимающее препозицию, организуется при помощи форманта -dala (-ttala), реализующего значение сравнения. Как средство выражения сравнения он используется и в простом предложении: Ṫisadala misa iže ej - Чем там, здесь лучше. В сложном предложении то же сравнительное отношение объединяет главную и придаточную части, ср.: Was minnat arķajdala čin aķase če lixun - Чем тебя упрашивать, мы сами сделаем свою работу.

Целевые отношения в агульском, как и в других лезгинских языках, чаще всего выражаются инфинитивом. Они могут реализовываться также и придаточными предложениями, конституируемыми специфическими сочетаниями форм наклонений: а) форма императива 3-го лица + деепричастие совершенного вида от глагола pas - *сказать, говорить* в придаточном, а главное предложение - обычная конструкция со сказуемым в индикативе: Gebur ušuraj puna adittar ej čin - Мы пришли, чтобы они ушли; б) предикативные формы в придаточном могут быть представлены императивом 2-го лица, инфинитивом; ср.: was jax pas puna adittar ej čin - Мы пришли сказать, чтобы вы ушли; was pas puna adittar e čin - Мы приш-

ли, чтобы сказать вам. Характерно, что во всех случаях, подобных приведенным, в придаточной части нет подлежащего: в самой структуре конструкции позиция подлежащего не предусмотрена. Придаточные цели могут быть оформлены также при помощи средств других наклонений. Но как бы они ни выражались, в сложноподчиненном целом они всегда стоят в препозиции.

Сложноподчиненные предложения с придаточными места и направления: Wun nandi ačin, hetič adese zun webugudi - Где бы ты ни был, я туда приду к тебе; Was iže muḳ hajčin, jax hetič - Если ты знаешь хорошее место, иди туда; Wun was pu muḳuji jax - Ты иди туда, куда тебе сказано. Одна из особенностей придаточных локативных состоит в том, что в них предикативный член нередко представляется формами условно-сослагательного наклонения. Если же в придаточных отсутствуют формы условно-сослагательного наклонения, то позиция сказуемого имеет тенденцию быть неполностью замещенной морфологически (в ней наличествует лишь основа совершенного или несовершенного вида).

Обширный диапазон значений реализуется *бессоюзными сложными предложениями*. Однако здесь они рассмотрены не будут, ибо это потребовало бы развернутого семантического анализа на разнообразном языковом материале, что не входит в задачу настоящего исследования.

Способы выражения сравнения

Для выражения сравнения и сравнительных отношений используется ряд лексических и синтаксических средств, причем среди последних односторонне преобладают именные группы. Они реализуются в составе сказуемого, сравнительного оборота, который синтаксически может относиться к разным членам предложения, в составе соответствующих придаточных предложений. Как бы они ни оформлялись синтаксически, выражение их связано со словами suman - как, dehen - столько, а также другими полузнаменательными словами, восходящими к падежным формам: 1. С помощью слова suman - *как* выражаются сравнительные отношения двух ти-

пов: а) сравнительно-обстоятельственные, когда оно в составе сравнительного оборота относится к глаголу-сказуемому: Zun gi suman xuraj - Я, как он, читаю; Ge hejwan suman uqaj - Он, как лошадь, бегает; во всех подобных случаях само отношение сравнения можно квалифицировать еще и как нейтральное, неконкретизированное; б) сравнительно-атрибутивные отношения, когда сравнительный послелог принимает аффикс адъективности (-f) и вместе со вспомогательным глаголом входит в состав сказуемого: Gada dad sumanf i - Сын как отец; сын такой, как отец; при этом в сферу адъективности переводится и то слово, к которому формант сравнения относится непосредственно, тем самым агглютинативно соединяются между собой не только аффиксы или аффиксы и самостоятельные слова, но и самостоятельные слова.

2.Несколько специфичны сравнительные отношения, выражаемые посредством служебной лексемы dehen - *столько.* Сугубо грамматически она ведет себя так же, как послелог suman: входит в состав сравнительного оборота или, приняв аффикс адъективности, функционирует как один из компонентов сказуемого. Однако в том и в другом случаях сами сравнительные отношения характеризуют соответствующий предмет количественно, по размерам: по длине, высоте, ширине, толщине, количеству и т.д.: ɣ wan dehen q̣eq̣e gaf punaj wun - Тяжелое, как камень, слово ты сказал; Xular q̣ala dehen ej - Дом, как крепость (по размерам).

Порядок следования сравнительного компонента предложения в обоих рассмотренных случаях не является строго фиксированным. Однако наиболее распространена последовательность, при которой на первом месте в предложении стоит сравнительный оборот, за ним следует сказуемое (или вспомогательный глагол) и заключает его сравниваемый предмет (или обстоятельство), ср.: tisa suman ej misara - Здесь, как там; Tewus suman e mewusra - Это место такое же, как то место.

3. Сочетание эссивного падежа на -w (-f) с деепричастием настоящего времени (несов. вида) faj (fari), потерявшим свое первоначальное значение взамен значению "совместность, социативность". Им реализуется, так сказать, паритетное

сравнение, т.е. такое, когда то, что сравнивается, и то, с чем сравнивается, равны друг другу по отношению к основанию сравнения, причем это равенство устанавливается говорящим в момент речи, субъективно: Zafas x'asttawa tiw faj uqas - Я не смогу бежать наравне с ним; Zafas tiw faj uqas x'ase - Я смогу бежать наравне с ним.

4. Сочетание того же эссивного падежа с деепричастной формой xaj (xari); способ ограниченно распространенный: Zafas tix xajɣ urɣ as x'ase (x'asttawa) - Я смогу (не смогу) тягаться с ним (разговорами).

5. Сочетание имени в именительном или эргативном падеже с формантом -dala, которое входит в предложение с подлежащим и сказуемым, причем постановка прикомпаративного имени в эргативном падеже зависит от того, является ли действие глагола-сказуемого переходным. Нередко сказуемое имеет качественный распространитель - наречие образа действия: Ti dala mi iže kar aķuni - Чем тот, этот лучше поработал; Bagnišdala wec zurba x'uni - Вол оказался проворнее медведя. Сравнительный оборот может стоять как в препозиции, так и в постпозиции, однако практически чаще встречается в препозиции.

6. Сочетание имени (или его субститута) в аблативе на -las с именительным или эргативным падежом, с которым соотносится сказуемое, включающее в себя слово(наречие, прилагательное, причастие), допускающее качественно-количественную характеристику: Culilas urd ibaf x'uni - Зима оказалась теплее осени; čalas tebur warxal ušuni - Они пошли дальше нас.

В случаях, отмеченных в пунктах 5 и 6, сравнительный формант может осложняться элементом -ra, служащим для подчеркивания преобладания в сравниваемом предмете того или иного признака. Это одна из линий стратификации компаративной семантики.

Выражение совместности

Совместность, как и сравнение, выражается аналитически, с помощью ряда полузнаменательных слов, функционирую-

щих в соответствующих синтаксических конструкциях. Это генетически деепричастные формы xaj (xari, xad), faj (fari, fad), фонетические варианты которых различны в разных говорах, что видно уже из приведенного перечня. Функциональные различия между формантами xaj и faj сводятся к тому, что первый из них реализует совместность предметов, относящихся к категории личности, второй - совместность предметов, не являющихся лицами. Однако эти различия актуализируются, как правило, в случаях, когда обозначается совместность гетерогенных предметов. Когда же речь идет о гомогенных предметах, значение совместности передается посредством того же форманта xaj, ср.: š̆iniqwar xaj adini - Дети пришли вместе; š̆iniqwar dadarix xaj adini - Дети пришли с отцами; š̆iniqwar ķeruxar faj adini - (приблизительно) Дети пришли с телятами (пригнали телят). Впрочем, речь идет о тенденциях, но не о закономерностях. Границы в употреблении xaj и faj довольно призрачны, если учесть, что конструкции с ними характеризуются не только прямыми, но и переносными значениями.

Рассматриваемые форманты сочетаются с именительным и с локативными (эссивными) падежами, несколько варьируя значение (характер) комитативности, ср.: čin insanar xaj adini - Мы пришли с людьми (пригласили их); čin insanarix xaj adini - Мы пришли с людьми (вслед за ними). Отсюда ясно, что, во-первых, форманты xaj, faj в принципе никогда не сочетались с эргативным падежом; во-вторых, они генетически восходят к эссивным падежам на -x и -w (-f); в-третьих, употребление их с именительным падежом - факт позднейшей истории языка.

Выражение временных отношений

Для выражения временных отношений используются: 1.Формы времени глагола. 2.Сложноподчиненные предложения с придаточными времени.3.Наречия времени.При этом наречия времени дифференцированы по тому, как и какое время ими обозначается; так, от существительного ħal- *лето* суффиксом -ana образуется наречие ħalana - летом, а суффи-

ксом -is - наречие ħalis - к лету. Кстати, интересно проследить генезис некоторых наречий времени, в частности таких, как bagah - завтра, urihdi - прежде, habaxixdi - к вечеру. Bagah - *завтра,* по-видимому, восходит к bagw (bugu) - сторона тела + h (аффикс, обозначающий расположение чего-либо впереди, спереди), следовательно, первоначальный смысл bagah (buguh) - это пространство впереди (спереди) и вообще ближайшее пространство, отсюда и послеложная форма - bugu (ze bugu - у меня, ко мне, близ меня). Таким образом, bagah обозначало ближайшее пространство спереди, позже оно приобрело и переносный смысл, называя также время, близко примыкающее к *сегодня* (jaħa, что этимологически означало *день сущий, день наличествующий*).

Habax - *вечер, habaxixdi - к вечеру* может быть сопоставлено с ha(b), hu(b) - овца; haw (hub) - *воротник из овчины.* В слове habaxixdi исторически выделимы наречный суффикс со значением направления -di, вторичный аффикс постэссива -i(x), первичный аффикс того же падежа -a(x), поглощенный корнем ha(w), hu(b) (опрощение), в результате чего возникла новая лексико-семантическая единица habax (hawax) - *вечер.* Таким образом, этимологически hawax (hubax) - это форма постэссива от слова ha(w), hu(b) в переносном значении - *воротник из овчины.* Следовательно, habax - это то, что остается *сзади, за воротником, за спиной по ходу движения человека.* Пространственные представления первичны, на их базе зарождаются временные представления. Гомоцентрически определяемые пространственные представления > пространственно-временные представления > временные представления, отвлеченные от пространственных, - вот схематически магистральный путь развития временных представлений, судя по данным языка. Это подтверждается, в частности, временными наречиями, построенными по образцам пространственных и имеющимися в разных языках. Ср. аг. urihdi - прежде - urih - *впереди* + di - *по направлению;* urihanis (udihis) - *прежний (передний) год - позапрошлый год;* xawdi - *позже* - xaw (xab) *назад* + di - *по направлению.*

При сопоставлении пространственного наречия urih - *вперед, впереди* и временного наречия urihdi - *прежде, давно* воз-

никает вопрос, как один и тот же корень стал обозначать противоположные значения: ведь значение *прежний, давний* невозможно как-то свести к значению *передний,* скорее это полярные значения, ибо *прежнее* в современном сознании связывается не с предстоящим, а с прошлым, реализуя тем самым семантику, противоположную этимологически первичной. Кстати, так обстоит дело и в других языках, и не только в кавказских, ср., например, в русском *вперед* и *прежде.* Дело в том, что корень urih изначально выражал не только *нахождение впереди,* но и предшествование чего-либо чему-либо; то, что предшествовало, *становилось прежним, раньше (впереди) пройденным* с точки зрения последующего. Тем самым пространственное представление urih - *впереди, перед (ч.-л.),* трансформируясь, порождает временное представление, располагающее предметы, действия, признаки в таком порядке, в каком важны оппозиции *прежде:позже, сперва: потом, предшествование: последование* и под. Однонаправленность времени народное сознание опять-таки трактует с помощью пространственных представлений, централизующихся вокруг момента речи (т.е. говорящего лица): то, что было до момента речи, - это предшествующее, совершившееся, следовательно, оставшееся позади; ему противостоит то, что произойдет после момента речи, предстоящее, следовательно, - будущее.

Вот еще некоторые ряды временных наречий: а) jaħa - сущий день - bagah - ближайший (точнее: под боком находящийся) день - sajiɣ а - (на) другой день (saji - другой) - xajaɣ a (на) следующий за sajiɣ а день - xan̈ïjaɣ а - (на) дальний день - tilas xanijaɣ а - дальше дальнего дня; б) jaħa (на) сущий день - naḳ *вчера* - udihjaɣ а *(на) предшествующий день* - tilas udihjaɣa *(на) более предшествующий день;* в) tti' - *в текущем году* - cac *в прошлом году* - udihanisa *в предшествовавшем году* - tilas udihanisa - *в более предшествовавшем году;* г) tti' - *в текущем году* - wereisa- *в будущем году* - xaisa - *в следующем году;* д) наречия определенного времени: daḳiḳaji - в течение минуты, seeti - в течение часа, jaɣ а - в течение дня, üštti - в течение ночи, hefttaji - в течение недели, wazdi - в течение месяца, istti - в течение года; x'irtti, urdtti, ħaltti, cultti - в течение весны,

зимы, осени, лета; е) наречия приблизительного времени, образованные от названий отрезков суток: bagahmiringuni - утром, bagahmiri - утром, ekuw fari - на рассвете, raɣ aličina - с восходом солнца, siw hartaguni - во время утреннего чая, bagahmirinttaringuna - во время завтрака; raɣ aličajiguni - когда поднялось солнце, raɣ aḳwanah hačawej - при приближении солнца к полудню, aḳwananguni - в обед, aḳwananxab - после обеда; raɣ určari - в момент захода солнца, hadarkumanguna - период после захода солнца до вечера; hubax - вечер, muçinangah - время сумерек, üšanttarin waxt - время ужина, axunangah - время, когда ложатся спать; surüš - полночь; bagahmirin, aḳwanan, hadarkuman, mučinan, axunan qurgunin waxt - время утреннего, обеденного, послеобеденного богослужения, а также богослужение в сумерки и перед сном; ж) наречия приблизительного времени по сезонным временам года: urdana - зимой, x'irana - весной, ħalana - летом, culana - осенью; urd 'asur aḳastti - до середины зимы, urd 'asur aḳuban xab - после середины зимы (во второй половине зимы); x'idin üš - весенняя ночь (ночь в новый год по лунному календарю); hupar galari aweguna - когда овец перегоняют на зимние пастбища (на кутан); hupar galarias atɣ aweguna - когда овцы возвращаются с кутанов; x'ttin tumar uzaguna - во время весеннего сева, culin tumar uzaguna - во время осеннего сева; xupur çal arḳaguna - во время прополок, xerar dirhaguna - во время очистки сенокосных участков, xerar ucaguna - во время сенокосов, xupur ucaguna - во время жатвы.

4. Падежные формы имен: а) форма дательного падежа существительных со значением времени: urdis - к зиме, majdis - к маю, bagahmiris - к утру; б) форма инструментального падежа существительных со значением лица: waldi - при тебе, tildi - при нем.

5. Существительные со значением времени is - год, waz - месяц, hefta - неделя, üšna jaɣ - сутки, daḳiḳa - минута, cul - осень.

Таким образом, временные отношения могут быть выражены по-разному, посредством различных синтаксических, лексических и морфологических средств. Следует подчеркнуть, что в реализации отношения точного и приблизитель-

ного времени очень велика роль соответствующих наречий, дифференцированных главным образом по их отнесенности к тем или иным видам сельскохозяйственных работ, к крестьянскому календарю.

Способы выражения причинных отношений

Эти отношения выражаются рядом способов, среди которых важнейшими являются: 1. Сложноподчиненные предложения с придаточными причины. 2. Наречия причины, активно пополняющиеся за счет падежных форм имени. 3. Деепричастия. 4. Собственно падежные формы. 5. Каузативные глаголы.

О придаточных причины речь уже была. Что же касается наречий причины, то состав их несравненно беднее, например, наречий времени. Сюда относятся слова ḳasusttira - *намеренно,* ešq̣uni - *добровольно* и под. Список таких слов очень незначителен, и это свидетельствует о том, что подкласс причинных наречий стал формироваться позже в силу того, что причинные отношения в языке реализовывались иными лексико-грамматическими средствами.

Важнейший источник обогащения языка наречиями причины - это локативные падежи имени - как эссивные, так и аблативные, ср., напр.: xelaas - назло, xelakes - со зла и т.д. Это и историческая тенденция, и явление действующей языковой нормы. Практически любая форма эссива и аблатива может быть использована как способ передачи причинных отношений в простом предложении, ибо наиболее частое переносное значение, приобретаемое указанными падежами, и есть значение причины.

Причинные отношения в определенных синтаксических условиях актуализируются и деепричастиями, обычно функционирующими в этом значении в ответных репликах диалога, ср.: - Fas ušuni? - Почему пошел? - Ešuguna - Из-за слез (расплакался же). В таких случаях деепричастия сочетаются с послеложными формами темпоральной семантики, которая при выражении причинности нейтрализуется.

Более активно причинность представляется падежами. Здесь особенно заметны, как уже говорилось, локативные падежи, однако ими дело не ограничивается. Среди остальных падежей заслуживает внимания инструментальный, напр.: Waldi čir x'unaj mašin - Из-за тебя испортилась машина.

Весьма важную роль в выражении причинных отношений в простом предложении играют каузативные глаголы и конструкции, ср.: Me lixun ti xačikuna aḳunaa - Он сделал эту работу по настоянию других (потому что его заставили). В этой конструкции нет ни придаточного предложения причины, ни падежной формы, способной представить причинное отношение, ни наречий и деепричастий с причинным значением, тем не менее выраженная причинность налицо. Актуализация причинного отношения в ней связывается исключительно с каузативным глаголом xačikas - *заставить.*

Разные способы выражения причинности отличаются друг от друга не только формально-грамматически, но и модальной окрашенностью самого представляемого ими отношения.

Способы выражения локативных значений

Для реализации локативных отношений используются разные классы слов, которые в синтаксисе не соответствуют понятию *обстоятельство места*:

1. В первую очередь сюда относятся локативные падежи имени, служащие для всесторонней характеристики пространственного положения предмета в его отношении к действию (нахождение предмета на чем-либо, в чем-либо, между чем-либо, над чем-либо, под чем-либо, за чем-либо, перед чем-либо, внутри, сбоку чего-либо и т.д.).

2. Глаголы с пространственными префиксами, которые, изоморфно соотносясь с падежными формами имен существительных, участвуют в выражении локативных отношений совместно с соответствующими падежами. Соответствие глагола с локативной приставкой конкретному локативному падежу соблюдается настолько строго, что тот или иной падеж и соответствующий ему глагол с изоморфно повторяющимся префиксом взаимно предполагают друг друга, ср.:

ɣ wandil aɣ uč̣ - встань (поднимись) на камень; ɣ wandiq kečiḳ - подложи под камень и т.д. С другой стороны, те же глаголы выражают пространственные отношения и самостоятельно, без помощи локативных падежей, в таких случаях роль локативов выполняется глагольными префиксами, содержащими подробную пространственную паспортизацию действия. Так, если взять многозначный корень -ix'as, наиболее общее значение которого - *положить,* то при помощи префиксов действие, обозначаемое им, локально конкретизируется: fix'as - положить рядом, kix'as - приложить к вертикальной плоскости, qix'as - подложить, xix'as - положить сзади, (a)lix'as - положить на что-либо, ħix'as - положить между чем-либо. Следует заметить и то обстоятельство, что в семантику глагола ix'as входит также сема *от себя,* т.е. чтобы совершить действие, обозначаемое глаголом ix'as, необходимо движение по направлению от себя. Глаголу ix'as противостоит глагол (a)t-tiwas - *взять, снять, убрать.* На их базе вырастает два ряда парадигматически соотнесенных префиксальных образований, объединенных отношением противопоставления, ср.:

движение от себя: fix'as - положить рядом, kix'as - приложить к вертикали, qix'as - подложить, xix'as - положить сзади, ħix'as - положить между ч.-л.;

движение к себе: fattiwas - убрать то, что рядом; kettiwas - снять с вертикали; qettiwas - вынуть из-под ч.-л.; xattiwas - убрать сзади; ħattiwas - вынуть между ч.-л.

Подобных примеров можно привести много, и все они говорят о том, как велика роль глаголов в выражении локативных значений. Когда глаголы с пространственными превербами сочетаются с локативными падежами, то последние, собственно, уточняют уже выраженное глаголом локативное значение, ср.: aladiw - сними и aladiw calilas- сними со стены. То же пространственное значение может реализовываться и непроизводными глаголами, напр.: jax - иди туда, šab - иди сюда.

Уже предварительный анализ глагольной лексики наталкивает на вывод, имеющий важное значение для осмысления строя языка в целом: в агульском (в принципе, так же дело обстоит и в других дагестанских языках) велик удельный вес

связанных основ, следствием чего является широкое распространение лексико-словообразовательной омонимии.

Имея в виду участие глаголов в выражении пространственных отношений, следует обратить внимание еще на одно обстоятельство, проливающее свет, как представляется, на всю глагольную семантику. Речь идет, в частности, о следующих и им подобных фактах: глаголы awč̣as - *выбраться, преодолевая трудности*, uč̣as - *проникнуть в помещение сверху* выделяют морфемы aw-, u-, -a-, -s, -č̣-, среди которых корневой является последняя (-č̣-). Та же корневая морфема исторически вычленяется в существительных 'ač̣un - *щель в стене*, 'ač̣ -*трещина* и др. Значение, связанное с корневой морфемой, можно идентифицировать как *углубление, прерывающее ровную поверхность чего-либо.* Служебные морфемы (приставки, суффиксы и др.) создают новые слова, включающие в себя, кроме первоначального семантического множителя, и другие семы, благодаря которым деривационные структуры обретают статус самостоятельных слов, ср.: 'ač̣ - *трещина, зазор, разделяющий поверхность чего-либо;* 'ač̣- *щель в стене;* üč̣al - *изолированный лужок вдоль речки;* č̣al - *сорняк между культурными всходами.* Следовательно, семантика глаголов uč̣as, awč̣as содержит сему, указывающую на то, что предмет подвергается действию по вертикали в несвободном пространстве, и связана она с корнем - č̣-.

Глагол ɣ ajišas - *вставать* среди прочих содержит и морфему ɣ -, которая выделяется также в словах ɣ ušas - взять в (на) руки, ɣ u(b) - потолок, xulaɣ - крыша, ɣ il - рука, ɣ ul - окошко в потолке, а также ниша в верхней части стены; ɣ ur - сухой высокий (длинный) стебель; выраженная ею сема *направленность действия снизу вверх или вытянутость, верхняя часть чего-либо* инвариантна для всех приведенных слов, т.е. все эти слова, кроме всего прочего, актуализируют и пространственное отношение. Однако проблема эта самостоятельная и требует отдельного исследования.

3. Наречия места и направления: а) наречия места: misa - здесь, tisa, lisa,gisa - там (наречия образованы сложением указательных местоимений с существительным us - место) - обозначают пространственные отношения с точки зрения гово-

рящего, относительно говорящего; первой своей частью соотносясь с указательными местоимениями, они сохраняют и дополнительные дейктические компоненты, с которыми первые сочетаются, ср.: misa - здесь, hemisa - вот здесь, haw hemisa - вот именно здесь; б) наречия направления, образованные от указательных местоимений посредством суффикса -ič: mič - сюда, lič - туда, к себе, вверх, tič - туда прямо, gič - туда вниз; для выражения направления по вертикали служат наречия wartt - вверх, ejs (axt) - вниз, по горизонтали - bagux - в сторону; семантика приведенных и подобных наречий может быть модифицирована суффиксом -di, также выражающим направление, ср.: mič - сюда, mičdi - по направлению сюда; bagux - в сторону, baguxdi - по направлению в сторону и т.д.

Выражение принадлежности

Отношение принадлежности актуализируется двумя основными способами: родительным (посессивным) падежом в составе именной атрибутивной группы (gedajin ttur - имя мальчика, dadan kitab - книга отца) и предикативным членом предложения, в структуре которого наличествует опять-таки форма посессива: kitab dadanf i - *книга - отца.* В какую бы синтаксическую структуру ни облекалось отношение посессивности, родительный принадлежности, таким образом, непременно является ее компонентом. Однако в тех случаях, когда посессивность реализуется предикатом, атрибутивное слово по общему правилу, действующему в языке, включается в сказуемое двояко: а) либо тавтологически (повторяется определяемое): Me kitab dadan kitab i - *Эта книга - отцова книга,* б) либо присоединением к посессивной падежной форме аффикса прилагательности -f, снимающего необходимость в повторении определяемого в составе сказуемого, ср.: Me kitab dadan kitab i - *Эта книга - отцова книга* и Me kitab dadanf i - *Эта книга - отца.* Поскольку суффикс -f замещает в предикативной группе определяемое слово, уже упомянутое в именной (подлежащной) группе, то есть основание предположить, что он указывает на пропуск имени, импли-

цитно включаемого в предикативную группу; в предикативной группе воспроизводятся лишь те компоненты подлежащной группы, которые актуальны с точки зрения сообщаемого, неактуальные же элементы исключаются, но сохраняется указание на них. Этим решается ряд задач сугубо языкового плана: во-первых, исключается дублирование каких-то составляющих высказывания (достигается экономия); во-вторых, предложение больше централизуется, ибо конец предложения ориентируется на начало его (в конце не повторяется то, что уже было), конец согласуется с началом; и, в-третьих, создается синтаксическая перспектива, преодолевается "блочно-плоскостной" характер построения предложения (высказывания). На смену старому предложению, состоявшему из двух именных групп с повторяющимися позициями и их наполнителями, приходит новое предложение, в котором повторяемость грамматикализуется и тем самым исключается (Me kitab dadanf i - Эта книга - отца). Грамматически оформленная отсылка -f становится средством согласования. Таков, по-видимому, принцип формирования прилагательного в истории языка вообще.

Кроме отмеченных способов, принадлежность выражается также притяжательными местоимениями.

Способы выражения количественных отношений

Количественные отношения реализуются рядом лексико-семантических, словообразовательных и синтаксических способов, важнейшими среди которых являются: 1.Числительные, выражающие либо точные количества, либо порядок предметов, который также дает представление о количественных отношениях (см. примеры в разделе "Числительные").

2. Неопределенно-количественные слова: x'imud со значением *сколько?*, *многие,* ср.: X'imud adini? - Сколько пришло?; X'imuji punaačin gis - (Вероятно) многие сказали ему; X'imunna sad, sa x'imud - многие.

3. Количественные числительные в сочетании со сравнительным послелогом dehen, выражающие количественные

отношения, приближенные к тем, которые представляются соответствующими числительными: Sa werš dehen uj - Было около ста; Sa içud dehen fajdini - Привез около десяти; характерно, что подобные сочетания употребляются лишь в диалогах и отдельно от слов, называющих предметы, количество которых обозначается; в тех случаях, когда числительные сочетаются с именами существительными, сравнительное слово присоединяется к последним, ср.: Sa içud dehen fajdini - Привез около десяти - Sa içu duč dehen fajdini - Привез около десяти вязанок.

4. Неопределенно-количественные наречия: ppara - много, čuķ - мало, (sa) xajlin - несколько, ezamat - значительное количество и под.; в сочетании с такими наречиями существительные употребляются во мн. числе, в им. падеже; степень неопределенности семантики неопределенно-количественных наречий относительна: парадигматически они вполне конкретны, если иметь в виду градацию их семантики, например нисходящую: ppara - много - açuna - полно - ezamat - значительное количество - apajdi - немало - xajlin - несколько - (sa) čuķ - мало - ķaçra - нисколько;

5. Категория числа имен, в рамках которой выражаются значения *один* и *много*.

6. Сочетания количественных числительных, а также неопределенно-количественных местоимений с послелогом gelan (gelaj) - *раз*, реализующие значения многократной повторяемости: Haldis werš gelaj punaa - Уже сказано сто раз; при этом характерно, что речь идет не столько о точных величинах, сколько о приблизительных, поэтому количественные числительные в подобных случаях выражают не определенное количество, а идею множественности вообще.

7. Локативные падежи имен числительных, приобретающие переносные значения; причем такие числительные в постэссиве в сочетании с глаголом xačarx'as - *догнать (наравне, почти)* актуализируют значение приблизительного количества: Gin jašar weršax xačarx'unaaja - Ему под сто, точнее - Его годы подошли к ста;

8. Количественные существительные, такие как axir-zaman - *видимо-невидимо,* (Tisa axir-zaman xalk uj - Там было

видимо-невидимо народу), elam xalķ (в том же значении, но сочетается только с существительными со значением лица), maxluķat (в том же значении и тоже сочетается только со словами личностной семантики). Среди приведенных сочетаний довольно много заимствованных форм; здесь же следует особо отметить лексемы, представляющие собою наименования количественных единиц: а) единиц веса и объема: girwanka (около 400 г, для измерения жидкостей и веществ), raṭal (около 2 кг = 5 girwanka, для измерения жидкостей и веществ); единицы измерения сыпучих веществ и круп: biči seh - маленький сах - мерка объемом в 2 кг; ha seh - большой сах - то же в 3 кг; ķwatt - около 13 кг; sabu - 2 ķwatt; единицы измерения (в основном) горючих веществ: girwanka, liṭri - литр, četwer - четверть; единицы измерения объемов: furdex (furdin, ṭunarix xačaxa, čarčarin) - плетенка из прутьев (для ухода за скотом, подноски корма для скота, для работы на току); duč - вязанка, fur - стог, ɣew (taja) - скирд; б) единицы длины: ҫattul - расстояние между вытянутыми большим и указательным пальцами; č̦iw - расстояние между вытянутыми большим пальцем и мизинцем; qari - расстояние от пальцев руки до локтя (около 40 см); 'a'a - шаг; miṭri - метр; wers - км.

9. Важным средством выражения количественных отношений выступает сложноподчиненное предложение с придаточным меры и степени: Was qanedehen gahdi ikwase zun misa - Я останусь здесь столько времени, сколько тебе будет угодно (нужно); обязательным компонентом придаточного предложения является послелог dehen, который, присоединяясь к соответствующей видовой основе глагола, реализует значение количества.

10. Разнообразны фразеологизмы с количественной семантикой, напр.: misķaldehen - с пылинку, silewi uqu jaq dehen - с кусочек мяса, застрявший между зубами, ṭu ħiķas muķ adaj - очень много, букв. - палец вставить некуда, irķw aҫasttehen - много, букв. - столько, чтобы сердце насытилось. Некоторые из них употребляются только в отрицательных предложениях.

11. Количественные отношения представляются и свободными сочетаниями, состоящими из падежных форм и соответствующих им глаголов, напр.: Majdan alaçunaa malari - На майдане (лугу) много скота.

Таким образом, способы выражения количественных отношений разнообразны. Оформляясь средствами то разных типов предложения, то лексико-фразеологически, то морфологически, эти отношения охватывают широкий диапазон значений и их оттенков, позволяющих в известной мере видоизменять даже модальность высказывания в целом.

Способы выражения отрицания

В разных лезгинских языках отрицание выражается поразному, хотя можно проследить и некий инвариант. Этот инвариант прежде всего состоит в том, что во всех них реализация отрицания замыкается областью функционирования глагола. По этой причине отрицательные формы совпадают с соответствующими глагольными формами, т.е. отрицание сосредоточивается почти исключительно в рамках глагола. И еще: в разных типах предложения отрицание выражается неодинаково.

Существует несколько способов передачи отрицательного значения, распределенных прежде всего между повествовательными и побудительными синтаксическими структурами.

Универсальным способом выражения отрицания в повествовательном предложении выступает частица-предикатив dawa (da') и ее фонетический вариант -ttawa (-tta'), приобретающий и (или) приобретший статус отрицательной морфемы, напр.: Le zas haj - Я его знаю - Le zas hajda' - Я его не знаю; Pase - Скажу - Pasttawa - Не скажу; Pufe - Вероятно, сказал - Pufttawa - Вероятно, не сказал; Zun aɣ aj - Я говорю - Zun aɣ - ajdawa - Я не говорю. Отрицательная частица может относиться не только к глаголу-сказуемому, но и к любому другому члену предложения (подлежащему, дополнению, определению, обстоятельству), ср.: Gi dawuj puf saji ij - Не он сказал, а другой; Jaȟa dawa weref, bagah ej - Не сегодня едем, а завтра; ḳaref da' x'ef, žagwarf i - Не черный наш, а белый.-

Структурная особенность таких предложений состоит в том, что в них в составе сказуемого отсутствует глагольная форма, позиция сказуемого заполняется словом, обладающим морфологическими признаками прилагательного (суффикс -f), тем самым вспомогательный глагол как бы перетягивается на отрицание и сливается с ним. Отрицание может быть усилено при помощи выделительной (усилительной) частицы -ra, присоединяемой к соответствующему неглагольному компоненту: gur iķunaj tisa - Они остались там; Gur iķundawa tisa- Они не остались там; Gur tisara iķundawa - Они и там не остались. С той же усилительной целью употребляются также наречия меры и степени (ķaçra, elli, nagahra - совсем), отрицательные наречия, образованные сложением вопросительных наречий и местоимений с отрицательно-усилительной частицей -ra (nandira - нигде, musra - никогда и т.д.).

Аналогично выражается отрицание и в вопросительном предложении.

По способам выражения отрицания повествовательному и вопросительному предложениям противостоит предложение побудительное: в последнем оно реализуется исключительно средствами прохибитива, принимающего аффиксы ma-, -a для второго лица (aķe - делай, maķa- не делай); -da - для третьего лица (aķuraj - пусть делает, daķuraj - пусть не делает). Следует, однако, заметить, что способы выражения отрицания в конечном счете связаны не столько со строем, типом предложения, сколько с морфологией глагола - с глагольным наклонением. Так, негативные отношения в индикативе оформляются, как уже отмечалось, посредством частицы dawa (da'), в рамках прохибитива, волюнтатива, а также предостерегательного наклонения они реализуются соответственно при помощи префиксов ma-, da-. Независимо от средств выражения отрицания для усиления последнего используется лексика определенной семантики: а) полузнаменательные слова hič, ķaçra, elli, misķalla - *совсем,* функционирующие в отрицательных предложениях с обобщенной семантикой; б) отрицательные местоимения и наречия; в) выделительно-усилительная частица ra; г) форма условного наклонения с частицей ra в придаточном в сочетании с отрицательным главным.

Способы выражения состояний человека и природы

Разные языки располагают разными средствами выражения психических, физических и других состояний человека, а также состояний природы. Так, в русском, как и в других индоевропейских языках, этим целям служат соответствующие безличные глаголы, слова категории состояния, модальные слова и частицы, наречия, обозначающие признак действия, односоставные предложения (безличные, инфинитивные, номинативные и под.). Дагестанским языкам неведомо столь большое разнообразие средств выражения психических и физических состояний, совсем беден арсенал синтаксических средств такого плана, включая и типы синтаксических структур. В них универсальную роль в этом отношении выполняют слова определенных лексических групп, что же касается структуры предложения, то она характеризуется однотипностью, о таком предложении, как безличное, применительно к дагестанским языкам можно говорить весьма условно и проблематично.

Состояния человека выражаются следующим образом: а) состояние радости, печали - сочетанием наречий или деепричастий и вспомогательных глаголов: čin šaddi a - Мы рады, Ge ačuqdi a - Он весел; б) состояние болезни - конструкцией с глаголом-сказуемым; конструкцией с локативной формой: šiniqw ittaja - Ребенок болен; šinüqdik hel keda' - Ребенку нездоровится; в) состояние тошноты - конструкцией с подлежащим и глагольным сказуемым: šiniqw žirhuni - Ребенка вырвало; г) состояние испуга, страха - сочетанием дательного падежа и предиката с лексическим значением *испуг, страх:* Tis gučaraj - Ему страшно, он боится; д) состояние голода - сочетанием дательного падежа со сказуемым, выражающим это значение лексически: Zas gašindaj - Мне голодно (я голоден).

Аналогично выражаются и состояния природы: а) атмосферное состояние - обычным двусоставным предложением с подлежащим, представляющим слово с общим значением *düja - мир, вселенная* или слово того же корня, что и сказуемое: *длительное время идут (выпадают) осадки* (düja uɣ aria,

düja alaxunaa; подобные конструкции не имеют соответствий, например, в русском); *идет дождь, снег, град* (Uɣ al uɣ aria - Дождь дождит; üx' uɣ aria - Снег дождит (!), выпадает; здесь доминирует глагол, который применительно к словам, обозначающим *снег, град,* употребляется в переносном значении); значения *погода портится, заволакивает, пасмурнеет* реализуются соответственно конструкциями того же двусоставного типа (Hawa ç̌ir weja - Погода портится; q̇iriwur (amsar) aɣ aweja- Облака поднимаются); б) состояния, характеризующие наступление периодов суток и года: светает (ekw weja - Свет идет; Zaw kuraja - Небо светлеет); темнеет, смеркается - muç̌ weja - Тьма идет; наступает зима (лето, осень и т.д.) Urd weja - Зима идет.

Беглый обзор способов выражения состояний природы и человека в агульском приводит к убеждению в том, что конструкции, реализующие указанные значения, синтаксически идентичны обычным двусоставным предложениям, чем в целом дагестанские языки коренным образом противостоят, например, индоевропейским. Это подтверждает, в частности, и тот факт, что безличные предложения - это результат длительного развития языка, и они вторичны по отношению к предложениям с субъектом в именительном падеже. Кстати, даже вопрос о синтаксическом статусе конструкций типа *Zas mik̇ildaj,* лезг. *Заз мекьи я - Мне холодно, Gis guç̌araj, Адаз кич1е я - Ему страшно,* наиболее обращенных в сторону безличности, пока не получил удовлетворительного решения в научной литературе по дагестанским языкам. Обычно подобные конструкции квалифицируют как предложения с подлежащим в дательном падеже. Однако такое решение едва ли можно считать адекватным истории синтаксического развития или актуальным синтаксическим ценностям. Дело в том, что исторически дат. падеж обозначал лицо или предмет, лишенный активности, в интересах которого совершалось действие, которому действие приписывалось как признак. В то же время более тесной и грамматически детерминированной была связь того же предиката с именительным падежом, ср.: *Zas mek̇ a - Для меня (мне) холод есть; Zas mek̇ aldia - Мне (по-моему, для меня) холод есть.*

Таким образом, если вникнуть в этимологический смысл интересующих нас конструкций, выясняется, что дательный падеж изначально представлял не субъект, но субъективность, отношение субъекта к констатируемому. Поскольку именно это отношение, включая в себя субъективность, оказывалось перманентно актуальным, то с течением времени этимологические подлежащее и сказуемое слились в сказуемом при сохранении того же дательного падежа: Zas (дат. пад.) meķ (подл.) aldia (сказ.) > Zas (дат.пад.) miķildaj (сказ.) = *Мне холодно.* Так намечается один из путей развития безличных предложений в дагестанских языках как еще одного средства выражения субъективности и модальности. Одностороннее преобладание схем двусоставных предложений в последних представляется возможным объяснить рядом причин не только собственно языкового порядка, а именно: во-первых, тем, что они достаточно широко сохраняют старые, мифологические воззрения, исключающие проявление признака, состояния или действия отдельно от субъекта; отсутствие субъекта замещается мифологическим субъектом, который зиждется на олицетворении, ср.: *Ekw weja - Свет идет = светает;* во-вторых, тем, что эти языки не имеют или почти не имеют литературных традиций, через которые и в рамках которых происходит переориентация языковых средств как выразителей психоанализа, как выразителей состояний необъяснимых, навязываемых лицу помимо его воли, т.е. безличных; таким образом, для реализации свойственной любому языку потенции к синтаксической безличности необходимо направленное использование языка, необходимы традиции литературно-художественного творчества, в котором бы внутренний мир человека занимал достойное место; в-третьих, немалую роль играет и то обстоятельство, что в языках, о которых идет речь, глагол лишен или почти лишен спряжения, а также родовых форм, следовательно, сам собой отпадает такой важный фактор развития безличности, как семантико-синтаксическая трансформация исконно личных форм глагола, столь характерная, например, для индоевропейских языков. В интересующих нас языках безличные конструкции обязаны своим зарождением чаще всего и прежде всего раз-

личным формам контаминации и лексико-синтаксического слияния соответствующих компонентов предложения. И последнее: образование безличных конструкций происходит лишь на базе построений, субъект которых стоит в "личном" отношении слабом или нейтральном именительном падеже, но не в эргативном, с выраженным в нем креном в сторону "личности" и активности.

Способы выражения модальных и модально-субъективных отношений

К ним относятся: 1. Вся разветвленная система глагольных наклонений, с помощью которых передается широкий диапазон модальных и субъективно-модальных отношений. 2. Типы простых (по цели высказывания и интонации) и сложных, в особенности сложноподчиненных, предложений. 3. Модальные слова и частицы. 4. Различные формы отрицания, которые трудно отделить от сферы модальности. 5. Глагольные превербы, актуализирующие переносные значения, которые позволяют передать разные степени категоричности, уверенности/неуверенности, обязательности/необязательности того, о чем говорится в высказывании. 6. Суффиксы существительных, через которые говорящий передает свое отношение к тому, что обозначается производной основой, - неприязнь, уничижение, осуждение и т.д. 7. Локативные падежи, употребляемые в переносных значениях. 8. Сравнительно-сопоставительные послелоги и конструкции в целом. 9. Темп речи (ее замедление или ускорение), высота тона и т.д. Эти явления имеют вполне социально признанную закрепленность за определенными ситуациями жизни, чаще всего имеющими обрядовую направленность (похороны, свадьба, сборы в дальнюю дорогу, религиозные обряды).

Общий обзор синтаксических категорий и форм, равно как и анализ способов выражения целой серии реализованных в языке отношений, позволяют говорить, с одной стороны, о важнейших свойствах синтаксического строя языка и, с другой - о тенденциях и направлениях его движения.

Одна из заметных черт синтаксиса агульского языка - это его аналитизм, особенно активно проявляющийся в конструировании предикативного члена - сказуемого, что вызвано той ролью, которую выполняют вспомогательные глаголы в языковой системе, а также отдельные самостоятельные глаголы типа aḳas - *делать*, wes - *идти*, служащие для вовлечения в сферу глагольности разных именных слов.

Среди типов простого предложения абсолютно господствует двусоставная конструкция. Односоставные предложения практически отсутствуют. Безличные находятся на стадии зарождения.

Схема построения предложения во многом предопределяется словообразовательной структурой глагола-сказуемого, нередко изоморфно соотнесенного с именными словами в составе того же высказывания. Группа подлежащего обычно предшествует группе сказуемого, а в сложном - придаточные предложения - главным.

Строй предложения - эргативный. Помимо эргативного, субъектные отношения представляются именительным, дательным и аблативным на -as падежами. В целом они проявляются как соотнесенные либо с активным действующим лицом, либо с пассивным или нейтральным.

Прослеживается достаточно отчетливая связь между структурой синтаксических конструкций и составляющими их тематическими группами лексики. И вообще фразообразующие свойства разных лексико-словообразовательных средств - это особый, еще не затронутый аспект в истории дагестанского языкознания.

Глава девятая

ОБЩИЙ ОБЗОР ФОНЕТИКИ И ДИАЛЕКТНОГО ЧЛЕНЕНИЯ

Во всех исследованиях по агульскому языку фонетике уделено достаточно много внимания. Поэтому ограничимся самыми общими замечаниями, охватывающими принципиально важные стороны фонетического строя языка.

Фонологический состав представлен 8 гласными и 39 согласными фонемами.

Вокализм. Фонемы [i], [e], [a], [u] почти идентичны соответствующим русским; [ü]- это лабиализованное [i], фонологически противопоставленное ['ü] и [u](лабиализованному звуку среднего ряда верхнего подъема): 'üš- ночь : 'eš- плачь! üš-š- междометие; фонологически важна также оппозиция ['e] и [a]: aldia - *находится на* - 'eldia - *ем, едим, ест.*

Консонантизм. Согласные фонемы можно представить в следующем виде:

Губные 1) смычные [b],[p],[p̣],[pp]; 2) спиранты [w],[f]; 3) сонорные [m];

Переднеязычные 1) смычные [d],[t],[ṭ],[tt]; 2) аффрикаты [c],[c̣],[ž],[č],[č̣],[čč]; 3) спиранты [z],[s],[ž],[š]; 4) сонорные [n],[l],[r];

Среднеязычные 1) спиранты [x']; 2) сонорные [j];

Заднеязычные 1) смычные [g],[k], [ḳ], [kk]; спиранты [ɣ],[x];

Увулярные 1) смычные [q̣],[ḳ],[q̣q̣]; спиранты [ħ], ['];

Ларингальные 1) смычные [h'], 2) спиранты [h].

Максимально полные соотносительные ряды согласных включают по четыре члена: звонкий, два глухих (простой и геминированный) и смычно-гортанный. Такими рядами характеризуются простые смычные. Из двух рядов аффрикат полным является лишь один (неполному недостает звонкого члена). Неполон и увулярный ряд: недостает того же звонкого члена. Из семи спирантов, каждый из которых потенциально может состоять из звонкого и глухого коррелятов, пять оказываются полными, два - дефектными (не представлены звонкие соответствия). Абсолютно беден ряд ларингальных, представленный лишь двумя фонемами: смычно-гортанной и глухим спирантом. Отсюда следует, что системы спирантов, аффрикат, увулярных смычных, а также ларингальных находятся на стадии перестройки.

Одна из особенностей фонотактики - тенденция к сингармонизму согласных в односложных и двусложных словах: если первый слог начинается с геминированного, то закрывается тот же слог или открывается второй слог геминированным же: quq - хохолок, kuk - жирный, q̣uq̣u- кувшинчик, ččiččaj- (форма обращения к женщине) и т.д.

Ударение динамическое, выражено слабо. В двусложных словах оно падает на конечный слог: kitab - книга, xalžak - веник, kaluš - калоша, ilan - змея, x'ibud - три. В трех- и многосложных словах обычно тяготеет к их середине: fitnakar - скандалист, q̣urɣušum - свинец, arucas - походить. В особых случаях ударение может стоять и на первом слоге, например, а) когда оно актуализирует первую часть сложного слова: habaw - бабушка, hadad - дедушка; б) когда оно падает на префикс негативной семантики (правило нерегулярное): aḳas - делать - daḳas - не делать, jarhas - бить - darhas - не бить.

Значительны пласты слов с гармонией гласных: šabaj - идите сюда, jaxaj - идите туда, uqub - бег, dušub - неявка, marḳa - не делай. Она строго проявляется, например, при образовании форм запретительного наклонения: в исходе словоформы почти обязателен тот гласный звук, который задан прохибитивной морфемой ma-: maxura - не читай, maruḳa - не копай, maɣurɣa - не разговаривай и т.д.

В безударных позициях гласные редуцируются. Поскольку в многосложных словах ударение тяготеет к середине их, то наибольшей редукции, вплоть до почти полного исчезновения в потоке речи, подвергаются гласные в начальных и конечных слогах фонетического слова. Широко распространена ассимиляция гласных и согласных. Ассимиляция гласных, как правило, дистантная и прогрессивная: ük- трава - ar > üker- травы; xal - дом - xalax - за домом (локат.); xul - канал - xulux - за каналом (локат.). Ассимиляция согласных может быть как прогрессивной, так и регрессивной: jawaš-di - нар. *медленно* > jawaštti; fiš-di - как > fištti; marakamir - русск. заимств. *молокомер;* mič šab - иди сюда > miššab > mišab.

Исконно агульские непроизводные слова чаще всего характеризуются одно- или двусложной структурой, ср.: xil - рука, lek - нога, ḳil - голова, zaw - небо, raɣ - солнце, waz - луна, xal - дом, muḳ - место, dar - лес, č̣ir - луг, guni - хлеб, ḳudeḳ - шкура, xalaɣ - крыша. Производные и сложные слова, особенно в соединении с аффиксами локативных падежей, состоят из четырех, пяти и большего количества слогов: barmakildi - инструмент. форма от barmak - шапка, atliḳini - списал, zamindarwal - поручительство, daranḳil (топоним). Наибольшее количество односложных слов приходится на имена существительные. Основные типы слогов: открытого - CV(če - наш); слова, равные одному открытому слогу, редки; CCV(xaɣ adiw - *подними*, подобная модель слога отмечается почти исключительно на стыке морфем); закрытого - CVC (cal - стена), VC(iš - прыгни, iḳ- вставь).

Слогоделение обнаруживает связь с морфемной структурой слова: как правило, каждая служебная и элементарная (минимально протяженная) корневая морфемы образуют самостоятельные слоги: ruc - ищи, xaruc - обойди, maruca - не ищи. При этом границы слогов и морфем не всегда совпадают. Анлаут непроизводного слова чаще представлен согласным, чем гласным, ауслаут отчетливо тяготеет к консонантному. Префиксы и суффиксы обычно составляют открытые слоги, аффиксы падежей - закрытые.

Фонологические противопоставления морфологических единиц и категорий сравнительно хорошо выражены. Отме-

чаются чередования согласных в корнях в формах ед. и мн. числа: а) b//p: rub - игла - ruppar - иглы, hud - овца - huppar - овцы; б) нуль звука//w: su - гора -suwar - горы; чередования гласных в глагольных суффиксах со значением вида: a//u; aḳaj - делая - aḳuna - сделав; e//i: liḳej - записывая - liḳina - записав.

Общий диалектный состав языка: собственно агульский, кошанский, керенский диалекты; противопоставлены друг другу главным образом фонетически, лексически и зонами распространения; есть и грамматические различия. Наиболее поляризованы кошанский диалект, с одной стороны, собственно агульский и керенский - с другой: в первом представлены отсутствующие в двух других диалектах денто-лабиализованные согласные, вспомогательный глагол wu, зачатки личного спряжения глагола, специфические черты интонирования, форма обращения и т.д. Керенский диалект отличается от собственно агульского, кроме лексических расхождений, менее выраженной редукцией гласных, формой обращения в отличие от собственно агульского и кошанского, формой эргативного падежа личных местоимений первого и второго лица и некоторым другим особенностям. Они должны быть предметом отдельного исследования.

Глава десятая

СЛОВАРЬ ГЛАВНЕЙШИХ ВОСТОЧНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ

Ниже предлагается словарь основного корпуса древнейших и главнейших заимствований из восточных языков - иранских, тюркских, арабского и некоторых других. Разумеется, выборка их не претендует на полноту: для создания исчерпывающего реестра этих слов необходимо было бы фронтальное исследование лексических систем всех диалектов, которое проводилось бы на достаточно обширном историческом и сравнительно-историческом фоне. Дело усложняется еще и тем, что традиции подобного анализа дагестанских языков в целом либо вовсе отсутствуют, либо находятся в зачаточном состоянии. Сверх того, неясны принципы выявления и идентификации многих заимствований с соответствующими восточными языками, критерии определения лексики, составляющей принадлежность общевосточного, или интернационального, словарного фонда, его генезиса и т.д. По этим причинам языки-источники указываются не во всех случаях, иногда отсылки делаются на два языка. Как бы то ни было, перечень единиц иноязычной лексики, ее тематическая отнесенность, степень фонетической, морфологической, словообразовательной и содержательной согласованности и слитности со словами исконного происхождения вполне могут быть использованы в целях историко-культурных и этнологических интерпретаций, исходя из чего автор и решил включить словник в исследование как одну из его композиционных частей.

Abur	честь, вид ; перс.
Abursuz	недостойный
Aw	игральная кость; тюрк.
Awaza	слух, известие
Awdal	непутевый ; араб.
Awlijaw	никчемный; тюрк.
Awaran	беспокойный; перс.
Ah	ах! ох!
Ah	проклятие; араб.
AƔ a	господин; тюрк.
AƔ u	яд; тюрк.
Adab	совесть
Adabsuz	бессовестный
Aždaha	змея; перс.
Aždaha	богатырь
Ajat	часть; араб.
Ajwan	балкон, веранда
Hejwan	конь; тюрк.
Allah	Аллах; араб.
Alifbe	азбука; перс.
Ama	но; араб.
Aman	пощада
Amanat	завещание, поручение; тюрк.
Alqan	аркан; тюрк.
Anžax	только; тюрк.
Ara	середина; тюрк.
Arzu	богатство
As1an	лев; тюрк.
Astt	подол; перс.
Astta	тихо; перс.
As	основы нрав.; тюрк.
Assuz	ненадежный, фанфаронистый; тюрк.
Asul	польза, чистый; араб.
Asulsiz	бесполезный, пустой
Axta	мерин

Axča	деньги; тюрк.
Axšamxajir	добрый вечер
Ačuq	ясный; тюрк.
Aš	каша; перс.
Aškara	открыто
Ašna	знакомый; перс.
Baba	большой; перс.
Baha	дорогой; перс.
Baɣ	сад; перс.
Baɣ iš akas	подарить
Baɣ manči	садовод
Bajaban	дикий
Bajaki	опять, снова; тюрк.
Baj	богатый; тюрк.
Bajaquš	заброшенный
Bajan	известный
Bajat	заброшенный
Bazar	базар; перс.
Bala	беда; араб.
Baluɣ	рыба
Band	обруч; перс.
Barabar	равный; перс.
Barakat	благословение; араб.
Barka	светлый, праздничный
Baru	граница, выступ; перс.
Barut	порох; араб., перс.
Basmiš	разгромить
Battal	чужой, чужбина
Batul	забыться; араб.
Baxsuz	несчастный
Baxt	счастье
Baxtlu	счастливый
Baxča	бахча
Baxš	доля; перс.
Bačča	кличка человека; перс. - пастух

Baša akas	наказать; тюрк. - голова
Beda (adaj)	без пользы
Bedawaj	зря
Beg	бек, князь; тюрк.
Behs	спор, соревнование; араб.
Bez	бязь
Beliki	может быть; перс.
Benzi	лицо (бессовестное)
Beter	напасть, беда
Biham	кончить, созреть; перс.
Bihar	польза, приход; перс.
Bizar	скучный, печальный
Bijabur	осрамленный
Bika	княгиня; тюрк.
Bina	основание, исход; перс.
Birdan	сразу, немедленно; тюрк.
Bitaw	крепкий, укрепившийся
Buɣ a	бугай (бык); тюрк.
Buɣ az	дыхательные пути
Buza	напиток
Bulax	родник
Bulbul	соловей; перс.
Bulluɣ	богатый
Buhtan	клевета, навет; перс.
Burž	долг, обязанность; перс.
Burma	винт, шуруп; тюрк.
Bustan	огород
Buxawar	кандалы; перс.
Buš	слабый, пустой
Bušqab	блюдце
Bi'li	вишня
Wazir	посланник, представитель; араб.
Wakf	собственность мечети; араб.
Wasijat	завещание; араб.
Wali	представитель, правитель; араб.

Watan	родина
Waxt	время; араб.
Wafa	отдача, польза
Wafalu	полезный, благодатный
Wehši	дикий
Weled	мальчик, сын; араб.
We'da	срок, время
Wilajat	округа
Gawan	пастух; перс.
Gamiš	буйвол; перс.
Gardan	шея; перс.
gaf	слово; перс.
Gem	годекан
Gena	еще, опять; тюрк.
Gerek	нужный, необходимый; тюрк.
Giran	обиженный; перс.
Girwanka	фунт; тюрк.
Gugurt	сера; перс.
Guž	сила; тюрк.
Gužlu	сильный
Gulla	пуля ; перс.
Hawa	воздух; араб.
Hajda	айда! ну-ка!
Hamišan	всегда; перс.
Har (sa)	всякий; перс.
Heba	верхняя одежда домотканая
Hewz	родник, а также арка над ним; араб.
Hewzur	готовый; араб.
Hežat	нужда; араб.
Hežatxana	туалет; перс.
Heži	хаджи; араб.
Hez	наслаждение, сперма; араб.
Hejwan	лошадь, животное вообще; араб.
Hekal	талисман; араб.
Hekim	начальник; араб.

Hekandaz	совок; перс.
Hek	цена
Hel	состояние, истощение, беда; араб.
Helal	годный к использованию; араб.
Helbet	конечно; араб.
Helwa	халва
Helelig	все еще
Helsuz	нездоровый; тюрк.
Heme	этот; перс.
Hemam	баня; араб.
Herakat	старание, усердие; араб.
Heram	негодный в пищу, к употреблению; араб.
Heramzada	занимающийся негодными делами; перс.
Hesrati	ради кого- чего-либо; араб.
Hesul	случиться, оказаться; араб.
Hefta	неделя; перс.
Hilla	натяжка
Hisab	счет; араб.
hič	нисколько; перс.
Hüžat	спор; араб.
Hükum	наказание; араб.
Dawlat	богатство; араб.
dawur	век, период; араб.
Dajran	значительно, немало; перс.
Dakika	минута
Dad	жалоба, настойчивое прошение; перс.
Dahar	скала
Dar	лес; перс.
Dara	ущелье; перс.
Dard	боль, печаль; перс.
Darduman	дорогой, незаменимый
Darqul	элемент счета в детской игре; араб., перс.
Darman	лекарство; перс.
Dars	урок
Dasta	даста, пучок; перс.

Daš-baš	даш-баш
De'wi	война; араб.
Dewa	верблюд; тюрк.
Dewriš	дервиш; араб.
Derej	шелк
Diwan	суд; перс.
Diwrag	сумка; тюрк.
Dilmaž	полиглот; тюрк.
Din	вера; араб., перс.
Dišahli	женщина; тюрк.
Diši	женского пола; тюрк.
Duɣ re	правдивый; тюрк.
Dunɣ uz	ругательство; тюрк.
Dunɣ uzuɣ li	ругательство; тюрк.
Duz	правильный
Durum (daxaf)	в выражении "нетерпеливый"
Durus	подходящий, верный; перс.
Dust	друг; перс.
Dušman	враг; перс.
Dü'e	заклинание
Eh	сила
Ehsuz	бессильный, трусливый
žawahil	название птицы; араб.
žawhar	название драгоценного камня; араб.
žahil	молодой; араб.
žaza	наказание, штраф
žalga	ряд; перс.
žam	миска металлическая ; перс.
žan	тело, душа; перс.
žanawur	волк; перс.
žasad	голое тело
žehenem	преисподняя, ад; араб.
žeht	чихание дважды подряд, к добру
žigah	помещение; перс.
žigerar	легкие; перс.

žimeet	джамаат, общество; араб.
žižim	домотканое полотно
žin	джин; араб.
žinawan	тайный
žip	карман; перс.
žuwaw	ответ; араб.
žuz	тонкая книга, тетрадь; араб.
žuhut	еврей; перс.
žum (ataj)	нехотя, против воли сделать что-то; перс.
žure	разновидность, отдельный; перс.
žurabar	вязаные носки; тюрк.
žut	пара, парный; перс.
zakat	подоходный налог; араб.
zalum	жестокий; араб.
Zamana	время, тип жизни
zahla (wes)	сильно испугать; перс.
Zehmat	труд; араб.
zehru	тяжелая болезнь, яд; перс.
Zid	привередливый, скандальный
Zihin	восприимчивость, способность к учению
Zikri	молитва, радение верующих; араб.
Zimzim	священный источник; араб.
zulmat	жестокость; араб.
zulmat	беспросветность
Zure	частый; перс.
Ibadat	доверие к божественному; араб.
Iblis	дьявол; араб.
Igit	храбрец; тюрк.
Idara	служебное помещение
Ikrar	признание, подтверждение; араб.
Ikrar	обговаривание; араб.
ildeš	товарищ; тюрк.
Ilmi	наука; араб.
imam	имам; араб.
Iman	покорность; араб.

Imansiz	бессовестный
Inžir	инжир; тюрк.
Inžiklu (akas)	беспокоить; тюрк.
Insan	человек; араб.
Ipak	разновидность шелка
Ifrit	дьявол; перс.
Išan	мишень, отметина; перс.
Ištah	желание, желание поесть; араб.
Ja	или; перс.
Jab (majica)	в выражении "не обращать внимания"
Jaɣ luq	платок; тюрк.
Jad	чужой; тюрк.
Jakut	яхонт; араб.
jazid	непримиримый, отколовшийся; перс.
Jazuq	жалостливый; тюрк.
jamiš	плод, фрукт; тюрк.
Jaramiš	годный, приемлемый; тюрк.
Jas	траур; араб.
Jatum	сирота; араб.
Jaxmiš	пропасть без пользы; тюрк.
Jeh	сила, совесть, благородство; араб.
Jehlu	совестливый, добросовестный
Jehsuz	трусливый, бессовестный
Jiruš	походка; тюрк.
Jurt	имение; тюрк.
Kawxa	староста;
Kahal	ленивый; перс.
Kaɣ az	бумага, письмо; перс.
Kamar(ar)	женский пояс; перс.
Kanč č	выступ; перс.
kar	дело, работа; перс.
Karwan	караван
Kafan	саван
ka'fir	неверный; араб.
Kaftar	в сказках глубокая старуха; перс.

kačal	паршивый; перс.
kašu	домотканый женский пояс; перс.
Kwarsi	стул; араб.
Kwasa	редкобородый, хитрец (в сказках); перс.
kelpuš	кирпич; перс.
keme(f)	полоумный; перс.
Kera	глухой; перс.
Kef	наслаждение, удовольствие; араб.
Kefsuz	нездоровый;
Ki	частица; перс.
Kilaɣa	легкий женский платок; перс.
Kitab	книга; араб.
Kulak	ветер; тюрк.
Kumak	помощь; тюрк.
Kur	слепой; перс.
Kuteh	конец; перс.
Kuča	улица
Kühne	старый; перс.
ḳawul	согласие, приятие; араб.
ḳadar	судьба, предопределенность; араб.
ḳadar	стоимость, достоинство; араб.
ḳalam	перо, ручка; араб.
ḳarar	терпение; араб.
ḳast	старание, решимость; араб.
ḳwali	куст
ḳebla	направление в сторону Мекки; араб.
ḳimat	стоимость, цена
ḳijamat	вставание (воскресение из мертвых); араб.
ḳismat	предназначенное; араб.
ḳuwat	сила, мощь; араб.
ḳuwatsuz	бессильный, немощный
ḳur'an	Коран; араб.
ḳurɣušum	свинец; тюрк.
ḳurkač	паршивец; тюрк.
q̣aban	кабан, вепрь; тюрк.

qazan	котел; перс.
qaz	гусь; тюрк.
qazanži	заработок, барыш; тюрк.
qaɣu	забота; тюрк.
qala	замок, крепость; араб.
qalaj	олово; тюрк.
qalajči	лудильщик
qalat	склока, несправедливость; араб.
qalpuz	арбуз; тюрк.
qamiš	камыш; тюрк.
qamči	плеть; тюрк.
qarawaš	слуга
qarawul	караул, страж
qaraɣač	карагач; тюрк.
qari	полметра
qarmax	крючок; тюрк.
qarni	обжора
qapan	мера сыпучих тел; перс.
qatir	мул; тюрк.
qaflan	тигр; тюрк.
qehpa	проститутка; перс.
qehpaxana	публичный дом
qizil	золото
qizmiš	жажда, усталость; тюрк.
qilit	засов; перс.
qinix	характер; араб.
qiraɣ	сторона; тюрк.
qirmizi	платок (красный); тюрк.
qul	подпись
qulluɣ	служение
qultuɣ	подмышка; тюрк.
qumuz	музыкальный инструмент; тюрк.
qunši	сосед; тюрк.
qurumsaɣ	подлый; тюрк.
quč	женский нижний головной убор

Lagan	таз; перс.
Lal	потерять дар речи; перс.
Lapa	волна
Lat(u)	жир
Lačax'	головной женский платок; перс.
Leef	одеяло; араб.
Lek	нога; перс.
Leng	замедлить, затормозить; тюрк.
Lukman	песчинка
Lühüm	средство
Mawlud	мавлид; араб.
Magariš	подарок
Mažbur	обязать
Mažburwal	обязательство
Mazgit	мечеть
Maja	костный мозг, сперма, проросшее семя; сскр.
Majdan	равнина; перс.
Majdan	площадь; перс.
Majil	поблажка, поддержка; араб.
Majit	труп; араб.
Maktab	школа; араб.
Makur	хитрость
Makurzana	хитрец, обманщик
Maqala	статья; араб.
Mal	богатство; араб.
Malik	торжественный; ср.хаз. *царь*
Malla	мулла
Manat	рубль; тюрк.
Manafik	льстец; араб.
Matlab	цель, намерение
Mači(bur)	чувяк сафьянный
Mahšur (x'as)	увлечься
Me	это; перс.
Megem?	разве?; перс.

Mehel(di)	пока, пока еще; араб.- *место*
Mehel	дорогой, единственный
Mehela	околоток; араб., перс.- *околоток*
Mehtal	удивленный; араб.
Me'dan	место, богатое чем-либо; араб.
Me'elim	учитель; араб.
Me'ni	песня; араб.
Mekem	место; араб.
Mizan	порядок, общепринятость; араб.
minnat	настойчивая просьба
miskin	бедный, несчастный, одинокий; араб.
mix	гвоздь; перс.
mu'min	спокойный
Muhman	гость; перс.
Mukam	мелодия
Mulk	владение; араб.
Murdal	скверный, нечистый; перс.
Musibat	беда, несчастье
Mutta'i	противник
Mutakalim	богослов; араб.
Mutlak	жадный; араб.- *абсолютный*
muštari	товарищ, попутчик, покупатель
Muštuk	мундштук
Nawruzbeg	жених на свадьбе
Nagah	если вдруг; перс.
N(1)amus	совесть
Nar	гранат; перс.
Naxir	стадо
Naxirban	пастух
Neseb	памятник на могиле; араб.
Nukar	нукар; дружки жениха на свадьбе; перс.
Nur	сияние, свет; араб.
Pahliwan	акробат, канатоходец; перс.
Paž	пристройка перед входом в помещение; хеттск. защищать

Pambeg	вата; перс.
Panah	осторожный; перс.
Panžž	лапа; перс.
Para-para (akas)	(расколоть, разбить) на куски; перс.
Pardaw	занавес; перс.
Partal	одежда; тюрк.
Pačah	царь; перс.
Pašman	печальный; перс.
Pir	памятник святым; перс.
Peškeš	подарок; перс.
Pis	плохой; перс.
Pul	деньги; перс.
Rahim	милость; араб.
Rahimsuz	безжалостный
Rang	цвет, краска; перс.
Rasad	правдивый, истинный; перс.
Rehet	отдых; араб.
Req	дорога; перс.
Rizk	хлеб насущный, пища; араб.
Ruksat	позволение; араб.
Rüh	дух, душа; араб.
Sabab	причина
Sabu	мера сыпучих тел, около 15-16 кг
Sabur	терпение; араб.
Sawab	грехоотпущение
Sawkat	подарок, гостинец; перс.
saɣ	здоровый, целый; тюрк.
sahib	хозяин; араб.
Sadaka	милостыня; араб.
sažum	мера длины
Sail	бедный, одинокий, обездоленный
saj	достоинство, авторитет; араб.
sajir	прогулка; араб.
Sakmiš (akas)	разрушить, разворотить

Saqat (x'as)	портить, претерпеть трудности; араб.
Salam	привет, приветствие; араб.
Salamat	спокойный, тихий; араб.
Salat	молитва; араб.
Salxuš	гордый, возгордившийся; перс.
Saraluy	желтуха
Sari	носилки, на которых несут покойника
Safa	польза, выгода
Saxte(f)	злой; перс.
Se'bun	мыло; араб., перс.
Seet	час, часы; араб.
Sebeh (sebeh xajir)	утро (доброе утро!); араб.
Sijah	заброшенный, бесхозный; перс.
Sinžil	цепь; перс.
Sir	доверительный разговор о своей жизни; араб.
Sirma(wur)	мелкое украшение из серебра; тюрк.
Sifat	лицо
Sifta	сначала, вначале;
Sukra	миска; перс.
Surat	лицо; араб.
Surna	зурна; перс.
Sufra	стол (еда); араб.
Suphenar	четки; араб.
Sühbat	рассказ, разговор
Tabi' (x'as)	верить
Taw	гостиная; перс.
Taw	жила, сила; перс.
Tawa	большая высокая кастрюля
Tawaqal (ja)	упование (на бога); араб.
Tawba	клятва
Tawaqu	настойчивая просьба
Talxan	ленивый; хаз. (?)
Tambaku	табак

Tambih	ограничение, запрет
Tanafus	перерыв (между уроками)
Tapa	куча; тюрк.
Taržuman	вознаграждение
Tarzan	иголка (цыганская); перс.
Tarika	чужое наследство; араб.
Tamaši (x'as)	смотреть, удивляться; араб.
Tarix	дата, свод правил (обычаев); араб.
Tastiḳ (aḳas)	принять, утвердить; араб.
Taxt	тахта, диван; перс.
Taxta	доска; перс.
Taškil (aḳas)	создать
Teher	образ, вид, положение; араб.
tek	нечетный; перс.
tek	только
Tembel	лентяй; перс.
Temeh	желание, соблазн; араб.
Teng	равный (применительно к людям); перс.
Ters	страшный, злой; перс.
Tiwit	сундук
Tirazar	весы; перс.
Te'di	быстро, спешно; перс.
Tehkum(wal)	быстрота, нетерпеливость
Tuhmat	неверное обвинение
Tukan	магазин; перс.
Tup	ядро, мяч; тюрк.
Tupanči	пистолет; перс.
Turši	кислота; перс.
Tutun	тютюн; тюрк.
Tufang	ружье; перс.
Tuxum	тухум, родственный клан
ṭ ahri(wur)	алыча; перс.
ṭ alaḳ	слово, произносимое мужем при разводе; араб.
ṭ ams	круглый металлический поднос

ṯeem	вкус
ṯebiet	нрав, характер
ṯurfan	ливень
ṯufal	вор
Uziqara (x'as)	попасть в неловкое положение
Ujaɣ	известие
Urdeg	утка; тюрк.
Urta	средний
Usta	мастер; перс.
Utu	утюг
ülke	страна, волость; тюрк.
ümur	жизнь, век; араб.
Fahum	ум; араб.
Fakir	бедный, беззащитный; араб.
Falči	гадальщик; тюрк.
Fana	пропасть (бесполезно); араб.
Farz	обязанность по шариату; араб.
Fariat	спокойный; араб.
Fasik	неверный, нечестивый; араб.
Fatehe	название первой суры Корана; араб.
Fatfa	мнение постороннего, которым пользуется то или иное лицо в его действиях; араб.
Fikir	дума, печаль; араб.
Fil	слон; перс.
Filfilar (qara)	перец (черный); араб., перс.
Fitna	раздор, склока; араб.
Fulan (kas)	такой-то; араб., перс.
Fureh	свободный, широкий; перс.
Furs	форс
Xabar	известие, рассказ; араб.
Xabarsuz	нечаянно, неожиданно; тюрк.
Xadis	рассказ (из Корана); араб.
Xaz	куница; перс.
Xazina	богатство; араб.
čabɣun	грабеж

čawuš	сторож, охрана; тюрк.
čaɣ irgüz	дурной; тюрк.
čaɣ undur	бурак; перс.
čadira	покрывало; тюрк.
čaj	чай; перс.
čaqal	шакал; перс.
čal(i)	плетенная ограда для телят; тюрк. - *хворост*
čapar	плетеная ограда; перс.
čapul	левый; перс.
čara	возможность; перс.
čarawa	скотина (мелкий рогатый скот); перс.
čarasuz	безысходный
čardax	шалаш
čarx	колесо; перс.
čatin	трудный, неудобный; тюрк.
čaxir	вино
čigur	чингур, балалайка;
čini	фарфор; перс.
čiraɣ	светильник, коптилка; перс.
čitt	ситец; перс.
čul	равнина; перс.
čulaq	калека (без руки или ноги); тюрк.
čuxaj	черкесска; тюрк.
čičaq	лук; тюрк.
šabaš	деньги, даваемые танцующими на свадьбе музыкантам; перс.
šawlar	брюки; перс.
šaqar	сахар; перс.
šala	ноша, бремя
šam	свеча; араб.
šarab	напиток; араб.
šah	шах; перс.
šahi	пятак (монета); перс.
šahid	свидетель; араб.

šahra	прямой, широкий (путь)
šahur	город; перс.
šak	подозрение; араб.
šafttali	персик; перс.
šejṭan	шайтан, черт; араб.
šii	шиит; араб.
šir	краска; перс.
širin	сладкий; перс.
šit	пресный, неприятный
šuj	муж; перс.
šuru (kelan)	что-то пересоленное; перс. - *солончак*
šuša	стекло, бутылка; перс.
Xajagani	яичница; перс.
Xajir	польза
xajlin	несколько, немало; перс.
Xalik	творец; араб.
Xalif (alɣ ajes)	головокружение
Xaliča	ковер; перс.
Xalk	народ; араб.
Xam	избалованный, гордый; перс.
Xan	хан
Xanžal	кинжал; перс.
Xarab (akas)	уничтожение, разрушение; араб.
Xarabat	разрушение, хаос
Xarž	подать, налог; расход; араб.
Xatir	угождение; араб.
Xač	крест; тюрк.
Xašil	полный, неповоротливый человек
Xijal	дума; предположение; араб.
X'iruz	легковесный, фанфарон; перс.- *петух*
Xirda	мелкий; перс.
Xuš	приятный, располагающий; перс.
Xub	очень; перс.
Xuk	нечисть, нечистоты; перс. - *свинья*
Xuni	жены родных братьев; перс. - *кровные*

Xurt (akas)	быстро кончить что-либо; перс.
Xut ba	молитва; араб - *проповедь*
Эwelni эwel	прежде (раньше) всего; араб.
Эwlelmiš x'as	обзавестись семьей; тюрк.
Эw-ülke	дом, страна
Эger	если; перс.
Эhli-insan	(ни один) человек; тюрк., араб.
Эlwerči	торговец; тюрк.
Эllig	старый; тюрк.
Эrkeg	мужественный; тюрк.
Эrkin	свободный; тюрк.
'emam	глухой
'edat	адат; араб.
'ekraw	скорпион; араб.
'ezab	мучение; араб.
'ezar	болезнь; перс.
'eziz	дорогой, единственный; араб.
'jib	стыд; араб.
'ekul	ум, разум; араб.
'elam	много
'elamat	удивительный, таинственный
'emal	средство; араб.
'emam	забитый
'embar	склад, куча, много; перс.
'er	стыд, совесть
'eraba	арба, подвода; тюрк.
'ereki	водка; араб.
'erd	ляжка; тюрк.
'ebasi	2O коп. (монета); перс.
'etlas	атлас
'ešuk	певец; араб.

Приведенный список слов далеко не исчерпывает всего состава восточных заимствований в агульском ни по количеству, ни по тематической отнесенности, такая задача в

настоящем исследовании и не ставилась. Тем не менее он дает ясное представление о том, насколько широко и глубоко иноязычные элементы проникли в лексико-семантическую структуру рассматриваемого языка. Охватывая самые разные сферы жизни, начиная от быта и форм хозяйственной деятельности и кончая духовным миром народа, называя важнейшие понятия, связанные с трудовыми процессами, нравственными, этическими представлениями, заимствования свидетельствуют об уходящей в глубь веков давности и интенсивности межэтнических связей и контактов. Этот факт вполне может быть использован для установления относительной хронологии как в истории языка, так и в этнической истории. Однако предварительно должна быть решена другая проблема - проблема идентификации заимствований с соответствующими языками-источниками, что предполагает разработку в первую очередь самой методики идентификации, составление перечня важнейших фонетических, лексико-семантических, словообразовательных и акцентологических особенностей и языков-источников, включая также языки-посредники, и языков заимствующих. Применительно к последним такая задача в целом решается достаточно успешно, поскольку работа по описанию дагестанских языков, начатая уже в 19 в., не прерывалась, но ей не хватало и не хватает необходимых типологических сопоставлений и обобщений. Что же касается создания сводов главнейших черт восточных языков, с которыми тесно контактировали в частности южнодагестанские, то оно по- прежнему актуально для дагестанского языкознания, ибо без этого едва ли могут быть обеспечены фон и предпосылки для исторического изучения лексических систем дагестанских языков в целом.

Если присмотреться к семантике перечисленных восточных заимствований, то оказывается, что она, как правило, не детализирована, лишь пунктирно намечена, слишком обща, особенно у глаголов, прилагательных, существительных, обозначающих морально-этические, нравственные, религиозные понятия и оценки. И это вполне понятно, если учесть, что заимствование происходило в процессе устного общения,

без опоры на письменность, обеспечивающую контекстуально поддерживаемые точность и единство лексического значения. Поэтому многие иноязычные слова, восходящие к совершенно разным лексемам в одном и том же языке-источнике или в разных языках, в принимающем языке совпадают функционально-семантически, представляя одно недифференцированное, неконкретизированное значение (см. Словарь). Было бы интересно изучить этот вопрос на материале разных разговорных языков как один из вопросов общей лингвистики.

Заключение

Представленный в исследовании развернутый обзор ведущих, конституирующих черт и особенностей фонетико-фонологического, морфологического, синтаксического, лексико-семантического и семантико-грамматического строя агульского языка дает возможность сформулировать некоторые выводы и проблемы, относящиеся как к характеристике языка в момент его описания и анализа (в синхронии), так и к процессам его эволюции, открывающимся в ходе внутриязыковых и межъязыковых сопоставлений в духе общепринятых требований сравнительно-исторического и сопоставительно-типологического языкознания, а также к истории народа в целом.

По способам и манере выражения грамматических значений и отношений агульский язык принадлежит к языкам агглютинативного строя. Однако в нем достаточно отчетливо дают о себе знать свойства флективного строя. Имеются в виду, в частности, такие явления, как многозначность ряда аффиксальных форм (окончаний локативных падежей, совмещающих собственно локативные значения со вторичными значениями косвенного субъекта, орудия действия, причины и т.д.), интерфиксация и префиксация, проявляющиеся при образовании, например, форм прохибитива, волюнтатива и других парадигм глагольных категорий; чередования гласных и согласных в корнях и основах слов (существительных, прилагательных, глаголов), участвующие в создании форм числа, сравнительно широкое использование супплетивизмов.

Весьма значителен удельный вес аналитических образований, особенно в сфере глагола, в связи с чем вспомогатель-

ные глаголы оказываются выдвинутыми в центр не только в разветвленных системах наклонений и форм времени индикатива, но и в высказывании в целом (если отвлечься от диалога, в котором структура составляющих его реплик предопределяется речевой ситуацией, то высказывание, предложение непременно включает в себя глагол - служебный или знаменательный).

Морфологически (и семантически) все слова отчетливо распределяются по 10 классам (частям речи) со свойственными им формальными и структурно-семантическими параметрами. Это имена существительные, прилагательные, числительные, местоимения, глаголы, наречия, союзы, частицы, послелоги и междометия. Состав союзов, в особенности сочинительных, весьма ограничен. Подчинительные союзы функционально и генетически близки к послелогам, количество которых также незначительно. Более многочисленны и разнообразны по модальным, деривационно-грамматическим функциям и структуре частицы. Строго фиксирован и круг междометий, среди которых наибольший интерес представляют клишированные команды, соотносительные с глаголами, обозначающими движение по направлениям "от говорящего" и "к говорящему", адресуемые разным домашним животным. Среди знаменательных классов слов (частей речи) кардинально противопоставлены имя существительное и глагол, их категории во многом полярны: существительное имеет категории падежа и числа, глагол - категории наклонения и времени, по лицам и числам последний не изменяется. По числам и падежам изменяются все существительные. Вместе с тем действует тенденция к лексикализации отдельных форм числа и падежа, что представляет собой один из путей обогащения языка новыми лексико-семантическими единицами. В полном и целостном виде функционирует система локативных падежей, история которых сводится, в частности, к тому, что у них появляются вторичные, как правило, обобщенные значения, усложняющие семантическую структуру категории падежа в целом. С другой стороны, сеть локативных падежей исторически обречена: в близкородственных языках функции локативных падежей перекладываются либо на более узкий

круг тех же локативных падежей, либо на так называемые основные (нелокативные) падежи. Если подойти к оценке противопоставленности имени существительного глаголу в агульском, как и в других лезгинских языках, с точки зрения языков иных систем, например русского, тогда выясняется, что эта противопоставленность не абсолютна. Наряду со многими категориальными различиями существительное и глагол не лишены и отчетливо обозначенных инвариантных линий: а) они связаны изоморфизмом аффиксов пространственной семантики, обслуживающих как локативные падежи, так и пространственные глаголы в их префиксальном оформлении (материально и содержательно они идентичны); б) в плане содержания тот же изоморфизм реализуется глаголами и соотносительными с ними отглагольными существительными (масдарными формами), образуемыми практически от каждого глагола; при этом масдарные формы, приобретая важнейшие признаки существительного (изменяемость по числам и падежам), не теряют вместе с тем и явной ориентированности на глагол, что проявляется, в частности, в сочетательных возможностях их со вспомогательными глаголами, образующими, например, формы времени; в) формы индикатива образуются не только от собственно глаголов, но и от каждого масдарного образования, свободно сочетающегося со вспомогательным глаголом соответствующего времени; и здесь тем самым прослеживается отмеченный выше принцип изоморфизма между именными и глагольными структурами. Разветвлена и богата система глагольных наклонений, посредством которых реализуются тонко детализированные и вместе с тем типизированные модально и модально-субъективные значения. Категории залога и вида не находят отчетливого морфологизированного выражения и проявляются как подчиненные другим глагольным категориям: залог обнаруживает зависимость от категории переходности и эргативной конструкции, вид - от категории времени; инфинитив же, индифферентный по отношению ко времени, не знает видовых и залоговых различий. В создании парадигм индикатива значительна конструктивная роль причастий и деепричастий.

Прилагательные и их морфологические субституты, хотя и имеют свои специфические формальные показатели, в атрибутивной функции не согласуются с определяемыми ни в числе, ни в падеже, согласовательная способность их реализуется лишь тогда, когда выступают в предикативной части высказывания. Субстантивируясь, склоняются исключительно по субстантивной парадигме, причем деклинационная основа, предшествующая падежным аффиксам, и в единственном и во множественном числе неизменно оканчивается на суффикс прилагательного множественного числа. Сами суффиксы прилагательного сугубо формальны, семантически настолько обобщены, что свободно присоединяются и к основам существительных, вернее - их генитивных форм, для образования конструкции принадлежности (притяжательности), и к основам местоимений соответствующих разрядов, и к основам причастий и деепричастий, и к основам даже вопросительных и некоторых других наречий. Тем самым они функционируют только как *морфемы отношения*.

Среди числительных выделяются количественные, порядковые, дробные и др. Порядковые числительные образуются аналитически путем присоединения к количественным причастной формы pi(f) - *названный* (так же обстоит дело и в других лезгинских языках). В семантической основе числительных в целом лежит десяте- и двадцатиричная система счисления[185], однако преобладающей является десятеричная. Имеется также довольно явственно выраженная тенденция к дифференциации процесса счета в зависимости от предметов, подвергаемых счету, и проявляется она, в частности, в употреблении специфических слов, обобщающих определенные подклассы слов - так называемых нумеративов. Так, в словосочетаниях с количественными числительными для обозначения обобщенного значения лица употребляется слово suj, этимологический смысл которого - *муж*, а нумеративный - *че-*

---

[185] О системах счисления, представленных в разных языках, см.: *Зиновьев В.Н.* Лексико-семантические особенности числительных в разных языках // Лексика. Терминология. Стили: Межвузовский сб. Вып. 3. Горький, 1974. С. 20-36.

ловек, душа; для обозначения обобщенного значения вещи - слово šej' , что значит *вещь, предмет*; для обозначения обобщенного значения *животное, скотина* - слово *mal,* для обозначения значения *мелкий рогатый скот- čarawa* и т.д. В целом таких слов немного, и обслуживают они в силу этого ограниченные тематически группы именной лексики. Как бы то ни было, функционально они ясно выделяются среди всех слов языка, удовлетворяя главным образом двум важнейшим требованиям: а) обобщать, объединять предметы одного понятийного или микропонятийного поля, называемые разными словами (идентификация) и б) классифицировать предметы, понятия и соответствующие им наименования по определенным классам.

Среди местоимений обнаруживаются в основном те же разряды, которые выделяются обычно в других языках. Вместе с тем местоимения агульского языка не лишены специфики. Прежде всего следует отметить живые формы инклюзива - эксклюзива, регулярно и последовательно используемые в языке, по которым реализуются разные степени обобщенности значения у местоимения первого лица мн. числа. Среди прочих разрядов местоимений, принципиально совпадающих с аналогичными разрядами в иных языках, несомненно, выделяются указательно-локативные местоимения типа mewus - *это место,* tewus - *то место,* возникшие в результате сложения указательных форм с существительным us - *место.* Как было отмечено в соответствующем разделе исследования, подобные факты не могут быть интерпретированы как атрибутивные словосочетания или сложные слова. Это особые местоимения, демонстрирующие, в частности, и то, насколько разнообразны и самобытны пути обогащения языков новыми лексико-грамматическими единицами.

Разнообразна система глагольных категорий, часть которых находится еще чуть ли не в процессе становления (категории вида, залога, личного спряжения и др.), часть же образует ряды противопоставлений, отчетливо реализованных как в плане выражения, так и в плане содержания (категории наклонения, времени). У глаголов пространственной семантики посредством соответствующих морфем ясно и по-

следовательно представлена картина направлений расчленения пространства языком заданных пространственных перемещений предмета. В выражении этих значений глагол действует не изолированно, а строго координированно с именем существительным, локативные падежи которого своими средствами реализуют те же самые значения. Это свидетельствует о глагольно-именном изоморфизме как об одном из живых принципов в грамматической системе языка. Поскольку имя и глагол выступают важнейшими компонентами предложения, то и предложение в конечном счете оказывается охваченным тем же принципом изоморфизма.

Активную роль в формообразовании глагола играют причастия и деепричастия, с одной стороны, вспомогательные глаголы - с другой. Разные их комбинации и создают разнообразие форм глагола, по существу своему являющихся аналитическими. Глагол лишен способности изменяться по числам и лицам. Исключение составляют причастные образования, которые, выступая в качестве "вещественного", смыслового компонента именного сказуемого, а также конституируя отдельные формы времени индикатива, включают в свою морфемную структуру аффикс соответствующего числа. В некоторых говорах, в частности кошанских, предполагается начало процесса образования личного спряжения, по-видимому, под влиянием табасаранского языка. Наиболее отчетливо этот процесс прослеживается на глаголах во втором лице. Причем действует та же принципиальная схема, которая была выявлена и предложена Фр. Боппом для объяснения генезиса личных форм глагола в индоевропейских языках[186].

В системе глагольного формообразования, прежде всего формообразования наклонений, весома роль отдельных разрядов частиц (ср.формы гипотетического наклонения, прохибитива, волюнтатива и др.). Это, как и многие другие факты, свидетельствует о глубоком взаимодействии не только меж-

---

[186]*Бопп Фр.* Сравнительная грамматика санскрита, зенда, армянского, греческого, латинского, литовского, старославянского, готского и немецкого // *Звегинцев В.А.* История языкознания 19 и 20 вв. в очерках и извлечениях. Ч. 1. М., 1960. С. 33.

ду грамматикой и лексикой, но и между знаменательными и незнаменательными словами языка. То же взаимодействие подтверждается лексико-семантическими разрядами и прозрачным этимологическим рисунком наречий, послелогов, многих частиц. Междометия всех типов обнаруживают внутренне-семантическую ориентированность на глаголы направленного движения. Следовательно, и здесь имеет место некий содержательный изоморфизм.

Впервые проведенный достаточно развернутый обзор синтаксических структур языка, а также важнейших способов выражения тех или иных тематически объединенных отношений позволил, с одной стороны, представить общую картину синтаксического строя языка, с другой - выявить парадигматику соотнесенных друг с другом структур, служащих для реализации типизированных значений. Отмечая основные разновидности предложений по структуре, цели высказывания, интонации, типологически совпадающие с аналогичными предложениями в других родственных или неродственных языках, нельзя не обратить внимания на то, что составляет специфику исследуемого языка. К этим специфическим чертам относятся, в частности, почти полное отсутствие безличных предложений (синтаксическая безличность находится на стадии становления), полиподлежащность, обусловленная детерминированностью строя предложения лексикой; изоморфизм между глагольно-именными компонентами предложения, выражающими пространственные отношения; координация между подлежащим и сказуемым при зачаточности средств согласования сказуемого с подлежащим; отсутствие согласования непредикативного определения с определяемым; широкое распространение синтаксических комплексов, основанных на координации и примыкании; зависимость структуры предложения от морфемно-морфологической структуры глагола пространственной семантики, играющего вершинообразующую роль в предложении; ограниченность средств организации сложносочиненного предложения, тесная связь синтаксических скреп сложноподчиненного предложения с глаголом и др.

Обобщение имеющихся, пусть даже ограниченных, исторических данных, дополненных анализом языкового материала, позволяет указать на середину - вторую половину 1 тысячелетия до н.э., как на вероятный период распада восточнолезгинского языкового единства и образования отдельных восточнолезгинских языков. К сожалению, в исследованиях по истории лезгинских языков, в которых рассматриваются вопросы генезиса этих языков, хронологический аспект почти полностью выпадает из поля зрения. Так, в одной из последних по времени работ, посвященных генетической классификации лезгинских языков[187], автор ее, объединив эти языки в три группы (восточнолезгинскую - лезгинский, табасаранский, агульский; рутульско-цахурскую - рутульский, цахурский; шахдагскую - крызский, будухский) и выделив арчинский и удинский языки, как раньше всех отделившиеся, совершенно не касается вопроса о том, когда же приблизительно упомянутые группы сложились. К тому же весьма спорна и лишена аргументации и та последовательность выделения каждого из лезгинских языков, которая показана в схеме филиации общелезгинского языка-основы[188]. Автор предполагает, что существовал период табасаранско-агульского языкового единства, наступивший после выделения собственно лезгинского языка. Основанием для подобного предположения он считает, по-видимому, то, что в данных, полученных им при сравнении "стословных списков слов методами глоттохронологии", процент лексических совпадений между лезгинским и агульским равен 53, лезгинским и табасаранским - 50, табасаранским и агульским - 69[189]. При этом остается неясным, какие лексемы и по какой методике сопоставлялись. Как бы то ни было, но если учесть, что агульский включает в себя три довольно основательно противопоставленных друг другу диалекта, существенно отличающихся и по лексике, то, естественно, возникает вопрос:

---

[187] *Алексеев М.Е.* К вопросу о классификации лезгинских языков // Вопросы языкознания. 1984. № 5. С. 88-94.

[188] Там же, с. 92.

[189] Там же, с. 91.

какой из этих диалектов был ведущим в сопоставлениях с табасаранским языком? В любом случае 69 % лексических совпадений между агульским и табасаранским так же сомнительны, как и 53 % - между агульским и лезгинским. Это подтверждается данными соответствующей главы настоящего исследования, а также тем реальным фактом языкового функционирования, что понимание табасаранской речи носителем агульского языка, не знакомого с табасаранским, практически исключено. Любые выводы подобного плана окажутся неверными до тех пор, пока они не будут опираться на четкое и последовательное отграничение автохтонного, самобытного от заимствованного, равно как и ограниченно-диалектного - от общеязыкового. Между тем в упомянутой статье М.Е.Алексеева эти моменты не учитываются, хотя и декларируются. К примеру, ряд изоглосс иллюстрируется словом ars - *серебро, деньги,* являющимся заимствованием во всех языках, о которых идет речь; слово kuč̣al - *неправда, ложь,* которым иллюстрируется одна из табасаранско-агульских изоглосс, в последнем также является заимствованием из табасаранского, распространенным лишь в кошанском диалекте, исторически тесно связанном с табасаранским языком.

После распада восточнолезгинского языка-основы в первом тысячелетии до н.э. происходит образование нынешних восточнолезгинских языков, носители которых постепенно заняли территории их современного расселения. Ясно также, что новое расселение было результатом оттеснения их более сильными и воинственными племенами, наступавшими с юга. Так что освоение труднодоступных горных ущелий было вынужденным, продиктованным интересами самосохранения и самозащиты. Об этом же свидетельствует и традиция располагать населенные пункты на возвышениях, обеспечивавших необходимый обзор местности и возможность сигнализации об опасности. В пользу того, что агулы, как и остальные восточнолезгинские народности, относительно поздно расселились по исторически засвидетельствованным территориям, достаточно убедительно говорят факты их языка и культуры. Прежде всего это - огромное количество всевозможных заимствований из иранских языков, с носителями ко-

торых агулы не имели общих географических границ в исторически обозримом прошлом. Вместе с тем глубина проникновения их в языковую систему, несомненно, выдает их солидный возраст. Следовательно, обильное вторжение ираноязычных элементов в агульский могло иметь место тогда, когда древние восточнолезгинские племена, жившие намного южнее современных границ, непосредственно и в течение длительного времени контактировали с ираноязычными народами. С другой стороны, нельзя не обратить внимания, например, на то, что во многих волшебных агульских сказках главный персонаж чаще всего борется с аждаха, живущим у воды и исключающим доступ к воде, - мотив, который едва ли мог появиться в сказках горцев, скорее всего он порожден условиями жизни Арана (так агулы называют низменные территории с палящим солнцем) и является памятью о давно минувших временах - о временах сказочной давности. Аргументов подобных можно привести много (см. также соответствующие разделы исследования). В целом лексика языка носит явно смешанный характер в отличие от его грамматического строя, полностью самобытного и последовательного, сохраняющего черты кавказских языков. Следы смешения прослеживаются и на фонетико-фонологическом уровне, характеризующемся богатством систем вокализма и консонантизма, выраженными тенденциями к гармонии гласных в полисиллабических словах, противопоставленными исконной тенденции к сингармонизму согласных в закрытых трехкомпонентных моносиллабически организованных словах автохтонного происхождения. Все это дает основание предположить, что этнический состав агулов, как и других восточнолезгинских народов, складывался при заметном участии ираноязычного элемента, на который впоследствии, по лингвистическим данным, не в очень отдаленном прошлом наслаивался тюркоязычный элемент. Подобные сведения миграционного порядка (применительно к происхождению кавказских языков и народов в целом) уже приводились[190], но они были

[190]См., напр.: *Марр Н.Я.* Кавказоведение и абхазский язык // *Марр Н.Я.* Избранные труды. Т. 1. Л., 1933. С. 67.

просто отвергнуты,[191] вместо того, чтобы быть аргументированно опровергнутыми. Необходимой и важнейшей предпосылкой для правильного и научно обоснованного ответа на поставленный вопрос должно быть признано углубленное описательное, описательно-историческое и сравнительно-историческое изучение как отдельных кавказских языков, так и их групп, выполненное на широком культурно-историческом фоне и в соответствии с методологическими требованиями современной науки. Таких работ, по крайней мере по многочисленным дагестанским языкам, пока не существует: исследовательская склонность к гипотезам не соизмерима со скромностью объемов фактически анализируемого материала и ограниченностью решаемых при этом задач.

Если бросить общий взгляд на содержательную структуру языка, то приходится констатировать отчетливо выявляемый полисемантизм на лексическом уровне, сочетающийся с дифференцированностью, дробностью способов выражения грамматических отношений. При этом лексический полисемантизм не обязательно связан с абстрактностью. В этом отношении весьма характерны, например, так называемые масдарные формы, свободно образуемые от каждого глагола, или отвлеченные существительные, произведенные суффиксальным способом от основ прилагательных. К примеру, масдарная (субстантивная) форма puw от глагола pas - *сказать* - это не столько абстрактная лексема, аналогичная соответствующим лексемам индоевропейских языков, сколько тот же конкретный глагол, но только формально-грамматически переведенный в разряд существительных, а потому приобретший способность изменяться по именной парадигме (склоняться). Вместе с тем она не порывает и с глаголом, в сочетании со вспомогательными глаголами участвуя в создании временных структур, параллельных (синонимичных) временным структурам с участием причастий и деепричастий. Не случайно поэтому то, что масдарная форма свободно принимает суффикс отвлеченно-предметной семантики -wal (-wel),

---

[191]Обзор теорий происхождения и расселения народов и языков Кавказа см.: *Климов Г.А.* Кавказские языки. М., 1965. С. 3-26., 82-100.

и это не воспринимается как плеоназм, что было бы невозможно, если бы масдар сам по себе являлся способом реализации абстрактной семантики. В принципе так же обстоит дело и с отъадъективными субстантивами, образуемыми посредством отвлеченного суффикса -wal (-wel) от основ прилагательных: их сочетательные возможности, являющиеся одним из показателей обобщенности, абстрактности лексической семантики, далеки от сочетательных возможностей аналогичных образований, например, в русском языке. Агульскому cejewal от прилагательного çejef - *новый* в русском языке соответствуют два отъадъективных существительных: *новость*, с широким диапазоном сочетаемости, и более ограниченного употребления - *новизна,* но агульский субстантив семантически, пожалуй, не совпадает даже частично ни с одним из русских субстантивов: он явно конкретен и семантически всегда ситуативен. Таким образом, слова, тяготеющие к абстрактным в процессе внутриязыковых сопоставлений, будучи включенными в межъязыковые сопоставления, почти не выходят за рамки конкретной лексики, тем самым обнаруживая иную шкалу ценностей.

Грамматические значения и отношения разработаны подробно и последовательно, полисемантизм и омонимия в этой области отмечаются несравненно реже, чем в лексической системе. Это наглядно подтверждается и типами субъективных отношений вместе со способами их выражения, и локативными падежами, и стратификацией способов обозначения дейксиса, и инклюзивно-эксклюзивными формами местоимений, и детализованной системой выражения времени, и богатством типов наклонений глагола, и глагольными префиксами пространственной семантики, и частицами и т.д. Все это вместе взятое свидетельствует о самобытности языка, о его имманентно заданных возможностях в процессе познания и языкового воплощения окружающего мира.

Проблема роли языка в познавательной деятельности человека, отношения его к мышлению и культуре является, как известно, одной из интереснейших и недостаточно разработанных проблем не только общего языкознания, но и таких наук, как философия, этнография, история культуры, психо-

логия и т.д. С разной степенью интенсивности она обсуждается в новой истории языкознания уже со времен В.Гумбольдта, но вызывает к себе обостренное внимание исследователей в связи с гипотезой Э.Сепира и Б.Уорфа о лингвистической относительности, а также разысканиями Л.Вейсгербера и его последователей по этнолингвистике[192]. Ей отводится значительное место и в отечественной науке последних десятилетий, которая, преодолев период односторонне негативных оценок той же гипотезы лингвистической относительности, стала заниматься ею по существу, хотя и весьма фрагментарно. В этом плане знаменательно следующее мнение, высказанное известным советским этнографом акад. Ю.В.Бромлеем: "Язык отнюдь не является полностью индифферентным средством оформления мыслей и их передачи. Языку принадлежит активная роль в процессе познания: с его помощью не только воспроизводится логическая, мысленная картина окружающей нас действительности, но он вносит в этот исключительно сложный процесс своеобразные коррективы, оставляя свой отпечаток на познании. В этой связи, на наш взгляд, заслуживает, в частности, внимания предположение, что наиболее верное решение вопроса о лексических различиях можно сформулировать следующим образом: языки отличаются друг от друга не столько тем, что в них можно выразить, сколько тем, что в них легче выразить"[193]. Далее Ю.В.Бромлей, приводя некоторые лингвистические факты из области лексики, подтверждающие предположение о влиянии способов языкового выражения на характер и структуру мысли, факты фонетического символизма и положительно оценивая их[194], особо выделяет вопрос о воздействии грамматического строя языков на познавательные процессы как наиболее сложный и слабоизученный. В принципе аналогичные

[192]См.: *Тарланов З.К.* Язык и культура. С. 4-10, 29-41.
[193]*Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. М., 1983. С. 167-168.
[194]Там же, с. 168-170.

суждения высказывались и другими исследователями[195], и не согласиться с ними нет оснований.

Язык, будучи средством формирования и выражения мысли, характеризующимся вместе с тем собственной имманентной структурой, средством закрепления и передачи из поколения в поколение коллективно принятого опыта осмысления окружающей действительности, не может быть индифферентным по отношению к познавательной деятельности человека, к непрерывному процессу созидания культуры. Другое дело, что эти связи не лежат на поверхности, особенно если иметь в виду тот аспект, который предполагает выявление обусловленности между познавательными процессами и грамматическим строем языков. Обращение к анализу содержательной структуры разных языков независимо от их современного культурно-исторического статуса убеждает в том, что игнорирование национально-исторически самобытного в языке, чаще всего вызываемое желанием оттенить безусловно верный тезис о тождестве или близости логических основ языков, ведет к обеднению наших представлений о языке, о его роли и значении в истории общества: общее и всеобщее не исключает, а предполагает частное и конкретное явление как реальность. По необходимости вернемся выборочно к отдельным языковым фактам, рассмотренным в соответствующих главах настоящего исследования.

Известно, что во всех языках существует категория отрицания, реализуемая разными языковыми средствами. В русском языке, например, она выражается отрицательными и отрицательно-усилительными частицами или включающими этимологические частицы производными основами. В русском предложении отрицание может быть частным или общим, в нем одновременно могут быть два или больше отрицаний, од-

---

[195]См., напр.: *Ахманова О.С.* Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957. С. 51. *Брутян Г.А.* Гипотеза Сепира-Уорфа. Лекция, прочитанная в Лондонском университете в 1967 г. Ереван, 1968. С. 58-60; *Панфилов В.З.* Философские проблемы языкознания. М., 1977. С. 29; *Чесноков П.В.* Логические и семантические формы мышления как значение грамматических форм // Вопросы языкознания. 1984. № 5. С. 3-13.

но из которых служит основным, остальные подчеркивают, усиливают его. Главный смысл отрицания в русском языке - это констатация наличия или отсутствия связи между определенными компонентами высказывания и, следовательно, между соответствующими понятиями. Будучи связанным с модальностью вообще, отрицание в русском языке строго не раскладывается, например, между разными наклонениями глагола, между субъективной и объективной модальностью, между разными лицами (участниками речевого акта) и т.д. Совсем по-другому обстоит дело в агульском, в котором, во-первых, разные группы наклонений обслуживают разные отрицательные форманты: ada' (adawa) и его варианты - индикатив, а также образующиеся на его основе формы условного наклонения; ma - прохибитив; da - волюнтатив, предостерегательное и некоторые другие ирреальные (скорее - ирреально-отрицательные) наклонения и т.д.; во-вторых, есть способы отрицания, служащие исключительно для передачи субъективно-модального значения, связанного с субъектом речи (с говорящим лицом); в-третьих, da в сочетании с формой императива для 3-го лица - для выражения отрицательного императива, адресованного третьему лицу и т.д. Таким образом, в отличие от русского (или в сопоставлении с русским) агульский язык не знает общего, единого (обобщенного, универсального в пределах глагольных категорий) отрицания. Поэтому русским формам *не пишу, не напишу, не пиши, пусть не пишет* в агульском соответствуют liķej a-dawa, liķes-ttawa (liķes-dawa), ma-liķe(n), da-liķiraj. Кроме того, в последнем имеются также da-liķe(n) - не стану (не хочу) писать! Wari da-liķes - Смотри, чтоб не написал! Из сказанного очевидно, что отрицание в сопоставляемых языках далеко не идентично. Речь идет не только о формах волюнтатива и предостерегательного наклонения, чуждых для морфологической системы русского языка, в котором обнаруживаются лишь весьма приблизительные семантико-синтаксические аналоги указанным. Речь идет и об остальных отрицательных сочетаниях, реализующих не только и не столько сугубое отрицание, сколько отрицание + модальность (модальность и лицо, модальность и время, и т.д.). Прохибитив maxura - *не*

читай - это не просто отрицательная (запретительная) параллель императива, им представляется целый ряд значений: 1) предписания, реализуемого собственно глаголом, 2) отрицания, 3) запрета, 4) второго лица (вместе с глаголом), 5) субъективности, 6) неиндикативности (ирреальности). В агульском высказывании не может быть двух отрицаний, но отрицание допускает усиление посредством включения перечислительно-усилительной частицы либо повторения самой отрицательной формы.

Итак, типологически единому отрицанию в русском языке в агульском соответствуют четыре формально и содержательно противопоставленных друг другу способа выражения отрицания, благодаря чему отрицание в агульском предстает как более конкретная языковая категория, не потерявшая еще ориентации на определенные речевые ситуации (или контексты), т.е. в этом последнем отрицание в индикативе выражается не так, как в остальных наклонениях; в прохибитиве - не так, как в волюнтативе; во втором лице - не так, как в третьем и т.д. Отсюда вовсе не следует, однако, что агульскому языку неведомо обобщенное отрицание. Вместе с тем, коль скоро язык - это средство формирования и выражения мысли, структура мысли, реализуемая отрицательными высказываниями в русском и агульском языках, достаточно различна, хотя и не лишена известного инварианта. Так, отрицательная форма волюнтатива daxura от глагола xuras - *читать*, кроме всего прочего, содержит также и семы *а) могу (должен), б) отрицание , в) противопоставление, г) первое лицо,* которые в сумме дают приблизительно следующий смысл: *хотя могу (должен), но не стану читать (не прочитаю).* Здесь инвариантное начало, общелогическое не существует отдельно от индивидуально-языкового, оно представляет собой результат отвлечения, обобщения, это абстракция, формулируемая эвристически. Содержательная структура русского сочетания *не прочитаю* и соотносительного с ним агульского волюнтатива daxura различается настолько, что она не может быть безучастной при выражении соответствующей мысли.

Та же детализированность, ориентированность на более конкретные хронологические срезы обнаруживается также у временных форм, что в конечном счете характеризует временные представления носителей языка в целом. В принципе аналогично обстоит дело с формами инклюзива-эксклюзива, расчлененно представляющими идею первого лица мн. числа, локативными падежами имен и т.д.

Языковые формы - это не оболочки, наполняемые отдельно от них и до них существующим содержанием, а средства, непременно участвующие в формулировании и объективированном закреплении этого содержания как исторического, познавательного опыта народа, опыта созидания культуры. С этой точки зрения язык не знает бессодержательных, пустых форм. Даже звуки, и те выполняют определенные функции в содержательной структуре языка, выступая в качестве тех или иных символов[196].

Более тщательный и систематизированный анализ содержательной структуры языков в их отношении к истории народа, истории культуры, истории накопления познавательного опыта народа - одна из назревших задач этнолингвистики.

---

[196]*Тарланов З.К.* Язык и культура, с. 54-58. См. также: Бромлей Ю.В. Очерки истории этноса, с. 169, прим. 127.

СОДЕРЖАНИЕ

Тарланов Замир Курбанович

Агулы:
их язык и история

Редактор Л.П. Соколова
Художественный редактор и компьютерная верстка
А.Ю. Симанов

ЛР 040110.11.10.91. Подписано в печать 28.07.94.
Формат $60x90^{1}/_{16}$. Бумага типографская № 2.
Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл.печ.л. 18.
Уч.-изд.л. 18. Изд. № 59. Тираж 1000 экз. Заказ 1812. "С"

Издательство Петрозаводского государственного университета
185640, Петрозаводск, пр. Ленина, 33

Арендное предприятие
Республиканская ордена "Знак Почета" типография им. Анохина
185630, Петрозаводск, ул. "Правда", 4